Markaziy Osiyo Tarixi

История Центральной Азии

History of Central Asia

1-SON 2025

Markaziy Osiyo Tarixi

История Центральной Азии

History of Central Asia

Markaziy Osiyo Tarixi

Ilmiy-nazariy jurnal

История Центральной Азии

Научно-теоретический журнал

History of Central Asia

Scientific-theoretical journal

Bosh muharrir:
Ahmadali Asqarov – akademik

Bosh muharrir o‘rinbosari:
Shuhrat Ergashev – professor

Ma’sul kotib:
Bahodir Pasilov – dotsent

Ta’sischi:
Nizomiy nomidagi Toshkent davlat pedagogika universiteti

Telefon:
(+998 90) 023-42-14

Sayt:
https://www.tdpu.uz/

Manzil:
100185, Toshkent shahar, Bunyodkor ko‘chasi, 27-uy

Jurnal O‘zbekiston Respublikasi Prezidenti Administratsiyasi huzuridagi Axborot va ommaviy kommunikatsiyalar agentligidan 2022-yil 28-aprelda 1602 raqami bilan ro‘yxatdan o‘tgan.

Tahrir ha’yati:

1. Abdullaev R.M. – prof., O‘zbekiston
2. Adib Xalid – prof., AQSh
3. Alimova D.A. – prof., O‘zbekiston
4. Egamberdiyeva N. – prof., O‘zbekiston
5. Habibullayev A. – prof., AQSh
6. Isoqov M.I. – prof., O‘zbekiston
7. Kamolov A. – prof., Qozog‘iston
8. Kaychumanova D. – prof., Qirg‘iziston
9. Kirgizbayev A.K. – prof., O‘zbekiston
10. Li Si – prof., Xitoy
11. Nazarov R.R. – dotsent
12. Nuriddinov E.Z. – prof., O‘zbekiston
13. Oblamurodov N. – prof., O‘zbekiston
14. Pivovar Y.I. – akademik, Rossiya
15. Qurbonov X. – prof., Turkmaniston
16. Sabirov A.T. – prof., O‘zbekiston
17. Saitmurodov J.B. – dots., O‘zbekiston
18. Sulaymonov R.H. – prof., O‘zbekiston
19. Usmanov I.K. – prof., Tojikiston
20. Xodjayev A.X. – prof., O‘zbekiston
21. Yusupova D.Y. – akademik, O‘zbekiston

“Markaziy Osiyo tarixi” jurnali O‘zbekiston Respublikasi Oliy attestatsiya komissiyasi Rayosatining 2023-yil 30-sentabrdagi 343-sonli qarori bilan 07.00.00 — Tarix fanlari bo‘yicha, doktorlik dissertatsiyalari asosiy ilmiy natijalarini chop etish tavsiya etilgan ilmiy nashrlar ro‘yxatiga kiritilgan.

MUNDARIJA

Ходжаев А. *Об этимологии этнотопонима юечжи в древнекитайских источниках*.....4

Алимова Д. *Социальная стратиграфия раннесредневекового общества по согдийским документам с горы Муг*.....32

Кузембаев Н. *Потомки асов (азов, азкишей) в составе тюркских народов Центральной Азии: историко-этнографический аспект*....49

Шадманова С. Отражение вопросов трансформационных и модернизационных процессов в сельском хозяйстве Туркестана в периодической печати (конец XIX – начало XX вв.**)**.....61

Абдукадиров А. К истории внутренней депортации населения в период образования Таджикской АССР в составе Узбекской ССР (1924–1929 ГГ.).....87

Пасилов Б. *Монокультура хлопка в сельском хозяйстве Узбекской ССР и ее социально-экономические последствия*.....103

Шазаманов Ш. *Геополитическое значение СУАР в развитии КНР (статья подготовлена на основе материалов, опубликованных в журналах «Китай» и «Контимост»)* 114

Khoshimov U. *Changes in the higher education system of the uzbek ssr on the eve of perestroika to train scientifically qualified personnel*.....139

Янги китоблар/Новые книги/New books

Каримова Д. О биографической книге академика Ахмадали Аскарова «Мгновения жизни, закалённые в труде и борьбе» 148

ОБ ЭТИМОЛОГИИ ЭТНОТОПОНИМА ЮЕЧЖИ В ДРЕВНЕКИТАЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Аблат Ходжаев,

доктор исторических наук, профессор, руководитель отдела истории Центральной Азии института Востоковедения АН РУз

Abstract:

This article analyzes data from ancient Chinese sources regarding the origins and etymology of the ethnotoponym Yuezhi. According to these sources, the term Yuezhi (ancient pronunciation: rouzie, ruzie) emerged in the 3rd century BCE as the name of a state and its people. Prior to that, for over seven centuries, the ancient Chinese used different characters to represent the same group, with variations in meaning but similar pronunciation. Earlier forms of the name were pronounced ngiwo-tcie, ngou-tcie, ngəu-tzie, and ngou-zie—transcriptions of the Turkic term Oguz-yer, later abbreviated as Oguzia ("Land of the Oguz"). This name was derived from the ethnonym Oguz (ögùz)—meaning "bull," a symbol of power and greatness—combined with yer ("land"). Originally, the Yuezhi (Oguz) inhabited the valleys of the central part of the Eastern Tangritag (Tien Shan). Over time, their influence extended to the Ordos region. However, between 176 and 174 BCE, under pressure from the Xiongnu, most of the population of Oguzia (Yuezhi) migrated toward the Amu Darya. In Chinese sources, they were subsequently referred to as Da-Yuezhi ("Greater Yuezhi").

Keywords: *China, sources, analysis, ethnonym, Yuezhi, Da-Yuezhi, Xiao-Yuezhi, etymology, Oguz, kingdom, Oguzia, localization, Tangritag (Tien Shan), migration, Amu Darya.*

Аннатация: *Статья посвящена анализу сведений древнекитайских источников относительно времени появления этнотопонима Юечжи (Юэчжи) и его этимологии.*

Согласно содержаниям этих источников, термин юечжи (древнее чтение rouzie, ruzie) появился в III в. до н.э. как название государства и его населения. Ранее, в течение более 7 веков, для его написания древние китайцы использовали другие иероглифы с разными значениями, но близкими по произношению.

В свое время они произносились ngiwo-tcie, ngou-tcie, ngəu-tzie, ngou-zie и были транскрипциями тюркского слова «Огуз-йер», сокращенно «Огузия» («Земля огузов»). Оно появилось путем сложения этнонима огуз (ögüz) – бык, символизирующего величие и могущество, и слова йер – земля. Первоначально юечжицы (огузы) обитали в долинах центральной части восточного Тангритага (Тянь-швнь / Тянь-Шань), позже их влияние распространилось до Ордоса. В 176–174 гг. до н. э. под давлением хуннов большая часть жителей Огузии (Юечжи) ушла в сторону Амударьи. Она была названа китайцами да-юечжи (большая часть юечжийцев).

Ключевые слова: *Китай, источники, анализ, этноним, юечжи, да-юечжи, сяо-юечжи, этимология, огуз, царство, Огузия, локализация, Тангритаг (Тянь-Шань), миграция, Амударья.*

Как известно, в течение первых трех веков нашей эры царство Кушан было «самым могущественным государством в Средней Азии»[1]. Все ученые отмечали, что данное государство было создано племенами юечжи, *которые переселились с территории Восточного Туркестана*. Однако из-за отсутствия достаточной информации из первоисточников этимология этнонима юечжи и этническое происхождение его носителей не получила полного освещения. Более того, в исторической литературе появились противоречивые мнения о них.

Еще в XIX в. учеными были выдвинуты различные версии об этническом происхождении юечжи – народе, создавшем Кушанское царство. Русский ученый С.П. Толстов был убежден, что они были массагетами. Такие европейские и русские ученые, как И. Маркварт, Э. Пуллейбенк, Ю.Н. Рерих, В.В. Иванов считали, что юечжи были тохарами. Японские ученые К. Еноки и Г. Халоу относили их к скифам[2]. Но вместе

[1] История народов Узбекистана. В 2-х т. Ташкент, 1947. С. 32.

[2] Ўзбекистон халқлари тарихи (История народов Узбекистана). Под ред. акад. А.Аскарова. В 2-х т. Тошкент,

с этим К. Еноки высказал мнение, что юечжи очень похожи на тюрков периода V–VI вв.[3].

И. Клапрот, В.В. Григорьев, С.П. Толстов уверяли, что этноним даюечжи является китайским названием массагетов (великие геты)[4]. Европейские ученые попытались идентифицировать юечжей с «Асиями» и «Касиями», которые встречаются в трудах древнегреческого астронома Клавдия Птолемея и географа Страбона[5].

Китайский ученый Фэн Чэнцзюнь (1887–1946), переведший на китайский язык опубликованные труды французских авторов, писал, что народ *юечжи*, встречающийся среди народов Центральной Азии, не имеет ничего общего с *туцзюэ* и *монголами*[6].

По мнению большинства историков Узбекистана, юечжи – часть *сакских* племен. Например, в двухтомном труде «История народов Узбекистана», изданного в 1950 года, отмечено, что «юе-чжи» составляют четыре массагетских племени, переселившихся в Бактрию из Восточного Туркестана[7]. В однотомной истории Узбекистана, изданной в 1974 г. под редакцией академика И.М. Муминова, указано: «Племена юечжи, являющиеся ответвлением *сакских* племен, в первой половине II века до нашей эры обитали в Восточном Туркестане. На северо-востоке от них жили гунны»[8].

В двухтомной истории народов Узбекистана на узбекском языке, изданной в 1992 году под ред. акад. А.А. Аскарова, в понятие юечжи (там написано «юучжи») включаются «четыре массагетских племени»[9].

Б.Г. Гафуров отрицает *сакское* или *массагетское* происхождение юечжи. В частности, он пишет: «С.Т. Толстов утверждал, что юечжи – это и есть массагеты. Эта концепция построена на ошибочных или недоказанных положениях»[10]. Он считал, что все выводы его предшественников несостоятельны и накопленные до него материалы недостаточ-

1992. Т. 1, С. 166; Ошанин И.М. Китайско-русский словарь. М., 1952. С. 118–123.

[3] Ўзбекистон халқлари тарихи (История народов Узбекистана). Т. 1. С. 166.

[4] История Китая с древнейших времен до наших дней. Москва, 1974. С. 47.

[5] Чжунго дабайкэ цюаньшу. Чжунго лиши (Большая китайская энциклопедия. История Китая). Пекин, 1997. С. 549.

[6] Фэн Чэнцзюнь. Сиюй Наньхай шиди каодэн шицун (Собрание переводов опубликованных научных трудов по истории и географии Сиюй и стран Южных морей). В 2-х т. Пекин, 1995. Китайский перевод трудов французских авторов. Т. 1. С. 51.

[7] История народов Узбекистана. 1950. Т. 1, С. 111; История Узбекской ССР: с древнейших времен до ноших дней. Ташкент, 1974. С. 31

[8] История народов Узбекистана. В 2-х т. Ташкент, 1950. С. 31; История Узбекской ССР: с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1974. С. 31.

[9] Ўзбекистон халқлари тарихи (История народов Узбекистана). Ташкент, 1992. Т. 1. С. 47.

[10] Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. В 2-х т. Изд. 2-е. Душанбе 1989. Т. 1. С. 165.

ны для окончательного заключения об этнической принадлежности юечжи. «В целом юечжийская проблема получила мощный импульс в результате лингвистических исследований ученых разных стран, в том числе советских, за последние полстолетия. Произошло значительное накопление материала. Появилось множество противоречащих друг другу гипотез и теорий. Объединить все эти сообщения, факты, наблюдения в единую картину пока не удается. По-видимому, создание такой синтетической картины – дело будущего»[11]. Тем самым он констатировал, что вопрос этнического происхождения юечжи остается не решенным.

Казахстанский ученый Ю.А. Зуев, признавая массагетское происхождение юечжи, охарактеризовал их как большое племя, жившее на западе современной КНР. «В Западном крае, – пишет он, – обитает племя Больших юэчжей, которое, кстати, на мой взгляд, не без основания, связывается с массагетами, обитавшими здесь, по крайней мере, с V–IV веков до нашей эры»[12]. Вместе с тем он ставит под сомнение прямые связи юечжи, переселившихся в район побережья Амударьи, с юечжи, живших в районе Хэсиского коридора (дословно - Коридор на западе реки)[13].

Узбекский ученый академик К. Шаниязов, внесший большой вклад в изучение истории формирования узбекского народа, также не обошел историю юечжи, их переселение к берегам Амударьи из Восточного Туркестана, создание ими Кушанского царства и их роль в развитии культуры Центральной Азии. Он считал, что этимология этнонима юечжи остается неизвестной[14], и в вопросе об этническом происхождении этого народа признавал, что юечжи были кочевниками, но рассматривал их в отрыве от тюркских народов, название которых, по его мнению, появилось намного позже, чем название кушанцев[15].

Узбекский ученый А. Айтбаев, чьи исследования посвящены этнической истории народов Центральной Азии до нашей эры, связывает происхождение юечжи с саками и массагетами, считая, что эти этнонимы являются разными названиями одного и того же народа[16].

[11] Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. В 2-х т. Изд. 2-е. Душанбе 1989. Т. 1, С. 167.

[12] Зуев Ю.А. Юечжи и кушанцы в свете китайских источников // Центральная Азия в Кушанскую эпоху. М. 1974. С. 200.

[13] Там же. С. 201.

[14] Шониёзов *К.* Кангар давлати ва канглилар (Государство Кангар и кангарцы). Ташкент, 1990. С. 121–125.

[15] Там же. С. 139.

[16] *Айтбаев А.* Özbekistan'da Türk Halkları Tarihi Tetkiki Uzerine // Türkoloji ve Türk Tarihi Araştırmaları Özel Sayısı, I cild (Turkoloji, dil, edebiyat, kültür, "Yeni Türkiye Yayınları", Ankara, 2002, S.108–110; 66,

Вопросы этнического происхождения рузийцев (юечжи – огузов) не были оставлены без внимания и авторами многотомного фундаментального труда «Turkler» (Тюрки) [17], являющегося на сегодняшний день самым крупным изданием, посвященным истории тюркских народов и опубликованным при участии более 1500 ученых со всего мира. В нем турецкий ученый Мехмет Тезджан (Mehmet Tezcan), обобщая исследования различных европейских авторов, отметил, что вопрос этнического происхождения кушанцев все еще остается открытым из-за отсутствия единой точки зрения ученых всего мира[18].

Сведения о *юечжи* нашли свое отражение и в разделе «Юечжийско-кушанское государство» в книги «История государственности Узбекистана». Но там вопрос об этническом происхождении юечжи не затронут. Более того, там отмечается: «Переселившихся в Среднюю Азию юечжей китайские хроники называют *да-юечжи* (великие или большие *юечжи*, в отличие от малых *юечжей*, оставшихся в Центральной Азии)»[19].

История *юечжи* не осталась вне поля зрения и китайских ученых. Она нашла отражение в таких коллективных трудах как «Чжунго миньцзу ши» (中国民族史 – «История народов КНР»)»[20], «Сиюй тунши» (西域通史 – «Обшая история западных стран»)[21] и др. Наибольшая заслуга в изучении этой проблемы, на наш взгляд, принадлежит историкам Ван Чжилаю[22], Линь Мэйцуню[23] и др. Но в их трудах центральное место занимают вопросы переселения рузийцев (юечжи - огузов) к берегам Амударьи из прежних мест их жительства и создания там нового государства. Тем не менее, в их исследованиях, наряду с приведением различных сведений из малодоступных нам источников и результатов

Айтбаев А. Ancient Sources on “Saka”s on the Great Silk Road. Proceedings of the Nara Symposium for Digital Silk Roads. December 10–12, 2003. Nara-ken New Public Hall, Nara, Japan, Tokio, 2004, P. 481–486; 69, *Айтбаев А.* İlk Orta Asya Sakinlerinin Göç Süreçleri (Миграция народов Центральной Азии в древности), Türkler, “Yeni Türkiye Yayinlari”, Ankara, 2002, 1 cilt, S. 664–671.

[17] Turkler (Тюрки). В 21-м т. Ankara, 2001. В том же году в Анкаре труд издан также на английском языке в 6 томах под названием «The Turks» в большом формате. Каждый том около 1000 страниц.

[18] The Turks (Тюрки). В 21-м т. Ankara, 2001. Т. 1. С. 250–270.

[19] История государственности Узбекистана. В 3-х т. Т. 1. Вторая половина II тысячелетия до нашей эры – III века нашей эры. Ташкент, 2009. Т. 1. С. 211.

[20] «Чжунго миньцзу ши» (1056 страниц большого формата) была издана в 1994 г. в Пекине издательством Академии общественных наук КНР под редакцией Ван Чжунхань (王鐘翰).

[21] «Сиюй тунши» (515 – страниц большого формата с приложением 6 карт и 3 таблиц) была издана в 1996 г. в городе Чжэжоу (郑州) издательством древних письменных памятников (Чжунчжоу гуцзи чубаньшэ) под редакцией (余太山).

[22] Ван Чжилай (王治来). Чжунъя шиган (中亚史纲 – Очерки истории Центральной Азии). Чанша, 1986 (663 страниц с приложением 6 карт).

[23] Линь Мэйцун (林梅村). Сиюй вэньмин (西域文明: 考古, 民族, 语言和宗教新论 – Цивилизация западных стран: новые изыскания по археологии, этнологии, языковедению и религии). Пекин, 1995 (496 страниц с приложением фотоматериалов) и др.

работ китайских археологов, имеются выводы, которые вызывают определенный научный интерес. Так, Линь Мэйцунь подвергает сомнению теорию происхождения юечжи от ираноязычных *саков*. Необоснованной он признает и теорию их происхождения от тохаров с территории современного Китая (Чжунго)[24], чем фактически показывает свое отрицательное отношение к точкам зрения о тохарском и иранском происхождении юечжи.

Линь Мэйцунь также считает, что в III в. до нашей эры юечжи проживали в огромном пространстве, расположенном на северо-западе древнего Китая, и они не могли не оставить там своих следов. Однако найденные в этих районах признаки древней культуры приписываются хуннам, усуням и сакам. Они не рассматривались через призму культуры *юечжи*. Возможно, значительная часть этих следов действительно принадлежит им, но из-за сходства культур трудно обозначить их принадлежность *юечжи*[25].

Предшественник Линь Мэйцуня, известный китайский историк Шан Юэ, один из первых ученых, работавших над созданием истории Китая после образования КНР, писал, что «*да-юечжи* (大月氏) относятся к *цянам* и имели одинаковые с хуннами обычаи»[26].

Здесь уместно заметить, что во втором тысячелетии до нашей эры этноним цян (древ. чт. кианг / kiang 羌) был китайским названием древнего этноса, жившего на длинном паласе от Памира до Ордоса. Термин цян (кианг) не был самоназванием, а был китайским словом. Оно происходило от слова ян (кианг 羊) – овцы и означал овцеводы. Предполагается, что их происхождение имеет отношение к тем людям, хорошо сохранившиеся останки которых найдены вокруг пустыня Такламакана в Восточном Туркестане. Время захоронения этих останков *ян* относятся к 5–6 тыс. летней давности[27].

В целом можно констатировать, что китайские ученые считают юечжи одним из народов, живших на территории современной КНР и создавших государство далеко за ее пределами. Однако, в их трудах этническое происхождение *юечжи* остается не выясненным. Даже в таком обобщающем фундаментальном труде, как «Чжунго миньцзу ши»

---

[24] Там же. С. 4.

[25] Линь Мэйцунь. Сиюй вэньмин (Цивилизация западных стран). Пекин. 1995. С. 6.

[26] Шан Юэ. Чжунго лиши ганъяо (Очерки истории Китая). Пекин, 1954. С. 39.

[27] Ходжаев А. Сведения древнекитайских источников по этнической истории Центральной Азии. Ташкент, 2017. С. 71–105.

(«История народов КНР»)[28] этот вопрос остается не уточненным.

В 1980 – 2010 годах в КНР на уйгурском языке опубликовано большое количество трудов, которые в той или иной степени относятся к истории народов Центральной Азии. В них приводится достаточно солидный объем малоизвестной информации по истории юечжи[29]. Но в этих трудах этимология этнонима не получила должного освещения.

Учитывая изложенное, автор данной статьи счел нужным попытаться выяснить этот вопрос на основе изучения китайских источников в оригинале и встречаемых в них комментарий древнекитайских историков.

В процессе перевода на узбекский язык сведений древнекитайских письменных памятников по истории Центральной Азии,[30] автору настоящей статьи пришлось изучать их в оригинале. В результате этого выяснились следующие обстоятельства:

1) Вызывавший дискуссии термин *юе*чжи (月氏) появился в III–II вв. до нашей эры и использовался как название государства, когда в Китае произошла реформа письменности. Например, в 123-й главе «Шицзи» («Исторические записки»), озаглавленной «Дайюань чжуань» («Повествование о Дайюане»), имеется комментарий, где сказано:

«Области Лян, Гань, Су, Гуа, Шэ были землями государства Рузие (Юечжи)» (凉甘肃瓜涉等州本月氏国之地)[31].

Комментируя данную информацию следует отметить, что Лян, Гань, Су, Гуа, Шэ являются сокращенными названиями областей Лянчжоу, Ганьчжоу, Сучжоу, Гуачжоу и Шачжоу[32] в Хэсиском коридоре.

В 61-й главе «Цянь Ханьшу», озаглавленной «Чжан Цянь[33] Ли

[28] Ван Чжунхань. Чжунго миньцзу ши (История народов КНР). Пекин, 1994. С. 215–270.

[29] В уйгуроязычных (на осн. араб. алф.) трудах, в том числе переводах китайских источников, термин юечжи использован в форме «явчи» [Тарихий хатиралар. Избранный перевод с китайского на уйгурский язык. Урумчи, 1989. С. 491; Анвар Байтур, Хайриниса Сидик. Шинчжангдики миллетлернинг тарихи (История народов Синьцзяна). Пекин, 1991. С. 176; Тургун Алмас. Уйғурлар (Уйгуры). Урумчи, 1989. С. 119] и «тохар» [Бань Гу. Хāннамā (Ханьшу). Перев. с кит. яз. на уйгуркий (на осн. араб. алф.). Урумчи, 1994. С. 872, 9092].

[30] Публикация собрания переводов осуществлена в 2024 г. Институтом истории Академии наук Республики Узбекистан [См.: Хўжаев А. Ўзбек халқи ва давлатчилиги тарихи манбалари: Туркистон Хитой ёзма манбаларида (милоддан олдинги 10 – милодий 11-юзйилликлар). Тошкент, «Фан», 2024. 464 стр.]. Отдельные части этих переводов ранее были опубликованы в разных сборниках и монографии А. Ходжаева.

[31] Сыма Цянь. Шицзи (Исторические записки) // Эршисы ши (24 истории). Пекин-Шанхай, 1856–1958. Т. 1. С. 1136(1136).

[32] В период империи Хань уезд Шэ был расположен на юго-западе (вблизи современного Пекина) провинции Хэбэй, которая относительно далеко находится от предыдущих четырех районов. Поэтому автор данной статьи полагает, что здесь произошла опечатка – вместо «ша» (沙) написан иероглиф «шэ» (涉). В китайских источниках при написании топонимов имеются примеры использования этих двух иероглифов в качестве синонимов [Ханьюй дацзыдянь. Т. 3, С. 1564].

[33] Подробно о Чжан Цяне и его отправке в Туркистан см.: Ходжаев А. Великий шелковый путь: связи и судьбы. Ташкент, «Навруз» 2018. С. 73–85.

Гуанли чжуань» (Повествование о Чжан Цяне и Ли Гуанли)[34], имеются комментарии Янь Шигу, написанные к термину Рузие. В них отмечено: «Рузие (Юечжи) является тюркским государством (ху-го) в западной земле» (月氏西域胡国也)[35].

В сочинении Гуо Пу – историка династии Восточная Цзин (东晋 – 265-316) «Шаньхай цзин чжу» (山海經注 – «Комментарии к Трактату о горах и морях») сказано: «В государстве Юечжи имеются много хороших коней, баранов с огромным курдюком» (月氏国多好马；有大尾羊)[36].

Об этом подчеркивается также в китайской справочной литературе. Так, в топонимическом словаре «Чжунго гуцзинь димин дацыдянь» («Большой словарь китайских топонимов с древнейших времен»), изданном в Шанхае в 1930 г., сказано:

«Юечжи – является названием древнего государства, 月氏 – 古國名»[37].

В этимологическом словаре «Цыюань» («Происхождение слов»), переизданном в Пекине в 1979 г., констатируется: «Юечжи является названием древнего государства на западной земле Сиюй (月氏 – 古西域城國名)»[38].

В энциклопедическом словаре «Цыхай» («Море слов»), изданном в Шанхае в 1979 г., отмечается, что «Юечжи является этнонимом 月氏 – 古族名»[39]. Такое же определение имеет место в трудах некоторых китайских авторов. Так в большой коллективной книге «Чжунго миньцзу ши» сказано: «юечжи является одним из древних этносов нашего государства» (月氏是我国古代民族之一)[40].

Здесь уместно отметить, согласно комментариям 8-томного большого словаря китайского языка и письменности «Ханьюй дацзыдянь», иероглиф *го/guo*國 (современное сокращенное написание 国, древ. чт. *куэк* / kuək) используется в значении государства или царства, когда речь идет о стране с определенной территорией, населением, правителем, законом и вооруженной силой[41].

---

[34] Данная глава источника не была переведена Н.Я.Бичуриным на русский язык. Ее перевод на узбекский язык осуществлен автором настоящей статьи [См.: Хўжаев *А.* Туркистон хитой ёзма манбаларида (Туркестан в китайских письменных источниках). Из серии «Ўзбек халқи ва давлатчилиги тарихий манбалари (Источники истории узбекского народа и государственности). Тошкент (Ташкент), «Фан».2024. С. 171–205.

[35] Бань Гу. Ханьшу // Эршисы ши. Т. 2. С. 135(749).

[36] Ван Чжунхань. Чжунго миньцзу ши (История народов КНР). С. 239.

[37] Чжунго гуцзинь димин дацыдянь (Большой словарь географических названий Китая с древнейших времен до наших дней). Шанхай, 1930. С. 157.

[38] Цыюань (Происхождение слов). В 4-х т. Пекин, 1982.Т. 2. С. 1472.

[39] Цыхай (Море слов). Шанхай, 1979. С. 1496.

[40] Ван Чжунхань. Чжунго миньцзу ши (История народов КНР). С. 239.

[41] Ханьюй дацзыдянь. Т. 1. С. 721

Еще в XIX столетии русский ученый Н.Я. Бичурин (Иакинф), знимавшийся переводом на русский язык сведений древнекитайских источников по истории Центральной Азии, утверждал, что юечжи – это этноним, название государства и династии. В частности, он писал: «Юечжы собственное имя народа, государства и владетельного Дома на неизвестном языке»[42].

В 60-гг. XX в. Ю.Н. Рерих попытался обобщить существующее в русской и западноевропейской литературе мнение об этимологии термина юечжи и дать ответ на вопрос «Какое племенное название передавала китайская транскрипция юечжи?». Такой постановкой вопроса он, прежде всего, подтвердил, что юечжи является племенным названием.

По свидетельству Ю.Н. Рериха, европейские ученые А. Ремюза, И. Клапрот, О. Франке и другие исходили из двух вариантов иероглифического написания термина юечжи – 月氏, 月支. Второй вариант в современном китайском произношении прочитан ими как юэши. Исходя из древнего чтения этих трех иероглифов, европейские ученые попытались также идентифицировать *юечжи* с иностранным этнонимом got-ti ~ gut-ti ~ goti ~ geti[43].

Однако, как выяснилось иероглиф юе (月) в древности произносился rou, ru, а второй чжи (氏) – zie. Например, в многотомном Большом китайском иероглифическом словаре «Ханьюй дацзыдянь» отмечено, что в древности в случаях использования иероглифа юе (月) для написания слов, обозначающих луну, лунный цвет, месячный цикл, он произносился ngiwat[44], а в других случаях - rou (肉)[45]. Исходя из этого можно констатировать, что термин *юечжи* следует читать rouzhi / *роучжи*.

В комментарии, размещенном в тексте 120-ой главы «Шицзи», озаглавленной «Давань лечжуань» («Повествование о Фергане»), указано, что второй иероглиф чжи (氏) нужно читать как иероглиф чжи (支)[46], имеющий значение «ветка дерева, подпорка». Эта информация

[42] Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3-х т. Москва-Ленинград, 1950. т. 2. С. 151.

[43] Рерих Ю.Н. Тохарская проблема // Народы Азии и Африки. № 6. 1963. С. 123.

[44] Ссылаясь на древнее чтение топонима «Юечжи», некоторые авторы идентифицируют его с древнекитайским названием города Карашар (Яньци焉耆) в Восточном Туркестане и на этой основе приходят к выводу, что государство Яньци периода империи Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) в Китае было создано рузийцами [См.: Чжунго Синьцзян гудай шэхуэй шэнхуо ши (История древнего общества Синьцзяна). Урумчи, 1997. С. 122–123].

[45] Ханьюй дацзыдянь. Т. 3. С. 2041; Ханьцзы гуинь шоуцэ (Справочник древних произношений китайских иероглифов). Пекин, 1986. С. 44.

[46] Сыма Цянь. Шицзи (Исторические записки) // Эршисы ши (24 истории). Пекин-Шанхай, 1856–1958. Т. 1. С. 1136(1136).

повторяется и в «Ханьшу»[47]. В буддийских трактатах, в частности в сочинении «Гаосэн чжуань» (高僧傳 – «Повествование о выдающихся буддийских монахах»),[48] для написания термина *юечжи* в основном используются иероглифы (月支)[49].

Иероглиф чжи (支) в древности произносился как tzie, tsie (тзие, цие). Это позволяет утверждать, что **использованные для написания этнотопонима Юечжи иероглифы в древности читались Роутзие, Роуцие, Роузие**. Автор предлагаемой читателю данной статьи, опираясь на древнее чтение двух указанных иероглифов (月氏), счел правильным произносить их как Rouzie, Ruzie. Предложение европейских ученых читать иероглифы юечжи (月氏) как юеши будет неверным.

В процессе перевода на узбекский язык сведений древнекитайских письменных памятников по истории Центральной Азии,[50] автору настоящей статьи пришлось изучать их тексты в оригинале и выяснились следующие обстоятельства:

1) Вызывавший дискуссии этнотопоним Юечжи (月氏) появился в III–II вв. до нашей эры, когда в Китае произошла реформа письменности.

2) Именуемые древнекитайскими летописцами царство Юечжи (или Юэчжи) существовали задолго до III в. до нашей эры.

3) Изначально жители этого царства обитали в центральной части восточного Тангритага, а в период его расцвета они контролировали многие окружающие районы и города Хэсиского коридора[51], по которому проходили важные участки древних караванных дорог.

4) Из-за особенностей китайского языка и отсутствия единых правил написания иностранных слов и терминов, древнекитайские летописцы транскрибировали названия стран и народов разными иероглифами с разными значениями, но схожими чтениями;

5) Наиболее раннее упоминание названия страны обитания жите-

47 Бань Гу. Ханьшу // Эршисы ши. Т. 2. С. 1357(749).

48 Данное сочинение в объеме 14 глав (цзюань - свиток) было составлено в период правления династии Лян (梁 – 907–923 гг.). В него вошли описания жизнедеятельности 257 буддийских монахов, живших в 25–907 гг. Его автором является Хуэй Цзяо (慧皎).

49 Сиюй димин каолу (Выдержки из исследований по топонимики западных стран). Пекин, 2008. С. 1143.

50 Публикация собрания переводов осуществлена в 2024 г. Институтом истории Академии наук Республики Узбекистан [См.: Хўжаев А. Ўзбек халқи ва давлатчилиги тарихи манбалари: Туркистон Хитой ёзма манбаларида (милоддан олдинги 10 – милодий 11-юзйилликлар). Тошкент, «Фан», 2024. 464 стр.]. Отдельные части этих переводов ранее были опубликованы в разных сборниках и монографии А. Ходжаева.

51 Хэсиский коридор (означает узкий проход на западе реки) длиной около 1000 км, а шириной – от 100 до 200 км. служил важной участкой Великого шелкового пути. Значительная часть территории коридора составляет пустыня. На юге коридор упирается в горы Цилянь-шань (祁连山) [Цыхай. 1979. С. 912]. До II в. до н. э. Хэсиский коридор не входил в состав территории древнего Китая. В то время здесь в основном жили тюркоязычные племена.

лей царства Юечжи встречается в сочинении «Му-Тяньцзи чжуань»[52], посвященном западному путешествию правителя Му[53] в 989–988 гг. до н. э. Сочинения, написанные на бамбуковых дощечках, были обнаружены в 281 г. в ограбленной усыпальнице одного из правителей эпохи Воющих царств (Чжаньго – 475–221 гг. до н.э. Предполагается, что сочинение было переписано VII в. до н. э. В нем этнотопоним *Юечжи* написан иероглифами *юйчжи* (禺知), которые в древности произносились ngiwo-tie, ngiwo-tsie (*нгиотие, игивоцие*).

В сочинении «И Чжоушу» (逸周書 – «Утренняя история [династии] Чжоу»)[54], этнотопоним Юечжи писались иероглифами юйчжи (禺氏)[55], которые в прошлом произносилсь ngiwo-tzie, ngiwe-zie, ngeu-zie (*нгиотзие, нгивезие, нгеузие*).

В написанном в 475–221 гг. до н. э. неизвестными авторами сочинении «Шаньхай цзин» (山海经 – «Трактате о горах и морях») и ряд других недошедших до наших дней китайских письменных памятниках для написания этнотопонима Юечжи использовались иероглифы оучжи (偶知 – древ.чт. ngiwat-zie / *нгиватзие*), нючжи (牛氏 – древ.чт. oy-zie / оузие)[56].

Иероглиф *юй* (ngeu禺) обозначал обезьяну, оучжи (ngiwat-chie, ngiwat-ctie偶) - идола, кумира, пещерного человека, союз или объединение, изображение человека, сделанного из глины или дерева[57], *ню* (ngieu 牛) – быка или корову. Совершенно очевидно, что все эти иероглифы были использованные для транскрипции одного некитайского слова. Иероглиф *чжи* (zie知) использовался в значении знание, знать, узнавать.

В трудах уйгурских ученых КНР, опубликованных в последней четверти XX в., появилось мнение, что слово юечжи трансформировано от слова юй – нефрит. Оно аргументировано тем, что в течение более 8 веков до II в. нашей эры, контролируя торговые пути, проходящие

[52] Автором данной статьи был осуществлен перевод на русский и узбекский языки ,дошедших до наших дней четыре главы сочинения «Му-Тяньцзи чжуань» (穆天子傳) [См.: Ходжаев А. Путешествие Му в страны Центральной Азии в 989–988 гг. до н. э. // Сведения китайских источников по истории государственности Центральной Азии (переводы и исследования). Ташкент, «Фан», 2019. С. 11–70; Ходжаев А. «Му-Тянзи чжуан» («Тангри ўғли Му ҳақида баён») // Ходжаев А., Қўлдашев Ш., Джуманиёзова Ф. Марказий Осиё давлатчилик тарихига оид маълумотлар (Хитой манбалари асосида). Тошкент, «Фан», 2019. С. 17-51; Хўжаев А. Ўзбек халқи ва давлатчилиги тарихи манбалари: Туркистон Хитой ёзма манбаларида (милоддан олдинги 10 – милодий 11-юзйилликлар). Тошкент, «Фан», 2024. С. 102–125].

[53] Му (穆 – полное имя Мумань 穆滿), в китайских источниках именуется также Му-ван (穆王 – правитель Му) и Му-Тяньцзы (穆天子 – Сын Неба Му) был пятым правителем династии Чжоу (周 – 1122–247 гг. до н. э.).

[54] «И Чжоушу» известна и под другим названием: Чжоушу (周書). Первоначально этот источник содержал более 30 небольших сочинений. Его автор неизвестен. В период Хань он был дополнен, после чего его объем составил 60 глав. Позже ее небольшая часть была утеряна, поэтому источник получил такое название [Ван Чжунхань. Чжунго миньцзу ши. С. 239.].

[55] Там же.

[56] Линь Мэйцунь. Сиюй вэньмин. С. 6.

[57] Ханьюй дацзыдянь. Т. 1. С. 190.

через Хэсиский коридор, торговцы Восточного Туркестана доставляли нефрит в древний Китай, где предметы, сделанные из этого камня, считались критерием счастья, благополучия и богатства. Данное мнение основывается на показании источника «Гуаньцзи», где имеется информация, что «нефрит происходит от риукцие (ngiwo-tie, ngiwo-tcie 禺知**)**».

Иероглиф юй (玉) со значением нефрит или яшма в древности произносился ngiwok (нгивок), что является близким к вышеуказанным древним чтениям первых трех иероглифов, использованных для транскрипции термина юечжи. Кроме того, в глубокой древности нефрит в основном ввозился в древний Китай из Хотана, который не был первоначальным местом рузийцев. Поэтому нефрит не может быть этимологией этого термина. Правильнее будет взять за основу древнее чтение иероглифа юй (нефрит), а не его значение.

Следовательно, при определении этимологии этнотопонима Юечжи нельзя основываться на значении иероглифов, поскольку они были использованы для транскрипции некитайского слова, для этой цели необходимо обратить внимание на их древнее произношение.

Суммируя древние произношения всех иероглифов, использованных для написания названия царства Юечжи, можно заключить, что до II века до н.э. древние **китайцы произносили этнотопоним Юечжи как Нгивоцие**, **Нгеуцие**, **Нгивозие**, **Нгеузие** (Ngiwo-tsie, Ngeu-tsie, Ngiwo-zie, Ngeu-zie).

Если исходит из того, что китайская письменность основана на иероглифическую систему. Каждый иероглиф является одним словом, значение которых меняется по контексту. Поэтому китайцы (ханьцы) не могут произносить согласные звуки без добавления гласного впереди или после него. В их лексиконе также нет звука γ, которые имеются в арабском, французском, тюркскском и других языках.

С учетом особенности китайского языка и письменности можно определить, что китайские этнотопонимы Юйчжи (*Нгеузие*禺氏), Оучжи (*Нгиватзие*偶知), Нючжи (*Оузие*牛氏) и *Юечжи* (*Роузие, Рузие* 月氏) **были иероглифическими транскрипциями слова – Огуз-йер Огуз-йер** сокращенно **Огузия**, означающих Земля огузов.

В пользу этого вывода свидетельствуют также нижеследующие косвенные сведения:

I. По свидетельству древнекитайских источников, государство Юечжи (Рузие) имело тюркское происхождение. Так, в 61-ой главе

«Ханьшу» приводится комментарий Янь Шигу (颜师古), жившего в 581–645 гг., о том, что «Юечжи (Рузие) было тюркским государством (*ху-го*) Западных земель (Сиюй)» (月氏西域胡國也)[58]. Как было указано выше, этноним ху (древ. чт. **γu** /) использован древними китайцами по отношению к тюркским племенам, жившим на севере и западе древнего Китая еще во втором тысячелетии до н.э. В данном примере топоним *Сиюй* использован в значении земля или территория, лежащая на западе от древнего Китая.

В пользу тюркского происхождения жителей государства Юечжи (Рузие) свидетельствует и тот факт, что они обитали в пастбищных районах центральной части Восточного Туркестана. После ухода в 176–175 гг. до н.э. их значительной части на территорию Казахстана, а позднее к берегам Амударьи, сравнительно небольшая их часть осталась в Восточном Туркестане. В источнике «Тундянь» сказано, что оставшиеся в Восточном Туркестане *сяо-юечжи* (*сяо-рузие – малая часть огузов*) «**подобно как *бэй-ди*** (北狄, **древ. чт. *пэк-тиек* – *северных тюрков***)[59] кочуют по местам, где можно держать скот»[60].

Кроме того, в период своего могущества государство Юечжи (Рузие – Огузия) контролировало значительную часть Восточного Туркестана, Хэсиский коридор, Дуньхуанскую область современной провинции Ганьсу. Китайский историк Лин Мэйцунь отмечал, что «юечжийцы были кочевниками, территория их движения была очень велика, которая включала в себя пространство от Таримского бассейна до Ордоса включительно. … До появления [царства] Цин (秦 [– 221–207 до н.э.]) юечжийские племена были чрезвычайно могущественными на северо-западе от Чжунго[61] [серединного государства]»[62]. Поэтому правитель хуннов Тумана-тангрикут также находился под контролем государства Юечжи и был вынужден отправить в эту страну своего старшего сына Тумана-тангрикута в качестве заложника[63].

---

[58] Бань Гу. Ханьшу // Эршисы ши. Т. 2. С. 135(749)/1а/.

[59] Китайское слово или иероглиф ди / тиек (狄) являются древнейшей транскрипцией этнонима турк [Подробно см.: Ходжаев А. Из истории древних тюрков… Алматы. С. 25–31.

[60] Ду *Ю*. Тундянь (Трактат о законах и традициях). В 3-х т. Чанша, 1995. Т. 3. С. 2735.

[61] Чжунго (中國 / 中国 – Срединное государство или Государство в центре Поднебесной) называлось также Чжунту (中土 – Срединная земля), Чжунюань (中原 – Срединная равнина), Чжунчжоу (中州 – Срединная область), Ся (夏), Чжунся (中夏 – Центральная Ся). Первоначально в понятия этих топонимов входила территория современной китайской провинции Хэнань и некоторые прилегающие к ней соседние районы. После того как у древних китайцев (ся) появилось первое государственное образование, они свою исконную землю стали называть Чжунго [Цыхай. 1979. С. 1407]. В современной китайской историографии данный термин используется для всех исторических периодов.

[62] Лин Мэйцунь. Сиюй вэньмин. С. 6–7.

[63] Сыма Цянь. Шицзи // Эршисы ши. Т. 1. С. 1032(1032)/76/.

II. В 176–175 гг. до нашей эры большая часть юечжийцев (рузийцев – огузов) покинула прежнего места обитания в Восточном Туркестане и через полувека переселилась на побережье Амударьи. Это случилось после возвышения хуннов (самоназвание *кюнна*) и поражения в войне с ними. Небольшая часть юечжийцев (рузийцев) осталась на территории Восточного Туркестана. В китайских источниках эта часть была именована *сяо-юечжи* (*сяо-рузие* 小月氏), которые себя называли ху (древ. чт. ɣu, *γu*, 胡), а китайцы называли их юечжи-ху (月氏胡, древ. чт. *ruzie-γu*).

Этноним *ху* (*hu* 胡)[64], который в древности произносился **γu**, время появления которого относится ко второму тысячелетию до нашей эры, является китайским произведением и был использован в отношении северных и западных соседних тюркских племен. Позже им начали называть также *хуннов* (самоназвание *кюн*) и жителей Туркестана.

В I–II вв. нашей эры в их составе было 7 племен, в распоряжении которых было около 9 тысяч воинов[65]. Из расчета по 5 человек в семье численность этих 7 племен могла быть не менее 45 тысяч человек. В 220–280 гг. часть юечжи-ху переселилась на западное предгорье Памира и в южные районы Восточного Туркестана[66], после чего в китайских источниках исчезли упоминания о них.

III. В языках многих тюркских народов до сих пор сохранилось слово ögüz (öküz, oγus) в значении бык. В языке ранних тюрков (прототюрков) оно произносилось ökür[67]. Следовательно, в позднее время в тюркских наречиях изменение звуков g на γ, r на z было специфическим процессом. Бык всегда рассматривался как символ силы и могущества. Очевидно, поэтому слово ögüz было использовано как название рода, племени и имени родоначальника Огуз-хана. По легенде, Огуз-хан был необычайно сильным, его тело было покрыто шерстью, ноги были как у быка, и он не был похож на обычного человека[68].

IV. Среди древних тюрков, именуемых в раннесредневековых китайских источников *теле* (鐵勒 / 铁勒 – древ.чт. *тиетлэк* – турклик), была группа племен под общем названием уху (u-hu烏護, древ. чт. uγu), уғуэнь, укуань / wu-γuən, wu-kuan (угуань / wu-guan烏灌), уғуэнь / wu-γuən

[64] Гумилев Л.Н использовал этноним ху в значении «варварские племена» [Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. Санкт-Петербург, 1994. С. 235].

65 Ван Чжунхань. Чжунго миньцзу ши. С. 241.

[66] Там же. С. 241.

[67] Etymological Dictionary of the Altaic Languages by Sergei Starostin, Anna Dybo, Oleg Mudrak with assistance of Ilya Gruntov and Vladimir Glumov. Volum 1-3. Brill Leiden-Boston, 2003. Т. 2, С. 1169.

[68] Огузнаме (Рассказ об Огузе). Пекин, 1981. С. 7.

(ухунь / wu-hun烏渾), усюань / wu-shuan (ухуань / wu-huan 烏讙), уғэт / wu-γət (ухэ, угэ / wu-he, wu-ge烏纥). Установлено, что это были различные иероглифические транскрипции этнонима огуз (oγus). Позднее этноним *уғэт* (*ухэ,угэ*烏纥) трансформировался в уйгур (*ui-γur* ئۇيغۇر)[69].

По свидетельству китайских источников, в II–V вв. огузы (уху / uγu 鳥護) обитали в центральной части восточного Тангритага (Тянь-шаня), в районе западнее Ивиргула (Иву – современный Кумул, по-китайски – Хами) и в горных долинах, расположенных севернее Карашара (Яньци)[70]. Именно эти районы были основными местами первоначального обитания юечжи (роузие, рузие). Китайский историк Ли Мэйцунь, обобщая археологические материалы, найденные на территории Восточного Туркестана, пришел к правильному выводу о том, что юечжийцы (рузийцы) *контролировали огромную территорию от Таримского бассейна до Ордоса включительно*[71].

V. Бык и лошадь как символы могущества были тотемами жителей государства Юечжи (Рузие – Огузия или Огуз-йер). Поэтому в тех местах, где обитали огузы, найдено множество рисунков на горных скалах с изображением телег с большими колесами, для тяги которых использовались быки и лошади[72]. Аналогичные рисунки были обнаружены в горах Карлыгтаг (Снежные горы, Северные горы, по-китайски Хэйшань – северные горы)[73], расположенных вблизи Баркульской области Восточного Туркестана[74]. В *юечжийских* (*рузийских* – огузских) могилах обнаружены останки быков и лошадей[75], что свидетельствуют об особом отношении юечжи (рузийцев – огузов) к этим животным.

5. Согласно сведениям китайского ученого Линь Мэйцуня, в китайских источниках имеется легенда о том, что рузийцы *(*юечжи*)* происходили от племени под названием лун (龍, современное написание 龙 – дракон)[76]. В средневековом источнике «Тан Гуанци[77] юаньнянь

[69] Там же. С. 22–24.
[70] Ли Яньшоу. Бэйши (История северных [династий]) // Эршисы ши. Т. 11. С.13881(1325).
[71] Ли Мэйцунь. Сиюй Вэньмин. С. 7.
[72] Су Бэйхай. Синьцзян яньхуа. (Рисунки на скалах Синьцзяна). Урумчи, 1994. С. 361.
[73] Хэйшань (黑山) в переводе означает Черные горы. Иероглиф хэй (黑) в древности исползовался также в значении «север».
[74] Чжунго Синьцзян гудай шэхуэй шэнхуо ши. С. 49–55.
[75] Там же.
[76] Линь Мэйцунь. Хань Тан Сиюй юй Чжунго вэньмин (Цивилизация западных стран и Китая периодов Хань и Тан). Пекин, 1998. С. 79.
[77] Гуанци (光啓) – название 4-летнего (885–888) периода правления Танского императора Сицзуна (僖宗 – 874–888). Первый год этого периода соответствует 885 г.

Шачжоу Ичжоу дичжи» («Географические записки областей Шачжоу[78] и Ичжоу [79] первого года Гуанци эпохи Тан») приводится комментарий к сведениям о племени дракона. В нем отмечается, что «Люди племени дракона были родом из Яньци (焉耆), теперь они встречаются в Ганьсу и Ичжоу»[80].

Встречающийся в этой информации топоним Яньци является китайским названием города Карашар и оз. Баграшкёль в Восточном Туркестане, Ичжоу – Ивергул (современный Кумул, по-китайски – Хами) этого же региона, а Ганьсу – Хэсиский коридор и часть Ордоса. Следовательно, племя дракона первоначально жило на территории восточной части Таримского бассейна, а затем частично переселилось в Хэсиский коридор.

В наше время дракон воспринимается как большое легендарное животное, но в древности китайцы крупного коня также называли лун, т.е. дракон. Например, в сочинении «Чжоули» (Обряды эпохи Чжоу), написание которого относится к периоду Воюющих царств (475–221гг. до н.э.), имеются сведения о том, что «конь размером более 8 *чи* (1.85 м)[81] [в высоту] назывался луном (龍, сокращенное написание龙), более 7 *чи* (1.52 м) – лай (騋 древ. чт. lə), более 6 *чи* (1.39 м) – ма»[82].

В сочинении «Эръя» сказано: «конь размером 8 *чи* называется жуном (rong駥)»[83]. В этом источнике вместо иероглифа лун (дракон) использован иероглиф жун (rong駥). В комментариях этих источников имеется указание, что жун (駥) трансформирован от другого иероглифа ривем (戎, совр. чт. – rong), имеющего значение большой и человек на коне[84]. Иероглиф ма (馬 /马) также имеет значение большой[85]. По свидетельству Линь Мэйцуня в древнем тибетском языке конь *(ма)* назывался «луном»[86]. Следовательно, лун (дракон) не был легендарным летающим существом, а был быстробегущим и крупногабаритным конем.

В одном из комментариев «Шицзи» сказано: «Рузие (Юечжи)

[78] Шачжоу (沙州) – китайское название средневековой области, расположенной на западе от Дуньхуана. Топоним означает «песчаная долина».
[79] Ичжоу (伊州) – средневековое китайское название Кумульской (Ивергул, Иву, Хами) области Восточного Туркестана.
[80] Линь Мэйцунь. Хань Тан Сиюй юй Чжунго вэньмин. С. 79.
[81] В древнем Китае длина 1 чи была равна 0,231 м, соотвественно, 8 чи равнялись 1,85 м [Там же]. В наше время 1 чи равняется 0,32 м.
[82] Ханьюй дацзыдянь. Т. 7, С. 4539.
[83] Там же. Т. 7, С. 4552.
[84] Там же.
[85] Там же. Т. 7, С. 4539.
[86] Линь Мэйцунь. Хань Тан Сиюй юй Чжунго вэньмин. С. 81.

является коневодческой страной» (月氏為馬衆)[87]. В 70-х гг. XX столетия недалеко от Кумульской области Восточного Туркестана был найден нож с изображением головы дракона[88] на рукоятке. Ранее в могиле Фу Хао, одной из жен правителя У Дин (武丁 – 1324–1266 гг. до н.э.) царства Ин (Yin殷)[89], была найдена нефритовая статуэтка дракона и нож с рукояткой, на которой изображена голова дракона[90]. Этот нож идентичен с найденным в Кумуле[91] ножом и был назван «луншоу дао» (нож с рукояткой с изображением головы дракона).

На основе этих данных Линь Мэйцунь приходит к правильному выводу, что царствующая династия рузийцев (юечжи) имела в качестве тотема дракона (лун / lung龍), соответственно, встречающийся среди древних надписей термин лунфан (lungfang龍方 – страна или государство дракона), относится к рузийцам[92].

VI. В китайских источниках приводятся сведения о сходстве традиций, обычаев и внешнего вида с жителями государства Рузие (Юечжи), Асуэн (Усунь), Кангкия (Канцзюй) с хуннами, которые являются частью древних тюрков.

Так, в «Шицзи» есть сведения о том, что «Асуэн (Усуни) … является кочевым государством … с *хуннами* (*кюнна/сюнну*) имеет одинаковые обычаи. Канкия (совр. чт. Канцзюй) … является кочевым государством, [его жители] имеют одинаковые обычаи с Рузие (Юечжи)» (烏孫 … 行國 隨畜 與匈奴同俗)[93].

Далее в этом же источнике отмечено: «Дай-рузие (Да-юечжи) … является кочевым государством. [Жители] продвигаются вслед скота, имеют одинаковые обычаи с хуннами (*кюнна/сюнну*)» (大月氏…行國也隨畜移徙 與匈奴同俗)[94]. В комментарии, написанной к слову Дай-рузие (Да-юечжи) сказано: «правителя именуют Танрикут (Тяньзы)[95] … жители имеют красноватый белый цвет коже, … носят хорошие чистые

[87] Сыма Цянь. Шицзи (Исторические записки) // Эршисы ши (24 истории). Пекин-Шанхай, 1856–1958. Т. 1. С. 1138(1138).

[88] Линь Мэйцунь. Хань Тан Сиюй юй Чжунго вэньмин. С. 83.

[89] Время существования царства относится примерно к 1401–1122 гг. до н.э.

[90] Линь Мэйцунь. Хань Тан Сиюй юй Чжунго вэньмин. С. 83.

[91] Кумул – уйгурское название восточной области современного Синьцзян-Уйгурского автономного района (исторического Восточного Туркестана) КНР. Топоним трансформирован от слова қуммўл (много песков), которое отражает географическое положение областей.

[92] Линь Мэйцунь. Хань Тан Сиюй юй Чжунго вэньмин. С. 83.

[93] Сыма Цянь. Шицзи // Эршисы ши. Т. 1. С. 1138(1138)/4а/.

[94] Там же. С. 1138(1138)/4б/.

[95] По свидетельству «Ханьшу», Тангрикут (чанликуту / chang-li-ku-tu) означает сын Неба (Тяньзы天子). Слово «Небо (Тянь天) хунны называют Тангри (Чанли /Chang-li撐犁), а кут – сын (zi子)» (匈奴謂天為撐犁為子為 孤 塗) [***Бань Гу***. Ханьшу // Эршисы ши. Т. 2. 2320(1112)/7а/-6.]. Данная информация «Ханьшу» отсутствует в переводах Н.Я. Бичурина.

и свежий одежды» (國王稱天子 人民赤白色 … 被服鮮好)[96].

В «Ханьшу» написано: «В самом начале Дай-рузие (Да-юечжи) было кочевым государством. [Его жители] меняли местожительство по пастбищам, имели одинаковые с хуннами (*сюнну*) обычаи» (大月氏本行國也 隨畜移徒 與匈奴同俗)[97]. Данное сведение повторяется в сочинениях «Тундянь» («Трактат о законах и традициях»)[98] и «Тайпин хуаньюй цзи» («Записки о пространстве воцарения мира»)[99].

В этих двух источниках также отмечается, что «*сяо-юечжи* имеет одинаковые с пэк-тиек (бэй-ди 北狄 – *северными тюрками*) обычаи» [100].

По свидетельству археологических материалов и рисунков на горных скалах, *рузийцы* (юечжи) носили косы и остроконечные головные уборы со скрепленными птичьими перьями, одевали сшитую из кожи одежду, головную часть умерших обматывали кожей, покойных хоронили, повернув лицом на север. У рузийцев (юечжи) был обычай создавать родовое кладбище. Их верхние одежды были коротки и удобны для верховой езды[101].

Как было отмечено выше, в течение длительного времени до II вв. до н. э. *рузийцы (юечжи)* контролировали огромное пространство от Таримского бассейна до Ордосской степи включительно[102]. Поэтому, в этих районах найдено много *юечжийских* (*рузийских*) могил и вещей. Так, в 1976 г. при вскрытии могилы периода династии Западная Чжоу (XI–VIII вв. до н. э.), расположенной под холмом Бацаопо (Paicaopo白草坡) в современном уезде Линтай (Lingtai灵台) провинции Ганьсу[103], было найдено копьё с бронзовым наконечником. На нем четко изображена голова человека европеоидного типа – с узким лицом, прямым носом, глубокими глазами и тонкими губами, с остроконечным шлемом[104]. Однако на острой конечности шлема оказалась небольшая ровная, словно срезанная, поверхность. На ней был высечен знак в виде равноконечного креста с загнутыми в **правую сторону** под прямым углом концами.

В 1980 г. на месте расположения дворца царства Западной Чжоу найдены останки белокожих людей европеоидного типа с

[96] Сыма Цянь. Шицзи // Эршисы ши. Т. 1. С. 1138(1138)/46/.
[97] Бань Гу. Ханьшу // Эршисы ши. Т. 2. С. 2370(1162)/146/.
[98] Ду *Ю*. Тундянь. Т. 3. С. 2686.
[99] Лэ Ши. Тайпин хуаньюй цзи (Записки о пространстве воцарения мира). Время и место издания неизвестны. Время написания относится ко второй половине X века. Глава (цзюань) 184. л. 9а.
[100] Ду *Ю.* Тундянь. Т. 3. С. 2735. Лэ Ши. Тайпин хуаньюй цзи. Цзюань 184. л. 7б–8а.
[101] Чжунго Синьцзян гудай шэхуэй шэнхуо ши. С. 52–54.
[102] Линь Мэйцунь. Сиюй вэньмин. С. 7.
[103] Уезд Линтай расположен на северо-востоке Ганьсу [Цихай. С. 1066], т. е. в центральной части Ордоса.
[104] Линь Мэйцунь. Сиюй вэньмин. С. 7.

продолговатыми черепами и вышеуказанными признаками в тупых остроконечных шлемах, на которых также были изображения креста (卐) с загнутыми концами в **правую сторону** под прямым углом[105].

Здесь уместно пояснить, что территория царства Западная Чжоу (Си-Чжоу – 1066–771 гг. до н. э.) занимала современную провинцию Шэньси КНР, а его столица Хаоцзин (镐京) была расположена вблизи города Сиань (древний Чанъан). Предки основателей этого царства – чжоуцы жили на побережье реки Вэйшуй (渭水), по этническому происхождению они не принадлежали китайцам. По данным известного китайского историка Шан Юэ, древние чжоуцы были частью племен под названием *кианг* (*цян, чян*)[106].

Как показывают надписи на камнях и металлических предметах, еще в конце III — начале II тысячелетия до нашей эры большая группа племен, жившие на западе от древнего Китая, назывались *кианг* (kiang 羌, в совр. чт. – цян /chiang)[107]. Позднее восточные *киангские* племена назывались также си-жун (западные конницы или воины)[108] или тией-кианг (*tiei-kiang*, в совр. призн. ди-*цян*氐羌). Установлено, что слово *тией / ди* (氐) было названием тюркского племени, обитавшего в районе современного города Ланьчжуо[109].

В сочинении древних авторов «Фэнсу тунъи» (風俗通義– «Общие принципы традиций и обычаев»)[110] приводятся сведения о том, что киангцы были составной частью *сией-ривем* (си-жун – западные конницы или воины) и занимались овцеводством, поэтому они получили такое название[111]. В другом источнике «Шовэнь» (Пояснение слов)[112]

---

[105] Там же.

[106] Шан Юэ. Чжунго лиши ганъяо. С. 9.

[107] Этноним kiang / qiang (羌) не является самоназванием, а был китайским произведением, которое возникло на основе экономической традиции – занятие овцеводством [Сыма Цянь. Шицзи // Эршисы ши. Т. 1. С. 1034(1034)/10a/]. Носители этого этнонима себя именовали эрмеа (эрма尔马), риетмеан (жимянь日绵) и риетмеа (жима 日马) [Ходжаев А. Сведения древнекитайских источников по этнической истории Центральной Азии. С. 77].

[108] Этноним сией-ривем (си-жун) был общим китайским названием народов, живших на западе от древнего Китая [Цзян Инлян. Чжунго минцзу ши (История народов КНР). В 2-х т. Пекин, 1990. Т. 1. С. 207]. В древнем Китае слово ривем/жун использовался также в значении люди на конях или конницы.

[109] Ходжаев А. Сведения китайских источников о древнетюркском племени тией (ди) // Вопросы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии. Выпуск 7. Древность. Средние века. Новое время. LAP LAMBERT Academic Publishihg RU (Германия) 2022. С. 5–18.

[110] Сокращённо именуется также «Фэнсу тун» (風俗通 / 风俗通) – название сочинения дворцового чиновника. До наших дней дошли лишь 10 глав (цзюань) из 32. Автором является Ин Шао (Ying Shao应劭), даты рождения и смерти неизвестны, но в 168–220 гг. он был на службе в различных должностях [Цыхай, 1979. С. 1530; Чжунго гуцзинь минжэнь дацыдянь (Большой словарь известных людей Китая с древнейших времен до наших дней). Пекин, 1991. С. 236].

[111] Цзян Инлян. Чжунго минцзу ши. Т. 1. С. 207.

[112] «Шовэнь» является сокращенным названием сочинения «Шовэнь цзецзы» (说文解字), которое было написано Сюе Шэном, жившим примерно в 58-147 гг. В нем основное внимание уделено на пояснение

указывается, что иероглиф «кианг» (kiang 羌) трансформирован от слова, т.е. иероглифа ян (yiang羊, 羴 – овца, баран, горная коза), который был тотемом *кианг*цев[113].

В 1978 г. в северо-афганской провинции Шибирган, расположенной на афгано-узбекско-туркменской границы, найдено 6 могил, которые относятся к периоду I в. до нашей эры – I в. нашей эры. В результате анализа, оказавшиеся в них останки были признаны рузийскими (юечжиским). Среди обнаруженных в могилах более 20 тысяч предметов, большинство из которых были сделаны из золота, были также футляры для мечей. На одном из них отчеканены знаки в виде равноконечного креста (卐) с загнутыми в **правую сторону** под прямым углом концами[114].

Следовательно, хотя кресты с согнутыми направо конечностями были найдены в разных местах и относятся к разным периодам времени, они являются свидетельством одной традиции народа или группы племен. Однако, ссылаясь на найденные в пределах Афганистана находки, никак невозможно признать изображение свастики буддийским знаком, возникшим в Индии. Такой крест появился в Афганистане вместе с *рузийцами*, которые использовали его задолго до переселения сюда с территории Восточного Туркестана и Хэсиского коридора, и принятия ими буддийской религии.

Как отмечается в большом иероглифическом словаре «Ханьюй дацзыдянь», в древности крест с согнутыми направо конечностями использовался как знак совершенства и доброты, с 693 г. он стал употребляться в качестве иероглифа, произносимого wang и имеющего такое же значение[115].

Китайский ученый-исследователь древних музыкальных инструментов Гу Бао приводит интересную информацию об использовании *рузийцами* (*юечжийцами*) барабана. В частности, он пишет: «В период Южных и Северных династий (420–550 гг.) *рузийцы* (*юечжи*) были названы *цзие-жэнь* (jie-ren羯人), их музыкальный инструмент – барабан называли *цзиегу* (jie-gu羯鼓)»[116].

Упомянутый в данной информации иероглиф *цзие* (羯) в древности произносился киат (kiat), а гу (барабан) – ка. Следовательно, на

значений и этимологии слов, а также истории происхождения иероглифов [Цыхай. 1979. С. 391].

[113] Лэ Ши. Тайпин хуаньюй цзи. Цзюань 184. л. 7б-8а;

[114] Линь Мэйцунь. Сиюй вэньмин. С. 8.

[115] Ханьюй дацзыдянь. Т. 1, С. 51.

[116] Гу Бао. Гудай Синьцзян ды инъюэ удао юй гудай шэхуэй (Музыка, танцы и общество древнего Синьцзяна). Пекин, 1987. С. 8.

древнекитайском языке юечжийский (рузийский) барабан произносился «киат-ка», что показывает его некитайское происхождение. Как известно, барабан очень распространен среди тюркских народов.

Ссылаясь на общность местожительства и традиций *рузийцев (юечжи -огузов)* с *хуннами*, китайские историки пришли к правильному выводу, что у них было одинаковое этническое и языковое происхождение. Так, в коллективном труде «Чжунго Синьцзян шэхуэй шэнхо ши» отмечено: «Поскольку у *юечжи*, *хуннов* и *усуней* имелись общие традиции культуры и тесные культурные связи, вполне может быть, что они имели единые этнические корни, и у них был один язык или были схожие языки. Возможно, их язык относился к алтайской группе языков. После переселения в районы побережья Амударьи, Сырдарьи и Дася (Бактрию) *рузийцы (юечжи)* оказались под влиянием местной культуры и приняли местную письменность»[117]. Аналогичное утверждение можно встретить также в трудах Лин Ганя[118].

На наш взгляд, данный вывод имеет полное право на существование. К тому же, *рузийцы (юечжи)* обитали среди восточной части древних тюрков. Поэтому рассмотрение происхождения народа под названием *рузие* (*юечжи*) в отрыве от древних *тюрков*, в частности, от *хуннов*, может ввести в заблуждение в поисках ответов на многие вопросы.

VII. В изученных нами древнекитайских источниках достаточно сведений о внешнем облике рузийцев, их схожести с другими тюркскими племенами. По внешним признакам *рузийцы (юечжи)*, как и *хунны*, относились к европеоидной группе и имели кожу красновато-белого цвета. Так, в «Шицзи» приводится комментария[119] к этнониму дай-рузие (да-юечжи大月氏). В ней отмечено: «народ имеет красно-белый цвет кожи, ловко стреляют на конях... Юечжи (рузие) являются людьми на конях» (人民赤白色便習弓馬)[120]. Как было отмечено, этот этноним был китайским названием переселившейся к берегам реки Амударья части рузийцев (юечжицы).

В сочинении «Шицзи чжэнъи» (史記正義 – «Правильное толкование

---

[117] Чжунго Синьцзян гудай шэхуэй шэнхуо ши. С. 50.

[118] Лин Гань. Сюнну тунши (Общая история хуннов). Пекин, 1986. С.151, 154.

[119] Данный комментарий был написан древними китайскими историками – составителями пояснений (их называли «чжэнъи» 正義) на основе сочинения «Вань чжэнь наньчжоу» (萬震南州志 – Рассказ о множестве удивительных вещей в южных странах), где приводятся сведения о Да-юечжи / Дай-рузие. Он отсутствует в переводах Н.Я.Бичурина [См.: Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3-х т. Москва-Ленинград, 1950. Т. 2. С.151]. Нет его и в уйгурском переводе 123-главы «Ханьшу», посвященной древней Фергане [См.: Тарихий хотиралар (Шицзи). Избранный перевод на уйгурский язык. Урумчи, 1989. С. 491].

[120] Сыма Цянь. Шицзи // Эршисы ши. Т. 1. С. 1138(1138)/4б/.

[текстов] Исторических записок»)[121], написанном танским историком Чжан Шоуцзе, встречается информация о том, что дай-рузие «является народом красно-белого цвета кожи»[122]. Аналогичное мнение имеется и в «Наньчжоу чжи» (南州志 – «Повествование о южных странах»)[123].

В 1976 г. в районе Линтай (灵台) провинции Ганьсу под холмом Байцао (白草坡 – дословно означает «Белая трава») найдена могила, принадлежавшая рузийцам. В ней оказался один комплект медного оружия, среди которого было копьё с наконечником в форме креста. Верхняя часть наконечника сделана с изображением головы человека, в которой четко вырисовываются европеоидные формы лица – глубокие глаза, узкое лицо, высокий нос, тонкие губы, на голове – остроугольный колпак[124].

В 1980 г. в современной провинции Шэньси (陕西)[125] осуществлены раскопки дворца царства Западного Чжоу (1066–770 гг. до н. э.). Там найдены изображения людей с аналогичными внешними данными и одетыми в остроконечные колпаки. Однако острая часть колпака словно срезана и на полученной небольшой поверхности высечена перевернутая свастика (卐)[126]. Ранее, в 1978 г. такая же свастика была найдена среди артефактов, обнаруженных при раскопках древних могил в районе Шибирган (на севере Афганистана)[127]. Этот район входил в зону расселения *рузийцев* (*юечжи – огузов*) в I *веке до н.э.*

Указанные внешние признаки *рузийцев* (*юечжи*) очень похожи на признаки *хуннов*. Так, в хуннских могилах, найденных на территории современных провинций Шэньси, Ганьсу, Внутренней Монголии, обнаружены статуэтки и изображение человека на металлических пластинках. На них отчетливо видно, что *хунны* были людьми с глубокими глазами, узким лицом, высоким носом[128].

В труде «Синьцзян яньхуа» («Рисунки на скалах Синьцзяна»), автором которого является китайский ученый Су Бэйхайа, приводятся множество наскальных рисунков, найденных в центральной части восточного Тангритага, где обитали ***рузийцы (юечжи)***. Некоторые из

---

[121] Сочинение в объеме 30 глав (цзюаней) состоит из комментариев к «Шицзи» («Исторические записки») Сыма Цяня. Автор служил при дворе династии Тан (618–907 гг.).
[122] Ван Чжунхань. Чжунго миньцзу ши. С. 239.
[123] Там же. С. 239.
[124] Линь Мэйцунь. Сиюй вэньмин. С. 7.
[125] Значительная часть этой провинции расположена на территории Ордоса.
[126] Линь Мэйцунь. Сиюй вэньмин. С. 7.
[127] Там же.
[128] Чжунго Синьцзян гудай шэхуэй шэнхуо ши. С. 91–92; Тургун Алмас. Уйғурлар (Уйгуры). Урумчи, 1989. С. 76–78.

этих рисунков признаны сакскими[129]. В них имеются четко выраженные внешние признаки: узкие лица, густые брови, большие и глубокие глаза, прямые и высокие носы, тонкие губы, что явно свидетельствует о ***сходстве облика*** **хуннов** с **саками**, **а значит, с *рузийцами***. **Такая общность в их внешности не может быть случа**йной.

По своим традициям и обычаям *рузийцы (юечжи)* не отличались от других *тюрков*, в том числе, от ***хуннов***, что является еще одним аргументом в пользу тюркского происхождения рузийцев. Так, в 27-главе «Тянь гуаньшу» («Трактат о небесных явлениях») «Шицзи» имеется следующая информация: «Чжунго (Срединное государство – древный Китай) находилось на юго-востоке [от Ордоса] среди четырех морей... На северо-западе [от него] «находились народы ху, *ме,* юечжи, которые одеваются в войлок и меха и стреляют из луков...»[130].

В «Ханьшу» приводится: «Обычаи *дай-рузийцев* и [населения] Кангкии (Канцзюй) не отличаются»[131]. В разделе «Юэпань» (Яйпан) 102-главы под названием «Сиюй» («Западные страны») «Вэйшу» («История [династии] Вэй») написано: «предки *юэпань* входили в состав племени хуннуского шаньюй (тангрикута – правителя) ... их обычаи и язык не отличаются от *гаочэ*»[132]. Здесь уместно комментировать, что этноним *гаочэ* (древн.чт. ***кауциа***高車 / 高车 и менуется также гаочэ-дилин 高車丁靈 / 高车丁灵, древ.чт. ***кауциа-тиенглиенг***)[133] является китайским произведением, использованным в отношении северных тюркских племен, которые пользовались телегами с высокими колесами и поклонялись духам предков.

На основе выше сказанного можно заключить, что используемый в современной исторической литературе этнотопоним Юечжи (月氏) появился в китайских источниках в III в. до н. э. как название государства и его населения. Все споры и дискуссии среди авторов различных стран связаны именно с этим *этнотопонимом*. Однако, из-за отсутствия единого правила написания, а также особенность китайского языка и письменности до III в. до н. э. для его написания китайцами были употреблены разные иероглифы с разными значениями, но схожими чтениями: ngiwo-zie, ngiwe-tsie, ngeu-tsie, ngiwo-tsie, ngo-tcie, ngeu-tsie. Это позволяет утверждать, что все они являются различными

[129] Су Бэйхай. Синьцзян яньхуа (Рисунки на скалах Синьцзяна). Урумчи, 1994. С. 200.
[130] Сыма Цянь. Исторические записки (Шицзи). Перев. с кит. яз. Р.В. Вяткина. В 5 томах. Т. 4. М., 1986. С. 149.
[131] Бань Гу. Ханьшу // Эршисы ши. Т. 2. С. 2371(1163).
[132] Вэй Шоу. Вэйшу (История [династии] Вэй) // Эршисы ши. Т. 8. С. 9700(1318).
[133] Сюе Цзунчжэн. Туцзюэ ши (История тюрков). Пекин, 1992. С. 68.

китайскими транскрипциями тюркского слова Огуз-йер (сокращенно Огузия), имеющего значение «земля огузов».

Этнотопоним Огуз-йер (Огузия) появилось путем сложения этнонима огуз – бык, символизирующего величие и могущество его жителей, и слова йер – земля. Быки наряду с лошадьми были основой скотоводческого хозяйства и стали тотемом *рузийцев* (*юечжи* – о*гузов*). Этноним огуз происходил от названия крупнорогатого животного ögüz (бык), который был их тотемом, символизирующий силу и могущество.

Первоначально огузы обитали в горных пастбищных районах восточного Тангритага. Позднее, в период наибольшего могущества они контролировали огромную территорию от Памира до Ордоса включительно. В 176–174 гг. до н.э. под ударом хуннов государство огузов распалось. Основная часть населения ушла к берегам реки Амударья, которая в китайских источниках именуется *дай-рузие* (*да-юечжи*大月氏) – великие огузы или большинство огузов.

Огузы были большой частью ранних тюрков. Найденные в районе реки Кончидаря (по китайски Кунцяо-хэ / Kongqiaohe 孔雀河), расположенная на северо-востоке от пустыни Такламакан, и ближайших к ней местах останки людей 5-6 тысячелетней давности, толкают нас на мысль о том, что появление огузов в горных долинах центрального Тангритага (Тянь-шаня) связано с переселением этих людей в результате климатических изменений в регионе пустыни[134].

[134] Об этом подробно см.: *Хўжаев А.* Буюк ипак йўли: муносабатлар ва тақдирлар. Тошкент, «Ўзбекистон миллий энциклопедияси» 2007. С. 114 –119; *Ходжаев А.* Великий шелковый путь: связи и судьбы. С. 262–264.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

На китайском языке

1. **Бань Гу**. Ханьшу (История [династии] Хань) // Эршисы ши (24 истории). Пекин-Шанхай, 1956–1958. Т. 2. *Начало написания источника относится к середине первого века до н. э., а завершение - к 54–75 гг. н.э.*
2. Вэй Шоу. Вэйшу (История [династии] Вэй) // Эршисы ши. Т. 8. Написана в 551–557 гг.
3. Гу сисин цзи (Записки древних путешественников). Иньчуань, 1987.
4. ***Ду*** Ю. Тундянь (Трактат о законах и традициях). В 3-х т. Чанша, 1995. Источник написан в 766–801 гг.
5. **Ли Яньшоу**. Бэйши (История северных [династий]) // Эршисы ши. Т. 11. Написана в 640–643 гг.
6. ***Лэ Ши.*** Тайпин хуаньюй цзи (Записки о пространстве воцарения мира). Время и место издания неизвестны. *Время написания относится ко второй половине* X *века.*
7. Сыма Цянь. Шицзи (Исторические записки) // Эршисы ши (24 истории). Пекин-Шанхай, 1856–1958. Т. 1. Написание истории было начато Сыма Янем, отцом Сыма Цяня. После смерти отца (в 110 г. до н. э.) он продолжил его дело и закончил в 91 г. до н. э.

На узбекском языке

8. Хўжаев А. Ўзбек халқи ва давлатчилиги тарихи манбалари: Туркистон Хитой ёзма манбаларида (милоддан олдинги 10 – милодий 11-юзйилликлар). Тошкент, «Фан», 2024.

На уйгурском языке

9. Бань Гу. Хāннамā (Ханьшу). Перевод с кит. яз. на уйгурсий (на осн. араб. алф.). Урумчи, 1994.
10. Огузнаме (Рассказ об Огузе). Пекин, 1981.
11. Сыма Цянь. Тарихий хотиралар (Шицзи). Избранный перевод с кит. яз. на уйгурсий (на осн. араб. алф.). Урумчи, 1989.

На русском языке

12. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3-х т. Москва-Ленинград, 1950.
13. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3-х т. Алматы, 1998–1999.
14. *Сыма Цянь*. Исторические записки (Шицзи). Перев. с кит. яз. Р.В. Вяткина. В 5 томах. Т. 4. М., 1986.

Литература

На китайском языке

15. Ван Чжилай. Чжунъя шиган (Очерки истории Центральной Азии). Чанша, 1986.
16. Ван Чжунхань. Чжунго миньцзу ши (История народов КНР). Пекин, 1994.
17. Гу Бао. Гудай Синьцзян ды инъюэ удао юй гудай шэхуэй (Музыка, танцы и общество древнего Синьцзяна). Пекин, 1987.
18. Лин Гань. Сюнну тунши (Общая история хуннов). Пекин, 1986.
19. Линь Мэйцунь. Сиюй вэньмин (Цивилизация западных стран). Пекин. 1995.
20. Линь Мэйцунь. Хань Тан Сиюй юй Чжунго вэньмин (Цивилизация западных стран и Китая периодов Хань и Тан). Пекин, 1998.
21. Синьцзян лиши цыдянь (Словарь по истории Синьцзяна). Урумчи, 1996.
22. Сиюй диминг каолу (Выдержки из исследований по топонимики западных стран). Пекин, 2008. С. 149.
23. Су Бэйхай. Синьцзян яньхуа (Рисунки на скалах Синьцзяна). Урумчи, 1994.
24. **Сюе Цзунчжэн**. Туцзюэ ши (История тюрков). Пекин, 1992. С. 68.Чжунго сычоу чжилу дацыдянь (Китайский словарь шелкового пути). Урумчи, 1994.
25. **Ханьцзы гуинь шоуцэ (Справочник древних произношений китайских иероглифов). Пекин, 1986.**
26. Ханьюй дацзыдянь (Большой иероглифический словарь китайского языка). В 8-ми т. Чэнду, 1986–1991.
27. Чжунго гуцзинь димин дацыдянь (Большой словарь географических названий Китая с древнейших времен до наших дней). Шанхай, 1930.
28. Чжунго гуцзинь минжэнь дацыдянь (Большой словарь известных людей Китая с древнейших времен до наших дней). Пекин, 1991.
29. Чжунго дабайкэ цюаньшу. Чжунго лиши (Большая китайская энциклопедия. История Китая). Пекин, 1997.
30. Чжунго Синьцзян гудай шэхуэй шэнхуо ши (История древнего общества Синьцзяна). Урумчи, 1997.
31. Цзян Инлян. Чжунго минцзу ши (История народов КНР). В 2-х т. Пекин, 1990.
32. Цыхай (Море слов). Шанхай, 1979.
33. Цыюань (Происхождение слов). В 4-х т. Пекин, 1982.
34. Фэн Чэнцзюнь. Сиюй Наньхай шиди каодэн шицун (Собрание

переводов опубликованных научных трудов по истории и географии Сиюй и стран Южных морей). В 2-х т. Пекин, 1995. Китайский перевод трудов французских авторов.
35. Шан Юэ. Чжунго лиши ганъяо (Очерки истории Китая). Пекин, 1954.
36. Юй Тайшань. Сиюй тунши (Общая история западных стран). Пекин, 1996.

На уйгурском языке

38. Анвар Байтур, Хайриниса Сыдык. Шинчжангдики миллетлернинг тарихи (История народов Синьцзяна). Пекин, 1991.
39. Тургун Алмас. Уйғурлар (Уйгуры). Урумчи, 1989.

На узбекском языке

40. Айтбаев А. Özbekistan'da Türk Halkları Tarihi Tetkiki Uzerine // Türkoloji ve Türk Tarihi Araştırmaları Özel Sayısı, I cild (Turkoloji, dil, edebiyat, kültür, "Yeni Türkiye Yayınları", Ankara, 2002, S.108-110;
41. Айтбаев А. İlk Orta Asya Sakinlerinin Göç Süreçleri (Миграция народов Центральной Азии в древности), Türkler, "Yeni Türkiye Yayinlari", Ankara, 2002, 1 cilt, S. 664–671.
42. *Хўжаев А.* Буюк ипак йўли: муносабатлар ва тақдирлар. Тошкент, 2007.
43. Шониёзов К. Кангар давлати ва канглилар (Государство Кангар и кангарцы). Тошкент, 1990.
44. Шониёзов К. Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни (Процесс формирования узбекского народа). Тошкент, 2001.
45. Ўзбекистон халқлари тарихи (История народов Узбекистана). Под ред. акад. А.Аскарова. В 2-х т. Тошкент, 1992.

На русском языке

46. Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. В 2-х т. Изд. 2-е. Душанбе 1989.
47. Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. Санкт-Петербург, 1994.
48. Зуев Ю.А. Юечжи и кушанцы в свете китайских источников // Центральная Азия в Кушанскую эпоху. М. 1974
49. История государственности Узбекистана. В 3-х т. Том 1. Вторая половина II тысячелетия до нашей эры – III века нашей эры. Ташкент, 2009.
50. История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974.
51. История народов Узбекистана. В 2-х т. Ташкент, 1950.
52. История Узбекской ССР. Ташкент, 1974.
53. Ошанин И.М. Большой китайско-русский словарь. В 4-х т. Т. 3. М.1984.
54. Ошанин И.М. Китайско-русский словарь. М., 1952.

55. Рерих Ю.Н. Тохарская проблема // Народы Азии и Африки. № 6. 1963. С. 118–123.
56. Хафизова К.Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV-XIX вв.). Алматы, 1995.
57. Ходжаев А. Великий шелковый путь: связи и судбы. Ташкент, «Навруз» 2018.
63. *Ходжаев А.* Из истории ддревних тюрков (на основе китайских источников). Алматы, ТОО РПИК “Дәуір” 2011.
64. *Ходжаев А*. «Му-Тянзи чжуан» («Тангри ўғли Му ҳақида баён») // *Ходжаев А., Қўлдашев Ш., Джуманиёзова Ф*. Марказий Осиё давлатчилик тарихига оид маълумотлар (Хитой манбалари асосида). *Тошкент,* «Фан», 2019. С. 17-51
65. *Ходжаев А*. Сведения древнекитайских источников по этнической истории Центральной Азии. Ташкент, 2017.
66. Ходжаев А. Путешествие Му в страны Центральной Азии в 989–988 гг. до н.э. // *Ходжаев А*., *Каримова Н.Э.* Сведения китайских источников по истории государственности Центральной Азии (переводы и исследования). «Фан», 2019. С. 11-70;
67. *Ходжаев А.* Сведения китайских источников о древнетюркском племени тией (ди) // Вопросы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии. Выпуск 7. Древность. Средние века. Новое время. LAP LAMBERT Academic Publishihg RU (Германия) 2022. С. 5–18.

На английском языке

68. *Айтбаев А*. Ancient Sources on “Saka”s on the Great Silk Road. Proceedings of the Nara Symposium for Digital Silk Roads. December 10-12, 2003 Nara-ken New Public Hall, Nara, Japan, Tokio, 2004, P. 481-486;
67. Etymological Dictionary of the Altaic Languages by Sergei Starostin, Anna Dybo, Oleg Mudrak with assistance of Ilya Gruntov and Vladimir Glumov. Volum 1-3. Brill Leiden-Boston, 2003.
68. The Turks. In 6 books. Ankara, 2002.

На турецком языке

69. *Айтбаев А.* İlk Orta Asya Sakinlerinin Göç Süreçleri (Миграция народов Центральной Азии в древности), Türkler, “Yeni Türkiye Yayinlari”, Ankara, 2002, 1 cilt, S. 664-671.
70. Turkler (Тюрки). В 21-м т. Ankara, 2001.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИГРАФИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА ПО СОГДИЙСКИМ ДОКУМЕНТАМ С ГОРЫ МУГ

Алимова Дилором Агзамовна,

доктор исторических наук, профессор, Национальный центр археологии, г. Ташкент

Abstarct

The Sogdian documents from the Mug mount, dating back to the 8th century AD, are an important source on the history of the early Middle Ages in Central Asia and provide a wealth of material for studying the internal social structure of Sogd and the most diverse aspects of its cultural and socio-economic life. A large amount of historical literature has been devoted to this theme, from translators and scholarly commentators of the texts of A.A. Freiman, I.A. Krachkovsky, V.A. Livshits, O.N. Smirnova, M.N. Bogolyubov to a number of researchers of both the documents themselves and the events accompanying them, concerning the political and military situation in Sogd and neighboring regions in the period between 711 and 722 AD. Despite the abundance of research, unfortunately, the stratigraphic analysis of Sogdian society based on the materials of the Sogdian documents from the Mug mount the field has remained outside of the view of specialists. Meanwhile, they provide a clear picture of its social structure and population strata. Both the marriage contract between the representatives of the nobility and the economic documents provide data that allow

us to realize, albeit not a complete, idea of the stratification of Sogdian society. The legal foundations of the social status of men and women are especially clearly recorded in a unique source of this time - a marriage contract, testifying to the equality of the sexes. Monetary documents testify not only to the existence of a rank system in the administrative structure of the state, but also to the social status of various strata of the population and social gradation.

In general, the social stratification of society according to Sogdian documents indicates the presence of inequality in society, characterized by the existence of a three-stage composition of society. However, the Sogdian documents can contain data on a wide range of issues of a stratigraphic nature. With careful study of them in the context of the task at hand, it is possible to trace the transformation processes concerning social strata caused by political and economic changes in the state, the entry of the military class into the social arena during political cataclysms, the formation of new social strata or the transition from one to another. In this sense, this source, which appeared on the eve of the Arab invasion, is of great value.

Keywords: *Sogd, Sogdian documents, stratigraphy, marriage contract, monetary documents, drachma, tax collector, Sogdian nobility, merchants, community members.*

Аннотация.

Согдийские документы с горы Муг, относящиеся к VIII в. н.э., являясь важным источником по истории раннего средневековья в Центральной Азии, дают богатейший материал для исследования внутреннего общественного строя Согда и самых разнообразных сторон ее культурной и социально-экономической жизни. Этой теме посвящено большое количество исторической литературы, начиная от переводчиков и научных комментаторов текстов А.А. Фреймана, И.А. Крачковского, В.А. Лившица, О.Н. Смирновой, М.Н. Боголюбова до ряда исследователей, как непосредственно документов, так и сопровождавших их событий, касающихся политической и военной обстановки в Согде и соседних районах в период между 711 и 722 годами. При обилии исследований, к сожалению, остался вне поля зрения специалистов стратиграфический анализ согдийского общества по материалам согдийских документов с горы Муг. Между тем, они дают ясную картину о ее социальной структуре и слоях населения. Как в брачном договоре между представителями знати, так и в хозяйственных документах приводятся данные, позволяющие осуществить, пусть и не полное, представление о стратификации согдийского общества, особенно ярко правовые основы

социального положения мужчин и женщин зафиксированы в уникальном источнике этого времени – брачном контракте, свидетельствующем о равноправии полов. Денежные документы свидетельствуют не только о существовании ранговой системы в административном устройстве государства, но и о социальном положении различных слоев населения и социальной градации.

В целом социальная стратификация общества по согдийским документам свидетельствует о наличии неравенства в обществе, характеризующегося существованием трехступенчатого состава общества. Однако согдийские документы могут содержать данные о большом круге вопросов стратиграфического характера. При тщательном их изучении в ракурсе поставленной задачи возможно проследить трансформационные процессы, касающиеся социальных страт, вызванных политическими и экономическими изменениями в государстве, выходом военного сословия на социальную арену в период политических катаклизм, формирования новых социальных страт или перехода из одной в другую. В этом смысле данный источник, появившийся накануне арабского нашествия, представляет огромную ценность.

Ключевые слова: *Согд, согдийские документы, стратиграфия, брачный договор, денежные документы, драхма, сборщик податей, согдийская знать, торговый люд, общинники.*

Такой важный вопрос для исторической науки, как социальная стратиграфия общества, объясняющая его жизнь и деятельность на определенных отрезках времени в древности и средневековье, остается пока еще совершенно малоизученным. При обилии археологических артефактов и письменных источников эта проблема не стала центральной в работах историков и археологов.

Между тем, социальные изменения в жизни общества – это процесс, который включает в себя не только структурную дифференциацию и реорганизацию человеческой деятельности, но и вызванные ими перемены в духовной жизни. Социальная стратификация имеет огромное значение и для изучения древних и средневековых обществ.

Установление социального неравенства началось в самых ранних архаических социальных системах в связи с делением общества на кланы. Социальное неравенство привело к расслоению общества и появлению групп, занимавших более высокое положение, определенное зависимостью от них социальных практик и зависящего от них низшего звена.

Важное значение имеет в средневековом обществе Центральной Азии и социальная мобильность, которая имеет право быть, определенная социальными изменениями, связанными множеством внутренних и внешних причин. Каковы же границы и маркеры социальной стратификации центральноазиатского средневекового общества?

К сожалению, эта проблема в историко-археологическом ключе еще не раскрыта. Между тем, археология располагает большим количеством реальных источников, дающих сведения о социальной конструкции общества, что в свою очередь является информационной основой для построения социальных теорий относительного этого периода.

Археологические работы нередко позволяют определить социальные взаимоотношения народов в древности и средневековье. Конкретные материалы полевых исследований археологов помогают в определении времени и форм сложения семейных отношений, периода возникновения большой патриархальной семьи, судить о социальной иерархии общества. Данные об этом дают материалы погребений, которые, как известно, были четко регламентированы по социальным группам: царские погребения, погребения родовой аристократии, низовых социальных групп. Дают археологические исследования ценную информацию и о гендерном вопросе и о таких социальных группах, как женщины и мужчины. Могильники не единственные источники для изучения проблемы, есть и письменные источники, и настенные изображения, выявленные археологами, которые позволяют судить о рамках социального строя, этнических и антропологических признаках, взаимоотношениях полов. Но, к сожалению, в археологической литературе сложилась большая лакуна, определенная отсутствием характеристик социальной стратиграфии общества, отраженной в специальных публикациях на эту тему.

Такой важный источник, как согдийские документы с горы Муг, относящийся к VIII в. н. э. – содержит важные сведения о социальной структуре общества при правителе Диваштиче. Как писал С.П. Толстов: «Находки на горе Муг, являясь первоклассным источником для истории арабского завоевания, дают в то же время богатейший материал для исследования внутреннего общественного строя Согдианы VIII в. и самых разнообразных сторон ее культурной жизни. Хозяйство согдийского царя, организация сбора повинностей с населения, отношения царя с его слугами, отношения между различными политическими центрами, социальная терминология, история календаря, не говоря уже о

богатейшем языковом материале» — вот неполный перечень вопросов, получающих новое освещение в материалах документов из замка на горе Муг.

Окончательное опубликование архива Диваштича явится вкладом совершенно исключительного значения в древнюю историю Средней Азии»[1].

Эта окончательная публикация была осуществлена В. А. Лившицем в 1962 г., который продолжил работу своего учителя А.А. Фреймана, выделив 45 документов юридического характера и хозяйственных записей, которые несомненно являлись «одним из наиболее трудных для интерпретации согдийских текстов»[2].

В предисловии к изданию В.А. Лившиц указывал, что находка документа в 1932 на развалинах крепости Калаи – Муг (Таджикская ССР) привела к организации раскопок в 1933 г. под руководством А.А. Фреймана, в результате которых было обнаружено 74 согдийских, одного на арабском языке и одного тюркско-рунического документов и большого количества предметов материальной культуры.

Все это было подвергнуто А.А. Фрейманом палеографическому описанию[3]. Документ на арабском языке был изучен И.А. Крачковским, который воссоздал событие времени разрешения крепости. Материалы находок были датированы периодом не позднее начала третьего десятилетия VIII вв. н. э. (до 722 г.)[4].

А.А. Фрейман опубликовал чтение и перевод 13 текстов согдийских документов[5]. В.А. Лившиц является автором переводов и комментариев 60 документов, первые 15 он опубликовал в 1959-1960 гг. Начав работу в 1957 г., он выделил из всего комплекса юридические документы, выяснив, что «мугские письма содержат данные, характеризующие политическую и военную обстановку в Согде и соседних районах в периоде между 711 и 722 гг. н. э.». Что очень важно, они позволили судить об общественном строе и экономической жизни народов этого региона. Через год после этой публикации вышел III выпуск согдийских документов, который содержал чтение и перевод М.Н. Боголюбовым

[1] Толстов С.П. Основные вопросы древней истории Средней Азии. // Вестник древней истории. 1938, №1(2), с. 195.

[2] Лившиц В. А. Предисловие // Юридические документы и письма чтение, перевод и комментарии В.А. Лившица. Выпуск II. Москва. Издательство восточной литературы, 1962, с. 9.

[3] Фрейман А. А. Находка согдийских рукописей и памятников материальной культуры в Таджикистане (предварительное сообщение) - «Согдийский сборник», Л. 1934, с. 7-17.

[4] Там же, с.7.

[5] Фрейман А. А. Датирование согдийских документов с горы Муг в Таджикистане. // Труды ИВ АН СССР, т. XVII, Л., 1936, с.137-165; Согдийские документы.

и О.И. Смирновой нескольких хозяйственных документов и их морфологический разбор[6].

Но наиболее полным является чтение и перевод большинства документов В.А. Лившицем. В кропотливой работе В.А. Лившица над столь уникальными документами оказывали помощь своими знаниями и замечаниями не менее известные, чем он сам именитые ученые, такие как К.В. Тревер, А.М. Беленицкий, Л.Т. Гузальян, В.Г. Луконин, Б.И. Маршак, Б.Я. Ставиский, А.Г. Периханян, С.Г. Кляшторный, И.М. Дьяконов, А.М. Мандельштам.

В.А. Лившиц издание согдийских документов посвятил памяти академика И.А. Орбели – известного археолога и востоковеда, который был инициатором публикации и «до последних дней своей жизни живо интересовался ходом работы по расшифровке мугских документов»[7]. Такое широкое обсуждение работы дало очень многое в построении переводческой концепции, несмотря на то, что тексты юридических документов (ряд которых были плохой сохранности), свидетельствовали о наличии «новой, неизвестной по изданным до того времени текстам, лексики, с синтаксическими и стилистическими особенностями, а также с очень большим числом имён собственных, титулов и топонимических названий»[8]. В 1965 г. В.А. Лившицем была опубликована монография, посвященная согдийским документам, на основе которой он защитил докторскую диссертацию.

Как видим, В.А. Лившиц провёл огромную титаническую работу по чтению, переводу, комментированию и изданию этого уникального источника. Однако, ценность источника усиливается в процессе его использования. Несомненно, согдийские документы в прочтении В.А. Лившица оказали огромное влияние на интерпретацию истории этого периода. Наша цель обозначить маркеры социальной структуры общества в раннесредневековом самаркандском Согде на основе комплекса документов с горы Муг, основываясь на чтении, переводе и комментариях В.А. Лившица.

Документы с горы Муг, особенно те, что были опубликованы В.А. Лившицем, имеют огромное историческое значение. Его ученик Павел Лурье писал: «Перед нами – широкий срез жизни Средней Азии, который охватывает самые разные сферы от ежедневного довольствия

[6] Согдийские документы с горы Муг. Выпуск III. Чтение, перевод, комментарий. М., Издательство восточной литературы, 1963.
[7] Лившиц В. А. Указ. соч., с. 9
[8] Там же, с. 9

служивого люда или особенностей мельничного хозяйства до описания политической и военной ситуации в разных регионах. Среди документов – и учетные записи, и брачный контракт (из него следует, что знатная согдиянка имела очень широкие права), и дипломатическая переписка, и даже шпионские донесения. Много в этих документах пересекается с китайскими и арабскими историческими текстами, и исторический комментарий, пожалуй, наиболее яркая часть работы В.А. Лившица над документами с горы Муг»[9].

Публикация В.А. Лившица была, с одной стороны, восхищенно принята научным сообществом, а с другой – многие специалисты, в их числе П. Лурье, да и сам В.А. Лившиц – предлагали разные уточнения чтений. Многие из них были им приняты, о чем свидетельствует переиздание документов в книге под названием «Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья», вышедшей из-под его пера в 2008 г. Эта книга получила премию им. С.Ф. Ольденбурга в России, премию Эхсана Яршатера в США, а в 2015 г. вышел ее английский перевод под редакцией Н. Симса-Вильямса в серии Corpus Insciptionum Iranicarum»[10].

Согдийские документы своим содержанием стали новым открытием в исторической науке, дающим ранее неизвестные важные сведения не только о правовой, социально-экономической жизни населения Согда, но и о социальной стратификации общества в начале VIII в. Уникальным источником по брачно-семейным отношениям является «Брачный договор», наибольший по объему текст собрания, свидетельствующий о гендерных отношениях и социальном статусе мужчины и женщины, вступающих в брак. Контракт был заключен, по-видимому, в Самарканде. В документах указано лишь, что он составлен в «месте основ» (городской муниципалитет или храм?) в присутствии «главы» Вахушукана, сына Вархумана.

Брачный контракт, насчитывающий 90 строк – наибольший по объему текст мугского собрания. Он является важнейшим в настоящее время источником для изучения брака и семьи у согдийцев в доисламский период. Контракт содержит данные, имеющие первостепенное значение и для характеристики социально-экономических отношений. Брачный контракт – единственный в мугском собрании текст, датированный

[9] П. Лурье. Владимир Аронович Лившиц и его метод. Вместо некролога// В. А. Лившиц. Штрихи к портрету. Сост. Е. В. Звегинцев, П.В. Лурье, Н. Г. Птицына. СПб., 2019. С. 41.

[10] П. Лурье. Владимир Аронович Лившиц и его метод. Вместо некролога// В. А. Лившиц. Штрихи к портрету. Сост. Е. В. Звегинцев, П.В. Лурье, Н. Г. Птицына. СПб., 2019. С. 41.

временем правления царя Тархуна. Исходя из этого, В.А. Лившиц установил время составления документов и даже день – вторник, 25 марта 710 год[11]. В.А. Лившиц считает, что этот документ является типичным для согдийской знати полноправным брачным договором, где «женихом выступает От-тегин[12*], судя по имени знатный тюрк, ... заключающий полноправный брак с женщиной и оба обязующиеся жить в браке как «благородный» с «благородной»[13]. Термин «полноправный» оправдан характеристиками, основанными на адекватной юридической ответственности обеих сторон, предусматривается и прекращение брака на особых условиях. Вторая статья договора обозначена, как условия совместного проживания: обязанности мужа, третья – условия совместного проживания: обязанности жены. Отдельно оговаривается ответственность мужа перед женой за нарушения условий совместного проживания. Если брак прекращается по инициативе мужа, он обязан имущественно обеспечить жену, если же по ее инициативе, она также должна быть обеспечена и оба в этих случаях имеют право на вступление в новый брак.

В обоих случаях и муж, и жена, а также их дети свободны от ответственности за преступления, совершенные одной или другой стороной. По брачному договору видно, что это полноправный брак и оба несут юридическую ответственность за свой союз, даже в случае его распада.

В брачном контракте нет никакого намека на его религиозное освещение. Это означает, что брак был светским. Но в договоре есть упоминание о боге договора – Митры[14], что свидетельствует о преобладании в регионе зороастрийского верования. Тем не менее, как считает автор перевода, бракосочетание выглядит по договору как мирское, светское дело, а не как религиозное таинство.

На территории самаркандского Согда, как можно судить по мугским документам, в начале VIII в. буддизм сколько-нибудь заметной роли не играл. Имена собственные и обозначения духовных лиц в этих документах, указывают на то, что господствующий религией был зороастризм, как можно судить по имеющимся данным, большую роль играли культ Митры, Нанайи – Анахиты, а также остальных

[11] Лившиц В. А. Юридические документы и письма чтение, перевод и комментарии В.А. Лившица. Выпуск II. Москва. Издательство восточной литературы, 1962, с. 17.

[12] * В первом издании согдийских документов Лившиц пишет Ут-тегин, в издании 2008 – От-тегин.

[13] Лившиц В. А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб., 2008, с. 25.

[14] Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М. Издательство восточной литературы, 1962, с. 18.

божеств[15]. Возможно именно поклонение наряду с Митрой, Нанайе объясняется такая прямая защита женщины. Так по договору она может быть инициатором прекращения брака и в этом случае на мужа возлагается имущественное обеспечение жены, и она имеет право на вступление в новый брак[16]. Кроме того, у брачующегося мужчины имеются определенные обязательства по отношению к опекуну жены, в частности, в случае нанесения ей оскорбления он обязан возвратить жену опекуну[17]. Наличие же опекуна у невесты означает, что решение о браке принимается семьей. Полноправность женщины подчеркивает и то, что документ создается в двух экземплярах. Как указывает В.А. Лившиц: «На тексте обязательства, дошедшем до нас, имеется приписка, указывающая на то, что данный экземпляр должен храниться у невесты»[18].

Договор свидетельствует о демократичности и моральности общества, основанного на равноправии полов и в то же время узаконению уступок мужчин по отношению к женщине. По договору, если мужчина попадает в рабство или плен, то его жена и дети остаются свободными. То же касается мужа, если в рабство попадет жена.

Содержание обязательства звучит как торжественная клятва Уттегина:

«И, господин, в присутствии тебя[19*]

(11) и в присутствии (бога) Митры (я обязуюсь): я (ее) не продам, ни долговой рабыней,

(12) ни пленной (?), ни отданной под покровительство не сделаю. И также, если ее кто-либо

(13) от меня или со стороны … возьмет и над-

(14) ругается (над ней), то я ее тотчас, без ущерба, невредимой

(15) отошлю[20**]. А также если Чата со мной

(16) не согласится оставаться или же если я ее сам отошлю,

(17) то я ее тебе, Чер, (твоим) сыновьям и роду, здоровой,

(18) без ущерба, невредимой передам и вру-

(19) чу. И если я ее не вручу, если я ее невредимой не передам, то тебе

(20) 100 драхм динарских, серебряных,

[15] Согдийские документы …, с. 166

[16] Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М. Издательство восточной литературы, 1962, с. 19.

[17] Там же, с. 19.

[18] Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М. Издательство восточной литературы, 1962, с. 20.

[19] * «господина».

[20] ** «освобожденной отошлю».

(21) имеющих хождение[21***], хорошей сохранности, без примеси, я буду должен, и от-

(22) дам, и выплачу[22].

Это следует понимать, так, что только с согласия жены, после обиды, муж мог ее отослать, если же он оставляет ее, то в знак своей виновности, он выплачивает 100 драхм ее родным. Этот факт свидетельствует о высокой ответственности заключающего договор мужчины, и о чрезвычайно бережном отношении к женщине. В то же время допускается определенная несправедливость по отношению к ней. В статье договора отмечается, что «в случае желания мужа развестись с женой вследствие ее проступков, он должен отдать ей полученное от нее имущество. Если же жена вследствие проступков мужа желает развестись с ним, то он не должен отдавать ей полученного».

В.А. Лившиц считал, что «в согдийском праве жена (полноправная) рассматривалась наравне с мужем как юридически ответственное лицо». Вместе с тем, он не закрывал глаза и на наличие определенных форм зависимости, объясняя это живучестью такой тенденции в более ранних периодах и документах, определенные статьи которых традиционно переходили и в согдийские документы[23]. Это звучит не очень убедительно, учитывая, что согдийский договор, несмотря на его демократичность, содержит сведения, которые свидетельствуют о существовании полигамии.

Кроме полноправного брака, существовал и брак с подопечной и побочный брак. Однако муж мог вступить в побочный брак только с согласия «полноправной» жены. В то же время указывается, что, если муж Ут-тегин без разрешения жены вступит в побочный брак, он должен выплатить жене 30 «динарских драхм»[24]. Такие «уловки» свидетельствует все же о том, что статус мужа был более высок.

В.А. Лившиц предполагал, что «многожёнство у согдийцев не было широко распространённым явлением, а ограничивалось главным образом среди знати, зажиточными семьями»[25]. Документ отражает и существование социальных страт в лице рабов. Так отмечается, что

[21] *** «утвержденных».

[22] Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М. Издательство восточной литературы, 1962, с. 25.

[23] Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М. Издательство восточной литературы, 1962, с. 35.

[24] Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М. Издательство восточной литературы, 1962, с. 33.

[25] Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М. Издательство восточной литературы, 1962, с. 30.

муж обязуется не продавать жену в рабство или иным путём лишать её свободы. Однако в мугских хозяйственных документах термины «раб», «рабыня» не встречаются[26] [Лившиц 1962: 35]. Они фигурируют больше в брачном контракте. Очевидно, это общество рабовладельческим мы назвать не можем. По-видимому, оно существовало в семейной форме, не имея классического характера.

Изучив другие документы, В.А. Лившиц пришел к выводу о следующем социальном расслоении в Согде: «народ-община, делится на три основные группы – знать, торговый люд и работники вообще», под которыми следует понимать прежде всего крестьян – общинников (в том числе и общинников, привлекаемых к несению повинностных работ) и ремесленников» [27].

Это подтверждается рядом документов, в частности в одном из писем Диваштичу, где говорится: «и есть такой слух: кучинцы (?) … и весь народ в брахманскую веру перешли (вышли) – и знать, и купцы, и простой народ («работники»), и 14000 духовных наставников»[28]. Последнее, видимо связаны «с населением крупного города или целый области, где имелось весьма большое число буддийских монахов»[29].

Под брахманизмом по Лившицу следует понимать лишь один из индийских толков буддизма, потому что данных о распространении в начале VIII в. в Куче брахманизма нет и употребление термина брахманизм в этом документе случайное[30].

Есть и такие страты в тексте, как «военачальник» и «солдаты», которых В.А. Лившиц трактует как солдат имперских гарнизонов, расположенных в китайском Туркестане, к помощи которых Диваштич хотел обратиться.

В цикле документов, озаглавленных «Денежные документы» и в других мы видим частое употребление термина «государь» (этим титулом именуют и его вассалов, правителей отдельных сельских районов), «великий оплот», конечно же, это обращение к Диваштичу, другая его разновидность – господин. Есть в документах, в частности в договоре

[26] Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М. Издательство восточной литературы, 1962, с. 35.
[27] Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М. Издательство восточной литературы, 1962, с. 37.
[28] Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М. Издательство восточной литературы, 1962, с. 95.
[29] Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М. Издательство восточной литературы, 1962, с. 96
[30] Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М. Издательство восточной литературы, 1962, с. 99

об аренде мельниц обращения, где Диваштич назван согдийским царем и самаркандским государем. По мнению В. А. Лившица, если он и был таковым, то лишь в первые два года правления[31]. Выражение «дехкан Самарканда» в отношении Диваштича характерно лишь для арабских источников[32] и тоже не дает уверенности в том, что он был правителем всего Согда.

В административной системе, судя по согдийским документам, имеются следующие социальные группы: начальник канцелярии, сельский староста, сборщик податей, магумат - главный жрец, поливальщик, военачальник или полководец, начальник конюшни, гопат – глава финансового ведомства.

В первой статье денежных документов речь идет о распоряжениях Диваштича о выделении средств различным лицам. Судя по ним состав должностных лиц двора был широк и свидетельствует о развитой системе административного управления. Среди них бухарец (житель Бухары), кушаниец (житель Кушании), пастух, главный жрец, главный виночерпий, главный пекарь, начальник парка, составитель документов, палач. Данные о том, сколько и кому выдал денег Диваштич позволяют сделать приблизительное представление и о социальной значимости берущего деньги человека и стоимости отдельных услуг и товаров.

Например, за лошадь было отдано 200 драхм, за корову – 11 драхм, «которую на новогоднем празднике съели». Дороже ее было платье женщине– 15 драхм. По 8 драхм было заплачено за бумагу, шелк и масло (не указано сколько) (в селении) Вардаккат. За башмаки бухарцу и кушанийцу – 1 драхму. Возведение крыши - было самым дорогим делом, за которое «государь» уплатил 100 драхм. Некоему Вану за пастьбу скота – было уплачено 6 драхм. Составитель документов, видимо очень ценился, так как ему было заплачено – 8 драхм. М.Н. Боголюбов и О.И. Смирнова среди плат отмечают, что за пару быков было заплачено 12 драхм, 15-16 драхм обходилось (вероятно, у солдата) снаряжение военного, не считая оружия, панцирь с рубахой – 12 драхм, шлем – 2 драхм, каваш (?) – 2 драхмы[33].

Опосредованно упоминается в тексте и о ювелире. Стоимость лишь одного камня яхонта обозначается в 80 драхм. Если сравнить это

[31] Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М. Издательство восточной литературы, 1962, с. 57, 64.

[32] Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М. Издательство восточной литературы, 1962, с. 65

[33] Согдийские документы с горы Муг. Чтение, перевод, комментарий М. Н. Богомолова и О. И. Смирновой. М., Издательство восточной литературы, 1963 г., с. 13

со стоимостью коровы (11 драхм) и лошади (200 драхм), то можно предположить курс согдийской драхмы и приблизительный заработок ювелира, учитывая при этом фанатичную веру в изделия из драгоценных камней у согдийцев, о которой ещё писал А. Беруни[34].

Палач стоял на низшей ступени социальной иерархии. За жизнь человека (а может быть не одного?) ему было заплачено 5 драхм[35], главному пекарю – 15 драхм. Как видим, жизнь человека стоила в три раза дешевле, чем приготовление еды.

Есть в тексте и обозначение такой должности, как курьер, гонец, адекватная парвоначи – «третий по старшинству сановник» в Бухаре и в Балхе, вручавший царские указы о пожалованиях[36]. В другом месте упоминается сборщик податей[37], начальник водоема[38*] с именем Вгашмарик[39].

Следует отметить, что несмотря на обозначения такой страты как купцы, купечество, в мугских документах, представленных В. А. Лившицем, нет других сведений о них, кроме ссылки на то, что самаркандский Согд имел тесные связи с согдийскими торговыми колониями на Востоке, которые не ослабевали и в период арабского завоевания[40]. Отсутствие их действий в документах, по-видимому, объясняется спецификой сохранившихся документов, составляющих брачный договор, договор об аренде мельниц, о передаче земельного участка, письма разных лиц. Нет данных здесь о торговле по Великому шелковому пути. Между тем, купцы – это удивительная, феноменальная, профессиональная страта. Как люди иной культуры, они легко контактировали с представителями разных сословий, с крестьянами, горожанами, представителями знатных сословий, являясь источником распространения из разных стран инноваций и технологических нововведений.

Мало сведений о купцах и в известной книге О.И. Смирновой «Очерки

---

[34] Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М. Издательство восточной литературы, 1962, с. 161.

[35] Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М. Издательство восточной литературы, 1962, с. 182.

[36] Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М. Издательство восточной литературы, 1962, с. 183.

[37] Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М. Издательство восточной литературы, 1962, с. 69.

[38] * бассейн для вымачивания кож.

[39] Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М. Издательство восточной литературы, 1962, с. 71.

[40] Согдийские документы с горы Муг. Чтение, перевод, комментарий М. Н. Богомолова и О. И. Смирновой. М., Издательство восточной литературы, 1963 г., с. 97.

из истории Согда». Следует сказать, что это единственная публикация, в которой наряду с экономикой Согда рассмотрены, социальные отношения. К анализу социальной структуры общества автор привлек огромное количество персо-арабских источников и, что важно данные согдийских документов с горы Муг, в чтении которых она принимала участие. О.И. Смирнова попыталась выявить основные категории согдийской знати, ответив на вопрос «существовали ли среди самой аристократии различные степени и классы, как в Персии?» [Смирнова 1970]. К высшему сословию О.И. Смирнова относит азатов, верхушку которых составляла титулованная знать, освобожденная от податей и повинностей. Она рассматривает согдийское «азат» (свободный, благородный) в двух возможных аспектах: как обозначение категории знати и как термин социальной градации вообще. Она пытается показать и экономическую основу господства земледельческой знати – дехкан. По ее мнению, основное податное население составляли «работники» - ремесленники и крестьяне (корикор).

Особенное место принадлежало торговцам (хвакор) и последнюю ступень социальной лестницы занимали рабы (пожизненные и/или временные) и слуги различных категорий. Первых из них, по словам О.И. Смирновой, «источники рисуют на прекрасных конях, в одеждах из дорогих тканей, в золотых поясах, с мечами и кинжалами, в золоте и серебре, возбуждающих алчность арабов»[41].

В отличие от В.А. Лившица, О.И. Смирнова не рассматривает вспомогательный административный аппарат, состоявший из широкого круга должностных лиц, который фигурирует в документах очень четко. Много ясности и в гендерном отношении. О низших слоях общества сведений очень мало. Впервые О.И. Смирновой еще в 1960 году удалось создать карту верховий Зеравшана по Мугским документам, о которой она докладывала на международном конгрессе востоковедов[42]. Следует отметить, что все данные В.А. Лившиц и О.И. Смирнова сопоставляли с китайскими, иранскими и арабскими источниками, выстраивая в некоторых случаях информативные параллели.

Социальная стратификация общества по согдийским документам свидетельствует о наличии неравенства в обществе, характеризующегося наличием трехступенчатого состава общества: высший слой (руководство), средний слой – подчиненные руководству

[41] Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. М., 1970, «Наука», с. 85.

[42] Смирнова О.И. Карта верховий Зеравшана по Мугским документам // Международный конгресс востоковедов. Доклады делегаций СССР. М.: Издательство Восточной литературы. 1960. С. 1-18.

административные лица, близкие государю, а также свободные предприниматели, представители сел, крестьяне, купечество, низший слой – рабы и слуги. Об их количественном состоянии источники не говорят. Но тем не менее чтения и комментарии по согдийским документам, более конкретно и объемно проведенные В.А. Лившицем, позволяют осуществить некоторую, пусть и неполную реконструкцию социального устройства общества.

Современная историческая литература, в вопросах изучения в раннесредневекового общества Средней Азии, не обходится без ссылок на согдийские документы с горы Муг. Этот уникальный сборник дал возможность историкам и археологам раскрыть новые грани истории Согда и прилегающих к нему территорий. Возникли новые исследования, авторы которых благодаря этому ценному источнику смогли сделать открытия в области топонимики, нумизматики, истории согдийского языка и, в целом, истории региона этого периода. Следует отметить, что работу по картографированию по согдийским документам, начатую О.И. Смирновой продолжил А. Бенкато[43]. В публикации Ф. Грене и Э. де ла Вассьера, посвященной последним дням Пенджикента, рассматриваются 4 письма, касающиеся военных процессов в Согде[44].

На основании этих писем А.Бенкато смог создать карту отправителей и получателей, показав какие местные правители были в переписке, как они ранжировались в социальной иерархии по отношению друг к другу. Картографирование мест, указанных в письмах, показывает необходимость в расширении этого фокуса исследований. Одной из самых свежих работ по согдийским документам является собрание согдийских письменных документов, осуществленных Симсом-Вильямсом, касающееся находок в Казахстане и Китае. Исследования касаются и узбекистанской историографии, в целом, и, в частности, работ узбекских ученых М.М. Исхакова, А. Атаходжаева, Г. Бобоёрова, А. Кубатина, Б. Гойибова, внесших новые коррекции в согдологию[45].

[43] Benkato A. Mapping the Mount Mugh letters and early 8-th Sogdiana. 2022. https://invisibleeast.web.ox.ac.uk/article/adam-blog

[44] F. Grenet and É. Vassière. The last days of Panjikent // Silk Road Art and Archaeology 8. Journal of the Institute of Silk road studies. Kamakura. 2002. P. 155-196

[45] Исхаков М. М. Центральная Азия в системе мировой культуры. (Древность и раннее средневековье) Ташкент, Университет мировой экономики и дипломатии, 208 с.; Отахўжаев А. Илк ўрта асрлардаги сиёсий – ижтимоий ва маданий мунособатларда Сўгд ва Чоч // Ўзбекистон тарихи, 2009, №1; Бобоеров Г. Илк ўрта асрлар тангаларида Ўзбекистон худудидаги давлатчиликка доир маълумотлар // Ўзбекистон тарихи манбашунослиги масалалари, 2010, 18-40 бб.; Babayarov G. Two additional Turkic title in Sogdian documents of Mugh Mountain // http://www.groups.yahoo.com/group/Sogdian-L (October, 2011); Бобоеров Г., Гойибов Б., Кубатин А. Ўрто Осиё битиклари. Сўгдий ёзма битиклари. “Тошкент таффакур авлоди”, 2020, 168 б.; Гойибов

Вместе с тем, историография Согда остается неполной, что определяется недостаточностью работ о его социальной истории раннесредневекового периода, в том числе с стратификационно-концептуальным методологическим подходом к изучению социальной структуры общества. Между тем, историческая наука нуждается не только в общих данных о социальной жизни и социальных стратах народов Средней Азии, но и в исследовании таких вопросов, как: трансформационные процессы, касающиеся социальных страт, вызванные политическими и экономическими изменениями в государствах; выход военного сословия на социальную арену в период войн и политических катаклизмов; формирование новых социальных групп в период войн и после них, сконцентрировавшихся как мигранты; взаимоотношения социальных страт, их ментальность, профессиональная стратификация – все это касается всех периодов истории, хотя самой неразработанной в данном отношении является раннее средневековье, социальная история которой нуждается более пристальном изучении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобоёров Ғ. Илк ўрта асрлар тангаларида Ўзбекистон худудидаги давлатчиликка доир маълумотлар // Ўзбекистон тарихи манбашунослиги масалалари. Тошкент: 2010, 18-40 бб.
2. Бобоёров Ғ., Ғойибов Б., Кубатин А. Ўрта Осиё битиклари. Сўгдий ёзма битиклари. Тошкент: “Таффакур авлоди”, 2020. 168 б.
3. Боголюбов М.Н., Смирнова О.И. Согдийские документы с горы Муг. М.: Издательство восточной литературы, 1963. 222 с.
4. Гойибов Б.С. Из истории управления раннесредневекового Согда (на основе согдийских письменных источников) // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. http://jurnal.org/articles/2014/hist5.html
5. Исхаков М.М. Центральная Азия в системе мировой культуры. (Древность и раннее средневековье) Ташкент: Университет мировой экономики и дипломатии, 2008. 442 с.
6. Лившиц В.А. Юридические документы и письма чтение, перевод и

Б.С. Из истории управления раннесредневекового Согда (на основе согдийских письменных источников) // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. http://jurnal.org/articles/2014/hist5.html

комментарии. М.: Издательство восточной литературы, 1962. 222 с.
7. Лившиц В.А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб., 2008. 414 с.
8. Лурье. П. Владимир Аронович Лившиц и его метод. Вместо некролога// В. А. Лившиц. Штрихи к портрету. СПб., 2019. С. 29-51.
9. Отахўжаев А. Илк ўрта асрлардаги сиёсий – ижтимоий ва маданий мунособатларда Сўгд ва Чоч // Ўзбекистон тарихи. 2009. №1. 17 б.
10. Смирнова О.И. Карта верховий Зеравшана по Мугским документам // Международный конгресс востоковедов. Доклады делегаций СССР. М.: Издательство Восточной литературы. 1960. С. 1-18.
11. Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. М.: Наука, 1970. 288 с.
12. Толстов С.П. Основные вопросы древней истории Средней Азии. // Вестник древней истории. 1938. №1(2). С. 176-203.
13. Фрейман А.А. Датирование согдийских документов с горы Муг в Таджикистане. Согдийские документы // Труды ИВ АН СССР, т. XVII, Л., 1936. С. 137-165.
14. Фрейман А.А. Находка согдийских рукописей и памятников материальной культуры в Таджикистане (предварительное сообщение) - «Согдийский сборник», Л., 1934. С. 477-480.
15. Babayarov G. Two additional Turkic title in Sogdian documents of Mugh Mountain //http://www.groups.yahoo.com/group/Sogdian (October, 2011)
16. Benkato A. Mapping the Mount Mugh letters and early 8-th Sogdiana // https://invisibleeast.web.ox.ac.uk/article/adam-blog (March, 2022)
17. F. Grenet and É. Vassière. The last days of Panjikent // Silk Road Art and Archaeology 8. Journal of the Institute of Silk road studies. Kamakura. 2002. P. 155-196

ПОТОМКИ АСОВ (АЗОВ, АЗКИШЕЙ) В СОСТАВЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Кузембаев Нуркен Ерболович ,

Павлодарский педагогический университет имени Әлкей Марғұлан, г. Павлодар, Республика Казахстан, к.и.н., ассоциированный профессор.
nurken_pavlodar@inbox.ru

Abstarct: *The article deals with the problem of the As (Az) joining the modern Turkic peoples of Central Asia using historical and ethnographic materials. In the process of research it was found out that the tribal union of As (Az) included the tribes "Durut" and "Yets". The tribe "Durut" included the clans of Kuzuguna (Kozgan), Baikyuchyuk (Basentiin-kuchuk), Bychman and Biryu (Apai-bori). The Durut clans were included in the Kazakh Argyns and Kyrgyz Azyks. It was revealed that tribal subdivisions of the As (Az) were included in the Turkic peoples of Central Asia - Uzbeks, Bashkirs, Altaians, Kazakhs and Kyrgyz.*

Keywords: *As, Az, Durut, Yeti, ethnography, tribal composition, tribal union, Uzbeks, Kazakhs, Bashkirs, Altaians, Kyrgyz, Turkic peoples.*

Аннотация.

В статье рассматривается проблема вхождения асов (азов) в состав современных тюркских народов Центральной Азии с использованием историко-этнографических материалов. В процессе исследования было выяснено, что в состав племенного союза асов (азов) входили племена «дурут» и «йеты».

В состав племени «дурут» входили роды кузугуна (козган), байкючюк (басентиин-кучук), бычман и бёрю (апай-бори). Родовые подразделения дурутов вошли в состав казахских аргынов и кыргызских азыков. Было выявлено, что родоплеменные подразделения асов (азов) вошли в состав тюркских народов Центральной Азии – узбеков, башкир, алтайцев, казахов и кыргызов.

Ключевые слова: *асы, азы, дурут, йеты, этнография, родоплеменной состав, племенной союз, узбеки, казахи, башкиры, алтайцы, кыргызы, тюркские народы.*

При изучении этнополитической истории асов (азов, азкишей) важное значение имеет выявление влияния их на этногенез современных народов Центральной Азии и выявления их потомков в среде современных тюркских народов. Исследователями мало внимания обращается на историко-этнографические материалы, обращается внимание на письменные источники по проблематике. Однако такой подход приводит к одностороннему рассмотрению тематики и существенно ограничивает возможности исследователей при работе. В данной связи нами было обращено внимание на использование данных по этнографии как источника для реконструкции родоплеменного состава племенного союза асов (азов, азкишей) в составе современных тюркоязычных народов. Наряду с этими данными будут использованы в процессе работы материалы по родовым тамгам и сведения письменных источников.

В этой связи обращает на себя внимание идентичность тамги изображенной на тюргешских монетах, обнаруженных в Чуйской долине с тамгой кыргызских племен азык и бугу[1]. Интерес представляет сравнительное исследование этнографом С.М. Абрамзоном кыргызского племени «азык» с алтайской группой «торт-ас», входящей в состав современных теленгутов и ач-кыштымов[2], потому что и кыргызы из племени азык называют себя «четырехтамговыми» (тёрт тамгалуу азык) по числу подразделений: козугуна, байкючюк, бычман и бёрю[3]. Эти родовые подразделения удивительным образом схожи с составом казахского племени аргын: козугун=козган; байкючюк=басентиин-

[1] Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы: Дайк-пресс, 2002. – 338 с., с. 22.

[2] Азкыштымов в Верхнем Приобье.

[3] (Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. - Фрунзе: Кыргызстан, 1990. – 480 с., с. 51; Абдуманапов Р.А. К вопросу происхождения кыргызского племени Азык // Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий» 6-12 сентября 2001 г. / Под ред. Анжигановой Л.В., д.ф.н. - Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова, 2002. - С. 153-157, с. 153-157).

кучук; бёрю=апай-бори[4]. Происхождение подразделения «бычман» вероятно связано с лидером сопротивления монголам в Поволжье кипчакского хана Бачмана[5].

Племя «аз» вошло в состав алтайцев с именами «торт-ас» и «йытуу ас»[6]. Г.Н. Потанин сообщает, что Джиты-ас (по-алтайски Дьети-ас) представляет «настоящее имя телесов». Исходя из этого этнограф Л.П. Потапов приходит к выводу о генетической связи между племенами ас и теле[7]. Исследователь Г.Н. Потанин сообщает буквально следующее: «Настоящее имя телёсов – джиты тас, т.е. семь плешивых. Когда делили сеоки (кости), т.е. когда алтайский народ делился на сеоки, семь братьев, имевших лысины на голове, не получили кости (сеока). Их и прозвали «семь плешивых»»[8].

В более поздней работе, анализируя информацию Г.Н. Потанина, этнограф делает упор на выделении здесь слова «тас», являющегося известным этнонимом в исторических источниках. Далее ученый резюмирует «Следовательно, в приведенной записи Г.Н. Потанина отражен в народной памяти исторический факт, говорящий о смешении телёсов и тас в послемонгольский период»[9]. На наш взгляд, эти материалы могут указывать на родство племени «тас» («таз») и «йеты», племен, которые фигурируют в древнерусских источниках при описании кипчакских племен в Западном Дешт-и Кыпчаке. Важно заметить, что киргизские и алтайские телёсы считали себя родственными по происхождению с кыпчаками[10].

По этнографическим сведениям Л.П. Потапова, сеоки (роды) «Тёрт-ас» и «Дьети-ас» были у телеутов и теленгитов, а «Байлагас» у алтай-кижи, из которых первые два названия выступают с числовым обозначением

---

[4] Мәшһур Жүсіп Көпейұлы. Шығармалары. 10 том. – Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2007. - 445 бет, с. 64, 106; Тынышпаев М. История, этнография и археология казахского народа (Библиотека казахской этнографии, 22 том). – Павлодар, ТОО НПФ «ЭКО», 2006. – 317 с., с. 173-174; Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. - Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1974. - 200 с., с. 50-51.

[5] См. Кузембаев Н.Е. Бачман (Бачимань) – кипчак из племени ольбурлик (ельборили) в мусульманских и китайских источниках // Banatica. 23. - Editura Academia Romana. Centrul de Studii Transilvane. - 2013. - С. 481-488.

[6] Радлов В.В. Из Сибири. - Москва: Главная редакция восточной литературы, 1989. - 390 с., с. 96.

[7] Потапов Л.П. Этноним «теле» и алтайцы // Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А.Н. Кононова. - Москва: Изд-во «Наука» Главная редакция восточной литературы, 1966. - С. 233-240, с. 237.

[8] Цит. по Потапов Л.П. Алтайские телёсы в этническом отношении // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Сб. статей. / Под ред. Н.А. Томилова. – Томск: Издательство Томского университета, 1987. – 206 с. - С. 53-71, с. 56.

[9] Потапов Л.П. Алтайские телёсы в этническом отношении. с. 57.

[10] Абрамзон С.М. Из этнической истории киргизов // Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А.Н. Кононова. - Москва: Изд-во «Наука» Главная редакция восточной литературы, 1966. – С. 165-167, с. 165; Потапов Л.П. Алтайские телёсы в этническом отношении. С. 65.

(четыре ас и семь ас)[11].

В составе азкыштымов В.В. Радлов обнаружил – сеоки (роды) – ютты, тёртас, чунгус и анг[12]. Если первые два племени определенно относились к азам (асам), то племена «чунгус» и «анг», возможно относились к кыштымам (кесимам). По данным В.В. Трепавлова в состав Ногайской Орды в эль *аз* входили подразделения «токузбай аз» и «тортулы аз»[13]. По В.В. Радлову в состав узбекских кыпчаков Зеравшанской долины входили роды тёрт-тамгалы (имеющие четыре тамги), сары кыпчак (желтые кыпчаки), тогус бай (девять богачей)[14]. Здесь возможен вариант «тогус бай» как «тогус бой».

В «Словаре тюркских наречий» у Махмуда аль-Кашгари слово «boj» переводится как «скопление людей, племя, род»[15]. Исходя из этого узбекское родовое подразделение «тогус бай» может означать в переводе «девять родов», а не «девять богачей». В башкирское племя кыпчак входил род «джете-уру»[16], а в узбекское племя кыпчак входила группа «джеты-урув»[17]. У казахов Среднего жуза в племенах аргын и найман есть род «торт-ул», а в Младшем жузе у племени алимулы род «торткара»[18].

Это наводит нас на определенные размышления относительно перспектив расширения поля научных исследований по изучению родоплеменного состава казахов и других тюркских народов на предмет присутствия в их составе древних и средневековых этнических элементов, известных по историческим источникам. Наряду с этим в перспективе можно поставить важный вопрос о включении, после

[11] Потапов Л.П. Этноним «теле» и алтайцы // Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А.Н. Кононова. - Москва: Изд-во «Наука» Главная редакция восточной литературы, 1966. - С. 233-240, с. 237.

[12] Батьянова Е.П. Ашкыштымы // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. - Москва: ИЭА, 1994. - С.14-27, с. 14.

[13] Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. - 752 с., с. 499.

[14] Радлов В.В. Из Сибири. с. 103.

[15] Древнетюркский словарь. - Ленинград: «Наука» Ленинградское отделение, 1969. - 677 с., с. 110.

[16] (Кузеев Р.Г. Этнический состав, история расселения и происхождение башкирского народа. (Этнография). Автореферат диссер. на соиск. уч. степ. д. и. н. - Москва: 1971. – 55 с., с. 21; Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. - Уфа: Башкирское книжное издательство, 1978. – 264 с. с илл., с. 146). У казахов Младшего жуза также есть племя «жетыру» (Народы Средней Азии и Казахстана. Выпуск 2. / Под ред. С.П. Толстова, Т.А. Жданко, С.М. Абрамзона, Н.А. Кислякова. Москва: АН СССР, 1963. - 639 с., с. 325; Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV – XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). Ответственный редактор В.А. Ромодин. - Москва: Главная редакция восточной литературы, 1982. - 133 с., с. 24).

[17] Шаниязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа (Историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента). - Ташкент: Изд-во «ФАН» УзбССР, 1974. - 342 с., с. 123.

[18] Народы Средней Азии и Казахстана. Выпуск 2. / Под ред. С.П. Толстова, Т.А. Жданко, С.М. Абрамзона, Н.А. Кислякова. Москва: АН СССР, 1963, с. 325; Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV – XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории), с. 24.

источниковедческого анализа, материалов устных исторических преданий в форме генеалогий (шежире) тюркоязычных этносов в научный оборот при изучении этнополитической истории тюркских народов Центральной Евразии.

Историко-этнографические материалы позволяют сделать важный вывод о том, что в состав асов (азов) входили родоплеменные подразделения «торт-ас» и «йытуу-ас», которые под названиями племен «дурут» и «йета» известные в кипчакском племенном союзе. Напомним, что в арабских письменных источниках *Рукн ад-дин Байбарса*, Ахмада ат-Тини, ан-Нувайри, ад-Димашки, Ибн Халдуна, Ибн Дукмака содержатся ценные сведения о родоплеменном составе кипчакских племен. В сочинениях приводится список шестнадцати племен, входивших в состав кипчакских племен восточного Дешт-и Кипчака: *борилу,* токсоба, иетиоба, дурт*(оба), ал-арс/*ал-ас, бурджоглу, манкуроглу, йимак, таг, башкурт, куманлу, бвазанак/*баджанак, баджна, караборикlу, уз* и джортан. *Приводятся также* одиннадцать племен из состава кипчаков западного Дешт-и Кипчака: *токсоба, иетиоба, бурджоглы, ельборили, кангароглы, анджоглы, дурут(оба), кулабаоглы, джортан, караборкли, котан*[19]. По мнению арабиста Б.Е. *Кумекова* – аль-арс, ал-ас – пятое племя в родоплеменной иерархии кипчаков Восточного Дешт-и Кипчака, тюркизированные элементы ираноязычного этнического пласта, обитавшие по соседству с Аральским морем[20]. Эти же сведения проливают свет и на этимологию племен «дурут» (четыре) и «йеты» (семь или собаки).

По мнению Б.Е. Кумекова, анализ названия племени «дурут» показывает, что в основе названия лежит сокращенная форма объединения в качестве определения – числительного, указывающего на количество объединяемых родов (дорт+оба)[21]. П.Б. Голден отмечает, что в ат-Тухфа, тюрко-(кыпчакско-)-арабском словаре XV в. упоминается

[19] Кумеков Б.Е. Арабские источники по истории кипчаков, куманов и кимаков VIII – нач. XIII вв.: диссертация в виде научного доклада на соискание научной степени доктора исторических наук: 07.00.09. – Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, 1994. – 40 с.. с. 26; Кумеков Б.Е. Об этническом составе кыпчаков IX – начала XIII вв. по арабским источникам // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Выпуск 11. История и археология. отв. ред. Б.А. Литвинский, Т.А. Жданко. - Москва: АН СССР, 1990. - С. 118-130., с. 119-120.

[20] Кумеков Б.Е. К анализу этнического состава кыпчаков XI – начала XIII вв. по данным арабских источников. // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов Всесоюзной конференции (20-23 ноября 1988). - Москва: АН СССР, 1988. - С. 74-75, с. 74-75; Кумеков Б.Е. Арабские источники по истории кипчаков, куманов и кимаков VIII – нач. XIII вв., с. 26.

[21] Кумеков Б.Е. Об этническом составе кыпчаков IX – начала XIII вв. по арабским источникам, с. 122; Кумеков Б.Е. Об этнонимии кыпчакской конфедерации западного Дешт-и Кыпчака XII – начала XIII века // Известия НАН РК. – Серия общественных наук. – 1993. – № 1. - С. 58-70, с. 64.

межстрочная старо-огузская глосса тюркского «yaratï» («создавать»): «dürüti» (<türü – «создавать») «dörüt-» указывая на возможную связь племенного названия дурут (Dürüt) с огузами[22]. В тюрко-арабском словаре XIII века, написанном в Мамлюкском Египте, где правили кипчаки, имеется слово «дөрт», имеющее значения: «1) четыре; 2) показывать пальцем, тыкать пальцем»[23]. Dört «четыре»[24].

Кипчаковед Б.Е. Кумеков считает, что этимология этнонима «иетиоба» означает «семь родов»[25]. По мнению востоковеда П.Б. Голдена с названием племени «иетиоба» (yete-oba) схоже наименование племени «ит-оба» (it-oba)[26]. Этнографические материалы косвенно указывают на правоту профессора П.Б. Голдена, в состав кыргызского племени «азык» входил подрод «байкючюк», а в казахское племя «аргын» входил подрод «кучук» (щенок)[27]. Также этимология, предложенная академиком Б.Е. Кумековым, имеет под собой этнографическое обоснование, основываясь на материалах тюрколога В.В. Радлова и этнографа Л.П. Потапова[28]. Возможно, здесь мы имеем дело с народной этимологией, изменившей название племени с «йеты» на «жеты», т.е. с «собака» на «семь».

Возможно, состав родов кыргызского племени «азык» отражает родовой состав кипчакских племен «дурут» и «йеты»[29]. Персидские авторы Джувейни и Рашид-ад Дин сообщают интересные сведения о борьбе кипчакского хана[30] Бачмана и его соратника Качир-укуле с монголами, в ходе, которой они погибают от рук завоевателей[31]. При

[22] Golden P.B. Cumanica IV: The Tribes of the Cuman-Qipčaqs // Arhivum Eurasiae Medii Aevi. – 1997. – IX. - pp. 99-107, c. 112.

[23] Курышжанов А.К. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII века – «Тюркско-арабского словаря». - Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1970. – 233 с., с. 108.

[24] Дыбо А.В. Тюрко-тохарская контактная лексика // Аспекты алтайского языкознания. - Москва, 2007. - С. 80-108, с. 83.

[25] Кумеков Б.Е. Об этнонимии кыпчакской конфедерации западного Дешт-и Кыпчака XII – начала XIII века, с. 61

[26] Golden P.B. Cumanica IV: The Tribes of the Cuman-Qipčaqs // Arhivum Eurasiae Medii Aevi. – 1997. – IX, с. 113, 121.

[27] Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. - Фрунзе: Кыргызстан, 1990. - С. 51; Абдуманапов Р.А. К вопросу происхождения кыргызского племени Азык // Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий» 6-12 сентября 2001 г. / Под ред. Анжигановой Л.В., д.ф.н. - Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова, 2002, с. 153-157; Мәшһур Жүсіп Көпейұлы. Шығармалары. 10 том. – Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2007. - 445 бет, с. 64, 106; Тынышпаев М. История, этнография и археология казахского народа (Библиотека казахской этнографии, 22 том). – Павлодар, ТОО НПФ «ЭКО», 2006. – 317 с., с. 173-174; Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза, с. 50-51.

[28] Радлов В.В. Из Сибири. - Москва: Главная редакция восточной литературы, 1989, с. 96; Потапов Л.П. Этноним «теле» и алтайцы, с. 237.

[29] Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. - с. 51; Абдуманапов Р.А. К вопросу происхождения кыргызского племени Азык, с. 153-157.

[30] У Рашид-ад Дина – «эмира».

[31] Подробнее об этом восстании (См. Кузембаев Н.Е. Бачман (Бачимань) – кипчак из племени ольбурлик

этом Рашид-ад Дин дополняет сведения Джувейни ценными деталями: «Бачмана, одного из бесстыднейших эмиров тамошних, из народа кипчаков, из племени ольбурлик, и Качир-укуле[32], из племени асов, обоих забрали (в плен)»[33].

Этнограф Р.Г. Кузеев считал, что «бушман-бычман – тюркский этноним древнего происхождения, трансформировавшийся, согласно степной традиции, в имя эмира бушман-кипчаков»[34]. Имя Бачман и племя «ольбурлик» (борили, ельборили), а также племя «ас» упомянуты в источнике не случайно. Возможно, по историко-этнографическим сведениям, род «бачман» входил в состав «дурутов», а те в свою очередь в состав племени «ас».

Ольбурлик – по мнению кипчаковеда Б.Е. Кумекова, ведущее, элитарное племя, из которого из поколения в поколения происходили кипчакские ханы. Возможно, семантика термина «борили» связана со значением «волк». В исторической и этнографической литературе широко известны культ волка, как легендарного родоначальника ряда тюркских этносов и тотемическая роль волка на ранних ступенях развития тюркских племен. Борили (ельборили) были древнетюркским племенем центральноазиатского происхождения. Генеалогическим родоначальником ханского рода ельбори был Абархан (Табар-хан по Махмуду аль-Кашгари)[35]. По мнению П.Б. Голдена этимология этого слова остается неизвестной, а этимология: < бөри «волк» невозможна[36].

По мнению С.А. Плетневой - Бачман происходил из племени бурджоглы и возможно был потомком хана Боняка[37]. Это ошибочно, так как у кипчаков были два разных племени ельборили и бурджоглы, а Бачман по сведениям Рашид ад-Дина относился именно к ельборили[38]. Историко-этнографические материалы по родоплеменному составу

(ельборили) в мусульманских и китайских источниках // Banatica. 23. - Editura Academia Romana. Centrul de Studii Transilvane. - 2013. - С. 481-488). Хотя по одной из версий китайских источников Бачман перешел на службу к монгольским ханам.

[32] Возможно, Качир-улы.

[33] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным / подгот. к новому изд., введ., пер., коммент., сост. указ.: М.Х. Абусеитовой, Ж.М. Тулибаевой. - Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 617 с., с. 84-85.

[34] Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. – Москва: Наука, 1974. - 572 с., с. 179.

[35] Кумеков Б.Е. Арабские источники по истории кипчаков, куманов и кимаков VIII – нач. XIII вв. с. 34.

[36] Об Өльбөрли, см. Golden P.B. Cumanica II: The Ölberli (Ölperli): The Fortunes and Misfortunes of an Inner Asian Nomadic Clan // Archivum Eurasiae Medii Aevi (1985 [1987]), pp. 5-29.

[37] Плетнева С.А. Половцы. - Москва: Наука, 1990. - 208 с., с. 178.

[38] Кузембаев Н.Е. Монгольское завоевание кипчакских племен восточного Дешт-и Кипчака и судьбы кипчакской элиты в составе Монгольской империи и за ее пределами // Archivum Eurasiae Medii Aevi. – XVIII. – 2012. - pp. 185-197, с. 192.

племени «дурут» показывают, что этимология «бөри» возможна. На это, в частности, указывается генеалогическая легенда приводимая М.Ж. Копеевым о происхождении рода «апай-бори», входившем в состав аргынских басентиинов у казахского народа и название кыргызского рода «бёри» в составе племени азык[39].

Анализ информации мусульманских письменных источников вкупе с этнографическими сведениями о родоплеменном составе тюркских народов позволяет прийти к выводу о том, что азы (асы) занимали ведущее положение внутри кипчакского союза племен Дешт-и Кыпчака. Токсоба, на наш взгляд, имели тесные родственные связи с асами, но, как показывает история, всегда соперничали с ними за верховную власть в различных государствах (тохары – асы, тухси – азы, токсоба – асы (дуруты и йеты))[40].

Вернемся к разбору родоплеменного состава дурутов. Кыргызский род «кузуган» известен также у казахов Среднего жуза в племени аргын под названием «козган» (казган) и башкирского племени катай в форме «кузгун»[41]. Кыргызский род «бычман» и башкирский род «бушман»[42] известен у казахов Младшего жуза в племени конрат под наименованием «бушман»[43].

Кыргызский род «байкючюк» согласуется с казахским родом «кучук» у басентиинов ответвления аргынов, род «бёрю» с родом «апай-бори» в составе аргынов, а кыргызское подразделение «кузугун» с родом «козган» (казган) у аргынов[44]. Вызывает интерес «компактность» расположения этих трех родов: «козган» (казган), «кучук» (кушук) и «апай-бори» в составе племени аргын у казахов, при этом последние два

[39] Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. - Фрунзе: Кыргызстан, 1990. - С. 51; Абдуманапов Р.А. К вопросу происхождения кыргызского племени Азык // Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий» 6-12 сентября 2001 г. / Под ред. Анжигановой Л.В., д.ф.н. - Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова, 2002, с. 153-157; Мәшһур Жүсіп Көпейұлы. Шығармалары. 10 том. – Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2007. - 445 бет, с. 64, 106.

[40] Кузембаев Н.Е. Государства асов (азов, азкишей) в древности и средневековье в Казахстане и Центральной Азии. – Павлодар: ИП Сытин А.А., 2024. – 152 с. (Серия: Кипчаки и их соседи в истории Евразии. Том 2) с. 24-33.

[41] Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. - Уфа: Китап, 1999. - 309 с., с. 56; Народы Средней Азии и Казахстана. Выпуск 2, с. 325; Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1974, с. 50; Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV – XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории), с. 24-25.

[42] Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии, с. 56.

[43] Народы Средней Азии и Казахстана. Выпуск 2, с. 325.

[44] Мәшһур Жүсіп Көпейұлы. Шығармалары. 10 том. – Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2007. - 445 бет, с. 64, 106; Тынышпаев М. История, этнография и археология казахского народа (Библиотека казахской этнографии, 22 том). – Павлодар, ТОО НПФ «ЭКО», 2006. – 317 с., с. 173-174; Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза, с. 50-51.

рода происходят от аргынских басентиинов, и факт близкого расселения этих подразделений на территории Северо-Восточного Казахстана[45]. На наш взгляд, это доказывает вхождение асов (азов) в состав казахских аргынов. Аргыны же занимают первое почетное место в иерархии племен Среднего жуза у казахского народа.

Имя родоначальника этого рода «Бөрі», его жену звали «Апай». Согласно историческому преданию и казахскому шежире, приводимому М.Ж. Копеевым, будущий родоначальник пас лошадей у кипчакского бая по имени «Құрман» в местности «Құрман тұзы» недалеко от р. Иртыш в Павлодарском Прииртышье. После обиды на единственного сына бая он принял решение уйти. Бай, довольный хорошей службой табунщика, одарил его скотом и благословил. «Бөрі» откочевал в Баянаул и обосновался там со своим семейством. В народе его потомков стали именовать «Апай-Бөрі»[46]. Это историческое предание связывает род «апай-бори» с племенем «кипчак». Образование наименования рода «Апай-Бөрі» путем сложения имени мужчины и его супруги не характерно для казахов. Мы полагаем, что разгадкой этого явления является отражение традиций матриархата у юэчжи, сохранившееся у их потомков в лице племен дурутов и йеты у казахских аргынов[47].

Соперники *асов* (азов) – *тохары*, их потомки племя «токсоба» также было распространено у тюркских народов. Племя «токсоба», по сводке, представленной этнографом Р.Г. Кузеевым, могло входить в состав башкир (*тугыз, тугызак*), туркмен (*тогуз*), кыргыз (*тогузак, тогуз уул*), каракалпаков (*тогызак*) и тувинцев (*тогус*)[48]. В узбекское племя кыпчак входила группа «тогузурув» (*тоқуз*) или «тогузбай»[49].

Таким образом, анализ историко-этнографических материалов демонстрирует, что *асы* (*азы*) вошли в состав ряда тюркских народов – узбеков, башкир, алтайцев, казахов и кыргызов, а роды *кузугуна (козган),*

[45] Этнограф М.С. Муканов приводит архивные данные по расселению козганской и басентииновской волости в 1841 г., отмечая, что «козганы» летом кочуют на северо-запад через урочища Ащи-су, Талдыкуль, Шоптыкуль и другие при реке Чидерты (Щидерты), а «басентииновцы» кочуют летом на юго-запад через урочища Кыл-ащи, Есен-турган, Касым-коль до р. Уленты (Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза, с. 103). Басентиинские роды проживали на левобережье р. Иртыш в Среднем Прииртышье (См. карту Павлодарского уезда в работе Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза, с. 155).

[46] Мәшһур Жүсіп Көпейұлы. Шығармалары. 10 том. – Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2007. - 445 бет, с. 40-42, 65-66.

[47] См. Кадырбаев А.Ш. «Великие переселения народов» с востока в центр Азии: юэчжи, сюнну, канцзюи, усуни и их государства. III век до н.э. – V век н.э. (по материалам китайский династийных историй) // Иран-наме. Научный востоковедческий журнал. - 2009. - № 1 (9). - С. 35-56, с. 48.

[48] Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения, с. 454.

[49] Шаниязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа (Историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента), с. 123.

байкючюк (басентиин-кучук), бычман и *бёрю (апай-бори)*, входили ранее в племя *дурут*. *Дуруты,* по данным этнографии, вошли в состав казахских *аргынов* и кыргызских *азыков*.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Golden P.B. Cumanica II: The Ölberli (Ölperli): The Fortunes and Misfortunes of an Inner Asian Nomadic Clan // Archivum Eurasiae Medii Aevi (1985 [1987]), pp. 5-29.
2. Golden P.B. Cumanica IV: The Tribes of the Cuman-Qipčaqs // Arhivum Eurasiae Medii Aevi. – 1997. – IX. - pp. 99-107.
3. Абдуманапов Р.А. К вопросу происхождения кыргызского племени Азык // Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий» 6-12 сентября 2001 г. / Под ред. Анжигановой Л.В., д.ф.н. - Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова, 2002. - С. 153-157.
4. Абрамзон С.М. Из этнической истории киргизов // Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А.Н. Кононова. - Москва: Изд-во «Наука» Главная редакция восточной литературы, 1966. – С. 165-167.
5. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. - Фрунзе: Кыргызстан, 1990. – 480 с.
6. Батьянова Е.П. Ашкыштымы // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. - Москва: ИЭА, 1994. - С.14-27.
7. Древнетюркский словарь. - Ленинград: «Наука» Ленинградское отделение, 1969. - 677 с.
8. Дыбо А.В. Тюрко-тохарская контактная лексика // Аспекты алтайского языкознания. - Москва, 2007. - С. 80-108.
9. Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы: Дайк-пресс, 2002. – 338 с.
10. Кадырбаев А.Ш. «Великие переселения народов» с востока в центр Азии: юэчжи, сюнну, канцзюи, усуни и их государства. III век до н.э. – V век н.э. (по материалам китайский династийных историй) // Иран-наме. Научный востоковедческий журнал. - 2009. - № 1 (9). - С. 35-56.
11. Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. - Уфа:

Башкирское книжное издательство, 1978. – 264 с.
12. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. – Москва: Наука, 1974. - 572 с.
13. Кузеев Р.Г. Этнический состав, история расселения и происхождение башкирского народа. (Этнография). Автореферат диссер. на соиск. уч. степ. д. и. н. - Москва: 1971. – 55 с.
14. Кузембаев Н.Е. Бачман (Бачимань) – кипчак из племени ольбурлик (ельборили) в мусульманских и китайских источниках // Banatica. 23. - Editura Academia Romana. Centrul de Studii Transilvane. - 2013. - С. 481-488.
15. Кузембаев Н.Е. Государства асов (азов, азкишей) в древности и средневековье в Казахстане и Центральной Азии. – Павлодар: ИП Сытин А.А., 2024. – 152 с. (Серия: Кипчаки и их соседи в истории Евразии. Том 2)
16. Кузембаев Н.Е. Монгольское завоевание кипчакских племен восточного Дешт-и Кипчака и судьбы кипчакской элиты в составе Монгольской империи и за ее пределами // Archivum Eurasiae Medii Aevi. – XVIII. – 2012. - pp. 185-197.
17. Кумеков Б.Е. Арабские источники по истории кипчаков, куманов и кимаков VIII – нач. XIII вв.: диссертация в виде научного доклада на соискание научной степени доктора исторических наук: 07.00.09. – Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, 1994. – 40 с.
18. Кумеков Б.Е. К анализу этнического состава кыпчаков XI – начала XIII вв. по данным арабских источников. // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов Всесоюзной конференции (20-23 ноября 1988). - Москва: АН СССР, 1988. - С. 74-75.
19. Кумеков Б.Е. Об этническом составе кыпчаков IX – начала XIII вв. по арабским источникам // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Выпуск 11. История и археология. отв. ред. Б.А. Литвинский, Т.А. Жданко. - Москва: АН СССР, 1990. - С. 118-130.
20. Кумеков Б.Е. Об этнонимии кыпчакской конфедерации западного Дешт-и Кыпчака XII – начала XIII века // Известия НАН РК. – Серия общественных наук. – 1993. – № 1. - С. 58-70.
21. Курышжанов А.К. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII века – «Тюркско-арабского словаря». -

Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1970. – 233 с.
22. Мәшһур Жүсіп Көпейұлы. Шығармалары. 10 том. – Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2007. - 445 бет.
23. Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. - Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1974. - 200 с.
24. Народы Средней Азии и Казахстана. Выпуск 2. / Под ред. С.П. Толстова, Т.А. Жданко, С.М. Абрамзона, Н.А. Кислякова. Москва: АН СССР, 1963. - 639 с.
25. Плетнева С.А. Половцы. - Москва: Наука, 1990. - 208 с.
26. Потапов Л.П. Алтайские телёсы в этническом отношении // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Сб. статей. / Под ред. Н.А. Томилова. – Томск: Издательство Томского университета, 1987. – 206 с. - С. 53-71.
27. Потапов Л.П. Этноним «теле» и алтайцы // Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А.Н. Кононова. - Москва: Изд-во «Наука» Главная редакция восточной литературы, 1966. - С. 233-240.
28. Радлов В.В. Из Сибири. - Москва: Главная редакция восточной литературы, 1989. - 390 с.
29. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. - Уфа: Китап, 1999. - 309 с.
30. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным / подгот. к новому изд., введ., пер., коммент., сост. указ.: М.Х. Абусеитовой, Ж.М. Тулибаевой. - Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 617 с.
31. Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV – XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). Ответственный редактор В.А. Ромодин. - Москва: Главная редакция восточной литературы, 1982. - 133 с.
32. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. - 752 с.
33. Тынышпаев М. История, этнография и археология казахского народа (Библиотека казахской этнографии, 22 том). – Павлодар, ТОО НПФ «ЭКО», 2006. – 317 с.
34. Шаниязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа (Историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента). - Ташкент: Изд-во «ФАН» УзбССР, 1974. - 342 с.

Отражение вопросов трансформационных и модернизационных процессов в сельском хозяйстве Туркестана в периодической печати (конец XIX – начало XX вв.)

С.Б. Шадманова,

д.и.н., профессор, Ташкентский государственный университет востоковедения

Аннотация.

The article examines the coverage of transformation and modernization processes in Turkestan's agriculture in the periodical press of the late 19th – early 20th centuries. It analyzes publications on agrarian reforms, the introduction of new technologies, changes in land relations, and the impact of state policies on agricultural development. Special attention is paid to the positions of various publications and their role in spreading knowledge among the local population.

Keywords: *Turkestan, agriculture, modernization, transformation, periodical press, agrarian reforms, 19th-20th centuries.*

Аннотация.

В статье рассматривается освещение вопросов трансформации и модернизации сельского хозяйства Туркестана в периодической печати конца XIX – начала XX вв. Анализируются публикации, посвященные аграрным реформам, внедрению новых технологий, изменению земельных отношений и влиянию государственной политики на развитие сельского хозяйства. Особое внимание

уделяется позициям различных изданий и их роли в распространении знаний среди местного населения.

Ключевые слова: *Туркестан, сельское хозяйство, модернизация, трансформация, периодическая печать, аграрные реформы, XIX-XX вв.*

Поскольку одной из стратегических задач установления колониального режима в Туркестане было использование экономических ресурсов края в интересах империи, проблемы в этой сфере регулярно освещались как одна из тем официальной прессы. В периодической печати большое внимание уделялось хлопководству, как отрасли сельского хозяйства государственного значения. В первом номере «Туркестанских ведомостей» была опубликована статья «О выращивании хлопка в Туркестане». Согласно архивным документам, в 1873 г. туркестанскому генерал-губернатору К.П. фон Кауфману был представлен доклад о характеристиках и недостатках местного сорта хлопка, который обсуждался специальной комиссией[1]. В прессе был опубликован[2] подробный отчет агронома М. Бродовского[3], в котором подчеркивается большое значение хлопка для местных производителей и российских текстильных фабрик и делается попытка обосновать его экономическую выгоду для местного населения[4]. В статье отмечались недостатки местных сортов хлопка – это касалось непрочного и короткого волокна, а также его плохое очищение от семян, что приводило к большому проценту (от 25 до 50 %) отходов[5].

Газета «Туркестанские ведомости» одной из первых начала сообщать о преимуществах, успехах и проблемах работы по выращиванию американского хлопка[6]. Его преимуществами были простота сбора урожая, при котором в среднем собиралось до 3 пудов на человека в день, в то время как местного хлопка только 1 пуд, высокая урожайность американского хлопка, при котором на каждую рассаду приходилось 60–120 коробочек, в то время как местного хлопка – 20 коробочек[7]. На

[1] Национальный архив Узбекистана, ф.И-1, оп. 15, д. 133, л. 1.

[2] Бродовский М. Среднеазиатский хлопок, его недостатки и меры к устранению их // ТВ. – 1874. – №4.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Самолевский В. Сельскохозяйственные заметки // ТВ. – 1879. – №2; Он же. Очистительная станция хлопка в Ташкенте // ТВ. – 1879. – №36; Производство хлопка // ТВ. – 1888. – №18; Возделывание американского хлопчатника в Туркестанском крае // ТВ. – 1888. – №39; 40; Хлопковые плантации в окрестностях Ташкента // ТВ. – 1889. – №32; Смирнов Е.Т. Заметки о возделывании американского хлопчатника // ТВ. – 1891. – №28, 29, 30, 31; Семихат Я. Заметки о хлопководстве // ТВ. – 1891. – №41, 42; Очерк производства хлопка в Средней Азии // ТВ. – 1892. – №23; Н.К.С. Образцовая частная хлопковая плантация // ТВ. – 1893. – №19; О хлопководстве // ТВ. – 1893. – №20; Заметки по земельному вопросу // Окраина. – 1894. – №76.

[7] Самолевский В. К вопросу об улучшении культуры хлопка в Туркестанском крае // ТВ. – 1876. – №50.

основе анализа опубликованных в прессе сообщений и статей можно узнать о первых опытах по выращиванию американского хлопка в крае, статистических данных о ежегодном росте хлопка, ценах и таможенных пошлинах[8], о деятельности съездов хлопководов Туркестана[9].

«Туркистон вилоятининг газети» также популяризировала широко внедренный в крае американские сорта хлопка и давала рекомендации по посадке, выращиванию и сбору новых сортов хлопка[10]. Вопрос о повышении качества удобрений для улучшения плодородия почв в Туркестане также стал актуальным в прессе. Стремясь превратить Туркестан в свою сырьевую базу, правительство Российской Империи сосредоточило внимание на развитии хлопковой промышленности, повышении урожайности хлопка и продуктивности земель, а также экспериментировало с использованием искусственных удобрений в сочетании с естественными[11]. Меры по повышению плодородия почв широко обсуждались и в национальной прессе. Так, например, газета «Садои Туркистон» писала о том, что для повышения плодородности земли земледельцы должны повысить свои знания, читая специальные книги, и утверждала, что «есть вещи, которые повышают плодородие земли»[12]. Прогрессивные деятели Туркестана отмечали, что сельское хозяйство играет особую роль в жизни края, подчеркивая, что оно является основным источником средств к существованию для людей и что «обеспечить продуктами питания и средствами к существованию невозможно без сельского хозяйства»[13].

[8] Слуцкий. Туркестанский хлопок // ТВ. – 1908. – №159; Пахтанинг умумий ҳосили // Туркистон вилоятининг газети. – 1910. – №4; Туркистонда пахтачилик // Туркистон вилоятининг газети. – 1910. – №14; Туркистон пахтаси // Туркистон вилоятининг газети. – 1910. – №54; Итоги нашей внешней торговли // ТВ. – 1910. – №11; Хлопководство в Туркестане // ТВ. – 1911. – №64; Сосновский М.И. К вопросу о кредите хлопководам Туркестанского края // ТВ. – 1912. – №276; Пересвет. Из истории русского хлопководства // ТВ. – 1915. – №238; С.К-в. Задачи государственной финансово-экономической политики в Туркестанском крае // ТВ. – 1916. – №111.

[9] Маев Н. Съезд хлопководов в Ташкенте // ТВ. – 1886. – №50; На съезде хлопководов // ТВ. – 1888. – №10; Съезд хлопководов // ТВ. – 1889. – – №16, 17, 18; Маев Н. Съезд хлопководов в Ташкенте // ТВ. – 1891. – №24, 26; Съезд хлопководов. //ТВ. – 1892. – №50; Хлопковое дело // ТВ. – 1893. – №1.

[10] Ғўзанинг янги навлари // Туркистон вилоятининг газети. – 1885. – №3; Ғўза хусусида // Туркистон вилоятининг газети. – 1885. – №4; Ғўза экиладурғон ерни тайёр қилмоғи хусусида // Туркистон вилоятининг газети. – 1885. – №5; Ғўза тухумини тайёр қилмоқ ва экмоқ хусусида // Туркистон вилоятининг газети. – 1885. – №6; Ғўза кўкоргондин кейин не тариқа қараш керак, анинг хусусида // Туркистон вилоятининг газети. – 1885. – №8; Ғўзани термоқ хусусида // Туркистон вилоятининг газети. – 1885. – №9; Экмоқ учун ғўза тухумини сайлаб олмоқ хусусида// Туркистон вилоятининг газети. – 1885. – №10; Пахта одамизодга қандай зарур нарсадур, анинг хусусида // Туркистон вилоятининг газети. – 1885. – №18.

[11] Гейер И.И. Роль правительства в деле развития Туркестанского хлопководства // Окраина. – 1891. – №107; Национальный архив Узбекистана, ф.И-7, оп.1, д.2874, л.9; ф.И-18, оп.1, д.14337, л.47; Ф.И-18, оп.1, д.14469, л.1; Туркестанское сельское хозяйство, 1907, ноябрь, с. 914-919.

[12] Рауф Музаффарзода. Тупроқ надур // Садои Туркистон. – 1914. – №14.

[13] Там же.

В туркестанских периодических изданиях также поднимались вопросы, связанные с шелководческой отраслью. Так, например, в газетной статье «Туркестанских ведомостей» сообщалось о том, что в крае создана селекционная станция тутового шелкопряда для улучшения качества шелкового сырья. Они провели эффективную работу по завозу иностранных разновидностей тутового шелкопряда в край и эксперименты на нескольких иностранных разновидностях (особенно – из Италии, Франции, Японии, Китая)[14].

Анализ статьи показал, что наиболее нежной разновидностью шелкопряда был китайский, но кормить его было намного сложнее. В связи с тем, что сорт «Корсика» больше других подходил для условий Туркестана, он получил широкое распространение среди населения. Согласно статье, филиалы селекционной станции открыты в Маргилане и Самарканде. Семена тутового шелкопряда с этих станций, созданных за счет земских налогов, бесплатно раздавались среди местного населения, потому что этот налог взимался только с местного населения[15]. Согласно другой статье в газете «Туркестанские ведомости», корсиканский частный предприниматель Алоизи сначала основал «школу шелкопряда» в Ходжентском уезде Самаркандской области, а затем и в Коканде[16]. Первоначально Алоизи привозил коконы шелковичных червей из-за границы, а позже коконы приготовленных в этой школе шелковичных червей раздавали доверенным лицам из местного населения, которые сами контролировали их работу, покупали у них коконы, сушили и отправляли за границу.

В те годы в газетах публиковались статьи, в которых сообщалось о количестве экспортированного из Туркестана шелкопряда[17]. В 1907 году в статье газеты «Туркестанские ведомости» сообщалось, что ежегодно из Туркестана вывозилось 200 000 пудов кокона на 3–4 миллиона рублей, кроме того, такое же количество коконов было потрачено на производство шелковых тканей для внутреннего рынка[18]. Автор статьи ставил вопрос об улучшении ситуации в разведении тутового шелкопряда в крае, улучшении качества выращиваемых коконов шелковичных червей, прекращении ввоза коконов шелковичных

[14] Вилькинс А. Гренажная станция и опытная хлопковая плантация за 1885–1887 г. // ТВ. – 1887. – №42; 43; Вилькинс А. Несколько слов о гренажных станциях Туркестана // ТВ. – 1889. – №12.
[15] Вилькинс А. Несколько слов о гренажных станциях Туркестана // ТВ. – 1889. – №12.
[16] Г-н. Шелководство в Туркестанском крае // ТВ. – 1907. – №46, 48, 49.
[17] Туркестанские ведомости. – 1894. – №1; Троицкий В.Н. К вопросу о шелководстве в Туркестанском крае // Окраина. – 1894. – №44.
[18] Г-н. Шелководство в Туркестанском крае // ТВ. – 1907. – №48.

червей из-за границы, выделении субсидий на государственную помощь предпринимателям, выделении земель под учреждения по разведению тутового шелкопряда, рекомендовал создать предприятия по производству шелкопряда в Ташкенте, Самарканде и Коканде, прекратить экспорт коконов в зарубежье и отправлять шелковые нити напрямую на фабрики Москвы. В этот период только десятая часть коконов, используемых московскими фабриками, производилась в Российской Империи, а остальная часть спроса удовлетворялась за счет коконов из-за рубежа.

Газеты обращали внимание на то, что выращенные в Российской Империи шелковичные коконы продавались заграницу по низким ценам, обратно поступали в виде готовой продукции по высокой цене. Об этом в статье в «Туркестанских ведомостях» говорится, что коконы, выращенные в Ферганской и Самаркандской областях и экспортированные за границу, в том числе во французские города Марсель и Лион, вернулись на туркестанские рынки уже в виде шелковых нитей. И, если в 1910 г. из России в зарубежные страны было вывезено 130 тысяч пудов сырых коконов общей стоимостью более 5 млн. рублей, то ввезено было 147 тысяч пудов шелковой пряжи на сумму более чем 26 миллионов рублей. Автор статьи, специалист в области финансов Пересвет, был обеспокоен необходимостью увеличения российского экспорта и сокращения импорта[19].

В другой газетной статье, посвященной этой тематике, приводилась интересная статистика: в указанный период во всем мире было выращено около 14 млн. пудов сырых коконов, из которых на долю Российской Империи приходилось 320 тыс. пудов коконов, при этом 250 тыс. пудов коконов было экспортировано из Туркестана. В статье отмечался тот факт, что хотя туркестанское шелководство играло важную роль в экономической жизни империи, правительство уделяло ему очень мало внимания[20].

Анализ статей и сообщений в прессе показал, что одной из основных проблем в этой области является вопрос обеспечения производителей коконов здоровыми семенами шелкопряда. Согласно статье в газете «На рубеже», семена шелкопряда, выращиваемые в течение 10 лет на четырех селекционных станциях тутового шелкопряда, совершенно не

[19] Пересвет. Финансово-экономические проблемы. Экспорт и импорт // ТВ. – 1915. – №161; Пересвет. Роль Туркестана в борьбе с иностранным импортом // ТВ. – 1915. – №164

[20] Шелководство в Туркестане // На рубеже. – 1910. – №278.

удовлетворяли потребности края[21].

Газеты, издаваемые на узбекском языке, также признавали, что основная проблема селекции тутового шелкопряда – это обеспечение качественными семенами коконов. Например, в 1913 году «Туркистон вилоятининг газети» отмечала, что этому направлению, которое с древних времен развивалось в Туркестане, мешала нехватка научных знаний. Сильно отставало, например, производство качественных семян коконов, в то время как большинство семян коконов, продававшихся на рынках, имело низкое качество, что наносило значительный ущерб производству коконов[22].

Джадидская пресса, в нескольких выпусках газеты «Садои Фергана», также пыталась проанализировать причины кризиса в шелководстве края[23]. Причиной сокращения производства шелка являлось, во-первых, низкое качество семян коконов, а во-вторых, проблема сбыта выращенных шелкопрядов: по низкой цене. Они продавались на рынке и фирмам, что способствовало разорению дехкан. Автор одной из статей, Ашурали Захири, предлагал решение этой проблемы, во-первых, включив в расценку коконов цены на шелк[24], во-вторых, оплачивать расходы рынка вместо коконов деньгами.

После завоевания Туркестана Российской Империей она столкнулась со сложной системой землевладения, существовавшей здесь со стародавних времен. Первоначально сосредоточившись на установлении в крае административного управления, имперское правительство не вмешивалось в вопросы землевладения. Но со временем потребность в развитии хлопководства требовала введения новых правил землевладения и землепользования. Работа привлеченных к этой работе специалистов освещалась в периодических изданиях. В Туркестане распределение земли среди населения было очень неравномерным, с большим количеством крупных землевладельцев, чьи земли насчитывали 200–400 танапов[25]. В то же время в центральных губерниях России не считались крупными землевладельцами владевшие сопоставимыми 100–150 десятинами[26] земли. Поскольку плотность населения в крае была намного выше, чем в центральных губерниях России, то и цена

[21] Там же.

[22] Туркистонда ипакчилик тўғрисида // Туркистон вилоятининг газети. – 1913. – №91.

[23] Муҳаммад Одил. Пилла кам тутилмоғининг сабаби // Садои Фарғона. – 1914. – №12; Ашурали Зоҳирий. Пилла кам тутилмоғининг сабаблари // Садои Фарғона. – 1914. – №15, 16, 17.

[24] Если шелк стоил 70-75 рублей, то чакса кокона должна была стоить в пределах 7-7,5 рублей (1 чакса равна 12,5 фунтам, 1 фунт равен 344,4 грамма).

[25] Танаб-мера площади, которая равна 600 кв.м., в разных местах составляет от 1/6 до ½ гектара.

[26] Десятина – мера площади, которая равна 1,1 гектара.

земли была высокой.

Пресса признавала, что вопрос собственности на землю в Туркестане очень сложен и специфичен, и перечисляла три различных типа собственности на землю: государственную, вакуфную и частную. Вакуфное имущество в свою очередь делилось на три типа: *мустадрак, халис,ушрий*.Указывалось,чтовакуфноеимущество*мустадрак*возникало в результате смерти владельца вакфа или ликвидации учреждения вакуфа с преобразованием вакуфа в землю *амляк* и облагалось налогом. При вакуфном имуществе *халис* имущество освобождалось от налога. При вакуфном имуществе *ушрий* в государственную казну в определенном количестве уплачивался налог, однако некоторые из них освобождались от налогов[27]. Хотя в статье 255 Нового Положения об управлении Туркестаном 1886 года изложены основные факторы владения землей оседлым населением, в газетах отмечалось, что в Положении вообще не упоминались права собственности[28], была сделана попытка установления такого положения и отмечалось, что «если были признаны права землевладельцев, то их отношения с государством должны были быть уточнены»[29]. В «Туркестанских ведомостях» публиковались и другие статьи, имевшие отношение к вопросам землевладения в крае[30].

В туркестанской прессе также публиковалась информация по вопросам орошения, непосредственно связанного с сельским хозяйством[31]. Изначально правительство Российской Империи не вмешивалось в вопросы использования воды в крае. Однако с развитием хлопководства возникла необходимость решать эту проблему, высказывались различные мнения о ее решении, нашедшие отражение в периодических изданиях. Анализ материалов периодической печати показал, что, учитывая актуальность и сложность ирригационного

[27] Ростиславов М. Очерк видов земельной собственности в Туркестанском крае // ТВ. – 1878. – №5.
[28] С.Б. Право поземельной собственности в Туркестанском крае // ТВ. – 1891. – №48.
[29] Там же.
[30] К вопросу о землевладении в Туркестанском крае // ТВ. – 1885. – № 26, 27, 28.
[31] Неблагоустройство нашей ирригации // ТВ. – 1906. – №35, 36; Несколько слов об ирригации // ТВ. – 1906. – №43; Петровский П. Как делить воду? // ТВ. – 1907. – №27; Елистратов Ф. К статье «Как делить воду?» // ТВ. – 1907. – №30; Съезд гидротехников в Ташкенте в 1907 г. // ТВ. – 1908. – №15; К. Обычаи у туземцев пользованием водой из арыков // ТВ. – 1909. – №105; К проектам орошения в Туркестане // ТВ. – 1910. – №120; К.Н. Организация Туркестанского водного правления // ТВ. – 1910. – №148; К.Н. О водном хозяйстве // ТВ. – 1910. – №153; Гинс Г. Каково должно быть основное начало будущего водного закона для Туркестана? // ТВ. – 1910. – №162; Гинс Г. Будущий водный закон и современное обычное право туземцев Туркестана // ТВ. – 1910. – №176; Гинс Г. Желательные изменения и дополнения к проекту водного закона для Туркестана // ТВ. – 1910. – №184; Проект положения о пользовании водами для орошения в Туркестанском генерал-губернаторстве // ТВ. – 1910. – №233, 234; И.Л. Водный закон для Туркестана // ТВ. – 1911. – №181, 182; Малахов Н. Водные богатства Туркестана // ТВ. – 1912. – №125; Б. Орошение Туркестана // ТВ. – 1914. – №160.

вопроса в Туркестане, само правительство не могло решить эту проблему, поэтому необходимо было привлечь к этой работе частных предпринимателей. При этом отмечалось, что иностранные инвесторы могли быть привлечены к решению этой проблемы в исключительных случаях, если внутренние силы будут недостаточными. По сообщениям периодической печати, в Туркестане существовал ряд проблем, препятствующих строительству крупных гидротехнических сооружений, на строительство которых требовалось много времени и значительные финансовые средства. Не было и готовых к этой работе специалистов, хорошо знакомых с местными условиями. Кроме того, говорилось о том, что мировой опыт в области искусственного орошения, в частности в Египте и США, где выращивается хлопок, оправдал орошение артезианскими скважинами и центробежными насосами, что делало орошение дешевле, чем строительство каналов и плотин, и считалось, что этот опыт может быть применен в Туркестане. Кроме того, в газетах освещалась работа конференций по данному вопросу, а также материалы по проекту орошения земель Туркестана, водных ресурсов края (реки Сырдарья, Амударья, Зеравшан, Чирчик)[32].

«Туркестанские ведомости» также предоставляют подробную информацию о важности лесного хозяйства и способах его улучшения, о том, как высаживать в лесах растения, соответствующие климатическим условиям каждого места[33], состоянию табака и его проблемам[34].

В туркестанской национальной прессе подчеркивалась важность различных сфер сельского хозяйства в улучшении экономической ситуации в крае. В газете «Садои Туркистон» отмечалось, что можно улучшить материальное благосостояние местного населения за счет повышения эффективности сельского хозяйства: «... причина бедности людей – невнимание к сельскому хозяйству. В эти годы важность сельского хозяйства снижается. Большая часть нашего населения, а, возможно, и все они, хотят быть торговцами без знаний и денег. Вот почему количество неудачливых торговцев увеличивается, а количество дехкан уменьшается. Если наши люди пойдут по этому пути, их

[32] Подробнее см. О работах, проводившиеся в области искусственного орошения в конце XIX – начале XX вв.: Зиёев Ҳ. Ўзбекистон мустамлака ва зулм исканжасида. – Тошкент: Шарқ, 2006. – Б.52-71.

[33] Общий взгляд на лесное богатство Туркестанского округа и на состояние лесоводство // ТВ. – 1874. – № 37; Наливкин В. Заметки по вопросу о лесном хозяйстве в Фергане // ТВ. – 1883. – № 16, 17, 18, 19, 20; К.Д. Заметки о лесоразведении // ТВ. – 1883. – № 51; Арандаренко Г. Зеравшанские заметки. Лесной вопрос // ТВ. 1886. – № 4,5,6, 7,8.

[34] О табаководстве // ТВ. – 1893. – № 90, 91; Правила о применении устава о табачном сборе к Туркестанскому краю // ТВ. – 1889. – № 19; Табаководство в Туркестане // На рубеже. – 1909. – №273, 276.

перспективы не будут хорошими»[35]. Автор статьи писал о том, что для улучшения экономического положения людей прежде всего необходимо развивать сельское хозяйство, рыть канавы для орошения засушливых земель, обрабатывать землю и поля с помощью современных орудий, и машин. В газете «Садои Фергана» Чулпан также подчеркивал важность эффективного использования техники для повышения эффективности сельского хозяйства, отмечая, что американцы используют различную сельскохозяйственную технику и что два человека за 10 часов легко выполняют 10-дневную работу 10 туркестанских дехкан, и призывал дехкан использовать технику[36].

В национальной прессе прогрессисты-джадиды образно объясняли причины кризиса в сельском хозяйстве. Например, в статье Абдусами кори Зиябаева «Наша золотая земля», опубликованной в газете «Садои Туркистон», была приведена беседа с русским крестьянином и казахом-шаруа, которых он якобы встретил во время поездки и при помощи вопросов и ответов указал на факторы, которые привели местных дехкан к кризису[37].

Джадидская пресса призывала людей с умом использовать плодородные земли. В одной из таких статей говорилось, что для жителей края нет более прибыльного занятия, чем сельское хозяйство, и «глупо ... игнорировать эту землю, которая является нашей последней долей в мире ... это большое преступление... Если с этого дня будем ценить землю и заниматься земледелием, естественно достигнем невероятных успехов»[38].

Периодические издания Туркестана предоставляют важные материалы о животноводстве, одном из важнейших сфер экономики. В Туркестанской периодической печати приводятся интересные материалы о роли животноводства в хозяйственной жизни населения, о проблемах развития этой отрасли[39]. Предоставлялась информация о состоянии овцеводства и козоводства, их видах, проблемах в этой области и способах их решения[40]. В прессе отмечалось, что население

[35] Ёвушев Н. Туркистонда тижорат ва зироат // Садои Туркистон. – 1914. – №27.
[36] Абдулҳамид Сулаймон. Ватанимиз Туркистонда зироат ва деҳқончилик // Садои Фарғона. – 1914. – №10.
[37] Зиёбоев А. Тупроғимиз олтиндур // Садои Туркистон. – 1914. – №1.
[38] Музаффарзода А. Тупроқ надур // Садои Туркистон. – 1914. – №18.
[39] Виг. По вопросам туркестанского скотоводства // ТВ. – 1910. – №235; Виг. Бескормица и скототорговля // ТВ. – 1910. – №269; Бич туркестанского скотоводства // ТВ. – 1910. – №284; Виг. О поднятии живодноводства в Туркестане // ТВ. – 1911. – №33; Е-вич. О необходимости развития в Туркестане живодноводства // ТВ. – 1913. – №172; Е-вич. Благополучие нашего краевого живодноводства // ТВ. – 1914. – №209.
[40] Арандаренко Г. Скотоводство в Заравшанской долине // ТВ. – 1880. – №34,38, 46; 1881. – №2, 3, 8, 9, 10, 12; Падение нашего овцеводства // ТВ. – 1911. – №166; Procerus. Забытая отрасль нашего живодно-

края в основном разводило два вида овец, наиболее распространенными из которых были курдючные овцы. По данным газеты «Туркестанские ведомости», в 1909 году поголовье овец этой породы в Туркестане составляло 13 264 000, однако их количество иногда оказывалось заниженным из-за того, что население не хотело платить налоги[41]. Вторым видом овцеводства было каракулеводство и в 1909 году количество этих овец в Туркестане достигло 376 800[42].

Периодические издания также предоставляют обширную информацию о коневодстве – одном из важнейших направлений животноводства. В частности, как отмечается в статье Г.Арандаренко, с момента завоевания Туркестана Российской Империей эта сфера животноводства находилась в состоянии кризиса. Причина этого – в невнимании государства к этой области, хотя в период ханств коневодству придавалось большое значение, так как были необходимы не только в хозяйственной, но и в военной сфере. Он отмечал, что найти хороших лошадей в крупных городах Туркестана стало сложнее, а цены на них стали в 2–3 раза выше, чем были ранее[43].

Автор статьи даже привел интересную информацию о нормах груза, на лошадь по законам шариата, данные о лошадях породы карабаир и иноходец. В статье давались практические советы по выбору лошадей, местным методам их кормления и разведения, их сходству с европейскими методами, недостаточном знании местным населением коневодства, а также подчеркивалось, что из-за отсутствия средств и стимулов они не могли развивать это направление. Автор статьи Г. Арандаренко серьезно отнесся к освещению вопроса, опираясь при написании статьи на несколько разных источников и даже изучая отношение местного населения к проблеме с религиозной точки зрения. В процессе подготовки статьи автор ссылался не только на результаты своих наблюдений и интервью с местным населением, но и на специализированную литературу, издававшуюся в то время в этой области.

В материалах периодической печати о коневодстве[44] рассматривались

водства // ТВ. – 1912. – №166; Procerus. Разведение одного ценного животного // ТВ. – 1912. – №168; Скворцов А. Очерк овцеводства и козоводства в Туркестане // ТВ. – 1912. – №200, 201, 204; Е-вич. Туркестанские овцы на всероссийской выставке // ТВ. – 1912. – №262; Е-вич. Козоводство // ТВ. – 1913. – №48; Е-вич. К истории каракулеводства // ТВ. – 1914. – №232, 235.

[41] Скворцов А. Очерк овцеводства и козоводства в Туркестане // ТВ. – 1912. – №200.

[42] Скворцов А. Очерк овцеводства и козоводства в Туркестане // ТВ. – 1912. – №204.

[43] Арандаренко Г. Скотоводство в Заравшанской долине // ТВ. – 1881. – №8.

[44] В.К. О коневодстве в Туркестанском крае // ТВ. – 1898. – №92, 93; Старый коневод. О местном коневодстве // ТВ. – 1898. – №96; Колосовский В. О местном коневодстве // ТВ. – 1899. – №2; Бронников

вопросы истории коневодства в Туркестане, виды лошадей, их количество, изменение качества и причины этого, а также меры по улучшению качества лошадей в крае и их использованию в российской армии. Давалась характеристика местных лошадей, в частности лошадей породы «казахские», «карабаир», «туркменские», отмечался интерес к ним иностранных предпринимателей. В 1913 году в Германию была продана текинская лошадь, а на выставке в Киеве в 1914 году немцы снова пытались купить лошадей этой породы[45].

В 1903 году «Туркистон вилоятининг газети» сообщала, что из-за расширения хлопковых полей производство кормов в Ферганской области стало сложной проблемой. В результате доминирования хлопковой промышленности сектор животноводства находился в кризисе и поголовье скота уменьшалось из года в год. Из-за нехватки кормов дехкане были вынуждены продавать их ближе к зиме и закупать скот ранней весной[46]. Подобные взгляды можно найти и в ряде статей в «Туркестанских ведомостях»[47]. В целом можно заметить, что материалы периодической печати подтверждаются архивными документами, к примеру архивные данные показывают, что за этот период цены на кормовые культуры выросли на 100%, а на скот – на 50%[48].

В туркестанской прессе можно найти материалы по другим аспектам экономики. В частности, есть интересная информация о возникновении и состоянии пчеловодства, что стало одной из новинок для края[49].

В периодических изданиях Туркестана регулярно публиковались статьи о проблемах экономической жизни края[50] в которых отмечалось, что материальное положение населения ухудшается, особенно обеспечение предметами первой необходимости. Как пишет газета «Туджор», рост цен на фрукты и дыни вызвал большое беспокойство среди населения, в связи с чем некоторые слои населения (в частности, вдовы) не могут их купить[51]. Информация в «Туркестанских ведомостях»

Н. Мысли о коневодстве в Туркестанском крае // ТВ. – 1901. – №78; А.К. К вопросу о коневодстве в Средней Азии // ТВ. – 1906. – №151; Маслов В.Д. Современное коневодстве в Туркестане // ТВ. – 1908. – №95, 96; В.Г. О поднятии коневодства в Туркестане // ТВ. – 1910. – №72; Е-вич. Вопрос на съезде о верховой лошади в Туркестане // ТВ. – 1914. – №18, 21, 22; К вопросу об улучшении коневодства в Туркестанском крае // ТВ. – 1915. – №94.

[45] Пяновский. Коневые силы Туркестана как резерв Государственного коннозаводства // ТВ. – 1914. – №84.

[46] Фарғонада чорвачилик // Туркистон вилоятининг газети. – 1903. – №35.

[47] Е-вич. О необходимости развития в Туркестане живодноводства // ТВ. – 1913. – №172; С.К-в. Задачи государственной финансово-экономической политики в Туркестанском крае // ТВ. – 1916. – №111.

[48] Национальный архив Узбекистана, Ф.И-7, оп.1, д.2874, л.9.

[49] Пчеловодство // ТВ. – 1895. – № 55.

[50] Туркестанские ведомости. – 1902. – №71; Русский Туркестан. – 1903. – №114; Среднеазиатская жизнь. – 1906. – № 54, 60.

[51] Мавзеи хабарлар // Тужжор. – 1907. – №1.

также подтверждается материалами газеты «Туджор»[52].

Нехватка продуктов питания и предметов первой необходимости обострилась во время Первой мировой войны, что нашло отражение в прессе. В частности, газета «Туркестанский голос» показала рост цен на предметы первой необходимости в Туркестане в 1916 году на примере Ташкента[53]. По данным администрации города Ташкента и продовольственного комитета, цена на хлеб и на соль – увеличилась на 100 %, на мясные продукты – на 150 %, на муку – на 157 %, на хлопковое масло – на 180 %, на дыни – на 200 %, на птицу – на 260 %, на рис – на 329 %, на яйца – на 433 %, на мыло – на 650 %, на лекарства – на 900 %. Кроме того, цены на обычные ткани, необходимые в повседневной жизни людей, также выросли на 125–400 %[54]. Анализ материалов прессы показывает, что попытки решить эту проблему оказались тщетными. Представитель ташкентской городской администрации, отправленный для организации поставок муки из России, не смог привезти в Ташкент «не единого фунта муки»[55].

Пресса регулярно информировала о важных сельскохозяйственных мероприятиях в области хлопководства, шелководства, животноводства и по этой тематике публиковались аналитические статьи. Газеты предоставляли информацию о местных сортах хлопка, преимуществах, успехах и проблемах работы, проделанной по выращиванию американского сорта хлопка, а также публиковались данные об экспериментах с новыми сортами хлопка и статистические данные. Поскольку ежегодно посевы хлопка в крае увеличивались в ущерб другим сельскохозяйственным культурам, то возникли проблемы с обеспечением населения продуктами питания и кормом для скота, что признавалось некоторыми экспертами.

В прессе поднимался вопрос о посадке деревьев в соответствии с климатическими условиями края и предлагались меры по сохранению лесов. Газеты уделяли особое внимание вопросу выращивания табака, проводили сравнительный анализ сортов и качества местного и выращенного в других странах.

До конца XIX века основными сельскохозяйственными орудиями в Туркестане были деревянные плуги и бороны. С начала XX века правительство пыталось заменить традиционные сельскохозяйственные

[52] Морковин В. Дороговизна пищевых продуктов и их недоброкачественность // ТВ. – 1907. №56.
[53] Туркестанский голос. – 1916. – № 98.
[54] Туркестанский голос. – 1916. – № 98.
[55] Туркестанский голос. – 1916. – № 103.

орудия местного населения техникой заводского производства. Особую роль в обеспечении населения этой техникой играли государственные склады и частные предприниматели: в 1900 году в Ташкенте был открыт склад сельхозтехники и семян. Постепенно склады по продаже сельхозтехники открывались и в других городах Туркестана, в частности, в 1907 году такой склад был открыт в Самаркандской области, а позже в селе Сретенск.

В 1905 году представители фирм «Работник» и «Столль»[56], компании «Международная Ко жатвенных машин» и складов «Управления земледелия и госимущества» предоставили сельскохозяйственную технику и оборудование. Хотя изначально эти склады использовались русскоязычным населением региона, постепенно к их услугам стало обращаться и местное население края. В 10-х годах XX века услугами сельскохозяйственных складов в Туркестане пользовалось только 15 % местного населения[57], причем большинство пользователей, согласно архивным документам, составляло, в основном, европейское население края[58]. Исходя из данных исторических источников, можно сказать, что самой популярной техникой в этот период был плуг, который жители покупали больше, чем любую другую технику. Местные предприниматели участвовали в выставках и приобретали сельхозтехнику. По данным газеты «Туркестанский курьер», человек из Намангана купил на российской выставке паровой плуг американского производства и с его помощью вспахивал 5–6 десятин земли в день, что равноценно труду 40–45 волов и 20–25 дехкан[59].

Помимо склада сельхозтехники, торговцы также продавали технику в частном порядке. Например, в 1906 году жители Ферганской области по низким ценам купили около 3000 серпов у местных торговцев[60].

Анализ сообщений газет показывает, что сельхозтехника и оборудование продавались за наличный расчет и в кредит. Если товар покупался за наличные, то предоставлялась 5%-ная скидка от его первоначальной цены[61].

Чтобы повысить интерес местного населения к сельхозтехнике в целях увеличения продаж, проводилась демонстрация ее технических возможностей. Например, летом 1901 года в окрестностях города

[56] Национальный архив Узбекистана, Ф.И-7, оп.1, д.3274, л.269.
[57] Большаков. Казенные сельскохозяйственные склады в Туркестане // ТВ. – 1913. – №78.
[58] Национальный архив Узбекистана, Ф.И-18, оп.1, д.12065, л.184.
[59] Тимаев К.А. Агрономическая помощь туземному населению // Туркестанский курьер. – 1909. – № 200.
[60] Национальный архив Узбекистана, Ф.И-7, оп.1, д.2812, л.193.
[61] Большаков. Казенные сельскохозяйственные склады в Туркестане // ТВ. – 1913. -№78.

Каттакурган Каттакурганского уезда Самаркандской области и в Джумабазаре Зааминской волости Джизакского уезда была показана работа веялки, что побудило местных жителей начать покупать такие машины. В рамках этих же мероприятий Туркестанское общество сельского хозяйства организовало конкурс на замену омача, одного из основных сельхозорудий местного населения, на плуг[62] и информацию об этом подтверждают архивные документы[63].

Вместе с тем, по сообщениям газет, не только местное население, но и переселенцы из России использовали омач для обработки земли, потому что плуг был тяжелым и требовалось сильное животное, чтобы его тянуть[64]. В газетных статьях также отмечалось удобство использования омача и утверждалось, что почва не теряет влаги в результате срезания без переворачивания, но в статье была допущена ошибка относительно глубины вспашки, где вместо 2–2,5 вершков указывалась глубина в 5–6 вершков[65].

Также газеты информировали о том, что несмотря на то, что почвы в крае здоровые, а сельхозорудия просты, тем не менее это не влияло на урожайность[66]. В одной из статей дано описание того, как использовались такие местные орудия как омач и кетмень при возделывании земли под хлопок, а также использование борон при выращивании зерновых культур.

Кроме того, часть ввезенной в страну техники была непригодной для использования на местах, что подтверждали не только местные дехкане, но и переселенцы из России. В частности, молотилка, испытанная жителями поселка Константиновский Ташкентского уезда, не дала ожидаемого результата[67], а косилки системы «Чемпион» не соответствовали требованиям[68]. Архивные документы также содержат сведения о том, что большая часть импортируемой в Туркестан сельхозтехники не соответствовала местным условиям[69].

У большинства местного населения не хватало средств на приобретение этого оборудования, а дешевая рабочая сила также была препятствием для улучшения сельскохозяйственного оборудования. При обработке земли машинами использовалось больше воды для

[62] Конкурс на плуги // ТВ. – 1915. – №164.
[63] Национальный архив Узбекистана, ф.И.7, оп.1, д.3273, л.28; ф.И.103, оп.1, д.221, л.25.
[64] Голодная степь // ТВ. – 1907. – №1.
[65] Вершок – мера длины, которая равна 4,4 см.
[66] Гейер. Роль правительства в деле развития Туркестанского хлопка // Окраина. – 1891. – №109.
[67] ТВ. – 1907. – №100.
[68] Жертвы рекламы // ТВ. – 1914. – №141.
[69] Национальный архив Узбекистана, Ф.И-18, оп.1, д.12065, л.150.

орошения, в то время как местные дехкане обрабатывали землю как следует и подготавливали землю под посадки. Одна из важных причин этого – использование для экономии воды арыков там, где это было необходимо. К началу XX века вопрос об орошении пашни с помощью центробежного насоса широко обсуждался в прессе. До 1909 года площадь орошаемых таким насосом земель у переселенцев составляла всего 2000, а в 1910 году – уже около 15000 десятин[70]. По сообщениям периодической печати, насос также использовался местными предпринимателями. Такие предприниматели, как Абдурахмон Ходжаев в Кармане и Касымбаев в Ходженте, использовали насосы, которые подавали 11 000 литров воды в минуту, орошали по 350 десятин земли каждый[71] и приводились в действие нефтяными двигателями.

Несмотря на проблемы с внедрением новой техники и технологий в хозяйственную жизнь Туркестана, газетные материалы свидетельствуют о том, что такая техника как тракторы использовалась в крае уже в начале XX века, однако это были, в основном, устаревшие модели. В этот период в мире, особенно в США, где использовался трактор, выполнявший сразу несколько операций стали использовать более совершенные типы тракторов. В начале XX века гусеничные тракторы появились и стали применяться и в сельском хозяйстве Туркестана. В селе Каракчикум в Ферганской области использовался трактор с двигателем мощностью в 25 лошадиных сил, трактор с двигателем мощностью 45 лошадиных сил использовался в Каракалпакской волости, товарищество в Сырдарьинской области располагало 45-сильными, а ферма Рустама Маликова в Фергане паровыми тракторами[72].

Прогрессисты Туркестана приветствовали появление тракторов на полях края. Например, Исхахан Ибрат написал стихотворение под названием «История трактора», в котором отметил, что использование тракторов вместо традиционных сельхозорудий с волами, таких как омач, при обработке земли облегчило работу дехкан и давало возможность без труда обработать за день 10 танапов земли, т.е. значительно увеличилась производительность труда[73].

В прессе также сообщалось о внедрении оборудования для очистки риса. В 1898 году в Туркестане была продемонстрирована первая рисоочистительная машина «Engelberg Huller C», с помощью

[70] Е-вич. Пионеры машинного орошения земель в Туркестане // ТВ. – 1910. – № 72.
[71] Е-вич. Пионеры машинного орошения земель в Туркестане // ТВ. – 1910. – №72.
[72] Е-вич. Гусеничный трактор // ТВ. – 1914. – №112.
[73] Исҳоқхон тўра Ибрат. Тарихи трактур // Исҳоқхон тўра Ибрат. Танланган асарлар. – Тошкент: Маънавият, 2005. – Б.54-55.

которой можно было очистить 15–20 пудов риса в час или 300 пудов в день. По данным газеты «Туркестанские ведомости», в местном обжувозе (крупорушке) в день убирали всего 75 пудов риса. Местные предприниматели, участвовавшие в демонстрации работы станка, остались довольны его работой, но признали его цену очень дорогой (1100 руб.)[74].

По данным газеты «Туркестанские ведомости», много сельхозтехники ввозилось в Российскую Империю, особенно в Туркестан, из зарубежных стран, потому что Россия отставала от многих стран по промышленному производству[75].

Когда Россия оказалась втянутой в Первую мировую войну, заводы, производящие сельскохозяйственную технику и оборудование, начали производить оружие и снаряды, что привело к нехватке сельскохозяйственной техники. Чтобы решить эту проблему, весной 1915 года в крае попытались открыть мастерские по ремонту сельхозтехники. Как пишет газета «Окраина», Ж.Блок открыл мастерскую и для удобства покупателей принимал на ремонт проданные им машины и другую технику[76].

Анализ материалов прессы показывает, что в начале XX века в Туркестане стали подниматься вопросы применения новых методов хранения и переработки сельскохозяйственной продукции. Известно, что со стародавних времен население края особое внимание уделяло переработке и хранению сельскохозяйственных продуктов: естественным путем они сушили различные фрукты и овощи, знали секреты их хранения.

О новых методах переработки и хранения сообщала, газета «Туркестанские ведомости»: в доме председателя Туркестанского отделения Управления садоводства России С.П. Николаева, а затем и в доме И.Краузе открылось новое здание для установки сушилки для овощей и фруктов[77]. Эта технология давно использовалась в зарубежных странах, а в самой России ее начали применять в 1886–1887 гг. В 1888 году для использования этого устройства был построен специальный павильон, в котором установили сушильную печь для сельхозпродукции. Те, кто сушил в ней до 10 пудов продукта, могли пользоваться ею бесплатно, заплатив только 10 копеек за топливо за

[74] К.Т.Испытание рисоочистительной машины // ТВ. – 1889. – №75.
[75] Итоги нашей внешней торговли // ТВ. – 1910. – №11.
[76] Окраина. – 1893. – №30.
[77] Открытие в Ташкенте городской общественной плодосушильни // ТВ. – 1889. – №23.

каждый пуд высушенного продукта. Планировавшие сушить более 10 пудов продукта должны были платить 20 коп. за каждый пуд, при этом было выделено специальное место в этом павильоне, где у всех была возможность до двух дней бесплатно хранить сухофрукты[78].

О новых методах переработки и хранения фруктов сообщали также частные газеты края. В 1907 году газета «Среднеазиатская жизнь» отмечала, что сушка фруктов по американскому методу хорошо освоена местными специалистами и что туркестанский изюм вскоре может составить конкуренцию марсельскому[79]. При этом необходимо отметить, что в 1910-е годы фруктовые сады в Туркестане[80] занимали 50 тыс. десятин пахотных земель, из которых 19880 десятин составляли виноградники, более 70 % урожая винограда составляли сорта, подходящие для приготовления изюма, а из оставшихся 15 % производили вино и потребляли в свежем виде[81].

Понимая, что продукция садоводства играет важную роль в улучшении экономического положения местного населения, прогрессисты пытались объяснить через прессу, что сбыт этой продукции должны взять на себя местные предприниматели. В джадидской прессе перечислялось несколько компаний, получавших миллионы прибыли, покупая урожай у местного населения[82].

Помимо газетных статей вопросы переработки и хранения сельхозпродукции освещались в материалах специализированных журналов, таких как «Туркестанское сельское хозяйство». Согласно публикациям в журнале, специалисты по сельскому хозяйству полагались на мировой опыт в этой области, в частности на опыт германских и американских предпринимателей, которые на практике применяли новые методы и технологии. Например, для сохранения цвета фруктов они окуривали их серой, а для сохранения их мягкости пользовались аппаратами для паровой обработки и считали, что фрукты лучше сушить на огне. Этот метод позволял высушивать фрукты за 5–10 часов, в то время как на солнце 2–3 дня. Также в журнале публиковалась информация о результатах различных экспериментов. Например, в Самаркандской школе садоводства, виноградарства и виноделия в результате сушки 1 пуда яблок огнем было получено 96 копеек чистого

[78] Там же.
[79] Среднеазиатская жизнь. – 1907. – №215.
[80] Туркестанский курьер. – 1913. – № 105.
[81] Верховский Н.П. Плодоводство и виноградарство в Туркестане // Туркестанское сельское хозяйство. – 1910. – №3. – С. 165.
[82] Бир савдогар. Талабгор борму // Садои Туркистон. – 1914. – №34.

дохода[83].

С начала XX века одной из самых актуальных тем в прессе был вопрос отправки необработанных фруктов и овощей из Туркестана в города центральной России. После строительства железной дороги, соединявшей центральную Россию с Туркестаном, и в этой сфере произошли большие изменения. В 1906 году в пассажирском поезде Ташкент-Москва было 10 специальных вагонов с фруктами, количество которых увеличивалось регулярно: 15 вагонов было в 1907 году, 48 в 1908 году и 98 в 1909 году[84]. Эти вагоны заполнялись льдом из специальных холодильных камер со станций Ташкент, Туркестан, Казалинск, Челкар и Меновой двор. Лед заранее подготавливался и опускался в камеры через отверстия в крышах вагонов. Однако поскольку ни один из этих специальных вагонов в полной мере не отвечал требованиям экспорта фруктов из Туркестана, специалисты продолжали исследования в этой области. Используя мировой опыт, стали также применять методы заморозки при хранении овощей и фруктов[85].

В прессе стала также продвигаться идея открытия склада с холодильным оборудованием на вокзале Ташкента. Для осуществления этого Туркестанский комитет по холодильному делу при Туркестанском обществе сельского хозяйства подготовил призыв в количестве 150 экземпляров, обращенный к баям Туркестана и опубликованный в туркестанской прессе[86].

Периодическая печать информировала о том, что в начале XX века в Туркестан начали проникать новые технологии по переработке овощей и фруктов. Например, в 1912 году в Ташкенте агроном А.К. Яхимович (арендатор городских полей) открыл фабрику по консервированию овощей. Необходимую технику и оборудование бизнесмен привез из Германии, а консервные банки для консервирования – из России[87]. Сельхозпродукция, необходимая для производства консервов, выращивались в собственном саду А.К. Яхимовича. Продукция компании была разнообразной и в их числе были маринованные баклажаны, кабачки, сладкий перец и томатная паста, которые, в первую очередь, предназначались для продажи на внутреннем рынке Туркестана.

---

[83] Верховский Н.П. Плодоводство и виноградарство в Туркестане // Туркестанское сельское хозяйство. – 1910. – №3. – С. 172.

[84] Верховский Н.П. Фруктовые вагоны Ташкентской дороги // Туркестанское сельское хозяйство. – 1909. – №8. – С. 625.

[85] Гр.Головин. Холодильное дело в Туркестане // ТВ. – 1910. – №31.

[86] Там же.

[87] Туркестанская паровая консервная фабрика // ТВ. – 1912. – №127.

В 1914 году усилиями Туркестанского сельскохозяйственного общества было открыто небольшое предприятие коллективного пользования по переработке плодоовощной продукции. Для ознакомления общественности с деятельностью и порядком работы предприятия в печати было опубликовано сообщение[88]. Согласно «Туркестанским ведомостям» оборудование предприятия было простым и включало коптильную доску, установки для изготовления варенья. Также были представлены фруктовые каши в герметичных банках, кастрюли, машины для измельчения продуктов и закатки банок. Услуги и консультации этой компании предоставлялись бесплатно, а необходимые товары здесь же продавали по себестоимости.

Джадиды поощряли местных жителей использовать новые методы и технологии для обработки фруктов. Газета «Садои Туркистон» приводит в пример упомянутое выше предприятие по сушке и консервированию фруктов. Автор статьи обращает внимание общественности на важность освоения новых профессий в соответствии со временем, поднимает вопрос об использовании рисовой мельницы, увеличении производительности за счет получения воды с помощью машины. В этой статье местному населению предлагалось не только выращивать сельскохозяйственную продукцию, но и самим реализовывать ее, продавать за пределами Туркестана, организовав масштабную сушку[89]. При этом отмечалось, что если для выполнения всего спектра работ будет создано товарищество с вложением примерно 30 тысяч рублей, то оборот может составить один миллион рублей.

Для туркестанцев, экономическая жизнь которых была, в основном, связана с сельским хозяйством, естественная сохранность сельхозпродуктов была одной из самых насущных проблем, о чем регулярно информировала пресса. Вместе с тем, «Туркестанские ведомости» отмечали, что вывоз сухофруктов и овощей из Туркестана в европейскую часть России считался весьма прибыльным, однако на практике наличие некоторых препятствий, таких как увеличение дорожных затрат из-за отсутствия удобного транспортного средства, конкуренция с сельскохозяйственными продуктами, выращенными в Крыму и на Кавказе, а также незащищенность оптовых продавцов на российских рынках[90], получалось что это не совсем верно. В

[88] Е-вич. Заводик общественного пользования для переработки плодов и овощей // ТВ. – 1914. – №149.
[89] Бир савдогар. Талабгор борми? // Садои Туркистон. – 1914. – №34.
[90] Туркестанские ведомости. – 1892. – №16.

национальной прессе прогрессисты призывали местных богачей в первую очередь начать строить различные предприятия: «построить рисовую мельницу, открыть завод по сушке фруктов, арендовать землю и качать воду с помощью машин»[91].

Хотелось бы отметить тот факт, что в начале XX века в Туркестан, как и в другие страны, начала проникать новая техника и технологии обработки и хранения фруктов и овощей. Тем не менее, основная масса населения продолжала использовать проверенные веками методы, такие, например, как метод естественной сушки фруктов и овощей, который используется по сей день благодаря своей простоте, дешевизне и безвредности для человеческого организма.

Национальные прогрессисты были сторонниками внедрения новых технологий в сельское хозяйство. Например, в одной из своих статей Абдулхамид Чулпан критиковал дехкан за неиспользование новых технологий, при этом поездив по кишлакам и поговорив с дехканами о причинах проблемы он пришел к выводу, что причина в отсутствии у дехкан финансовых средств – чтобы весной начать работу, они вынуждены брать взаймы у богатых, а отдавать долг в два или три раза больше, чем взял. В конце статьи Чулпан призвал национальную молодежь попробовать найти решение этих проблем[92]. В конце статьи в ответ на это обращение редакция газеты «Садои Фергана» опубликовала свое предложение, в котором предлагала финансовым организациям давать ссуды дехканам с тем, чтобы вызволить их из водоворота долгов и разработать способы создания и использования национальных кредитных учреждений[93].

Первые шаги по механизации сельского хозяйства Туркестана были сделаны в конце XIX — начале XX века. Большая часть привезенной в страну сельхозтехники использовалась русскими переселенцами. Вместе с тем и местное население при обработке земли и уборке урожая начало использовать плуги и серпы в дополнение к своим традиционным орудиям труда. В то же время часть импортной сельхозтехники не соответствовала местным условиям и подвергалась критике со стороны экспертов по сельскому хозяйству. Проблема также заключалась в том, что большинству местного населения не хватало средств на приобретение этого оборудования. Бедность туркестанского населения и дешевизна рабочей силы также препятствовали совершенствованию

[91] Бир савдогар. Талабгор борму // Садои Туркистон. – 1914. – №34.
[92] Чўлпон. Ватанимиз Туркистонда зироат ва деҳқончилик ишлари // Садои Фарғона. – 1914. – №13.
[93] Идора // Садои Фарғона. – 1914. – №13.

сельскохозяйственной техники. На страницах газет нашли отражение такие вопросы, как первые шаги по механизации сельского хозяйства, использование тракторов, оборудования и машин, произведенных в разных странах, открытие в начале XX века первых ремонтных мастерских. Кроме того, в прессе особое внимание уделялось использованию новых технологий для повышения продуктивности земель.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальный архив Узбекистана, ф.И-1, оп. 15, д. 133, л. 1.
2. Бродовский М. Среднеазиатский хлопок, его недостатки и меры к устранению их // ТВ. – 1874. – №4.
3. Самолевский В. Сельскохозяйственные заметки // ТВ. – 1879. – №2; Он же. Очистительная станция хлопка в Ташкенте // ТВ. – 1879. – №36; Производство хлопка // ТВ. – 1888. – №18; Возделывание американского хлопчатника в Туркестанском крае // ТВ. – 1888. – №39; 40; Хлопковые плантации в окрестностях Ташкента // ТВ. – 1889. – №32; Смирнов Е.Т. Заметки о возделывании американского хлопчатника // ТВ. – 1891. – №28, 29, 30, 31; Семихат Я. Заметки о хлопководстве // ТВ. – 1891. – №41, 42; Очерк производства хлопка в Средней Азии // ТВ. – 1892. – №23; Н.К.С. Образцовая частная хлопковая плантация // ТВ. – 1893. – №19; О хлопководстве // ТВ. – 1893. – №20; Заметки по земельному вопросу // Окраина. – 1894. – №76.
4. Самолевский В. К вопросу об улучшении культуры хлопка в Туркестанском крае // ТВ. – 1876. – №50.
5. Слуцкий. Туркестанский хлопок // ТВ. – 1908. – №159; Пахтанинг умумий ҳосили // Туркистон вилоятининг газети. – 1910. – №4; Туркистонда пахтачилик // Туркистон вилоятининг газети. – 1910. – №14; Туркистон пахтаси // Туркистон вилоятининг газети. – 1910. – №54; Итоги нашей внешней торговли // ТВ. – 1910. – №11; Хлопководство в Туркестане // ТВ. – 1911. – №64; Сосновский М.И. К вопросу о кредите хлопководам Туркестанского края // ТВ. – 1912. – №276; Пересвет. Из истории русского хлопководства // ТВ. – 1915. – №238; С.К-в. Задачи государственной финансово-экономической политики в Туркестанском крае // ТВ. – 1916. – №111.
6. Маев Н. Съезд хлопководов в Ташкенте // ТВ. – 1886. – №50; На съезде хлопководов // ТВ. – 1888. – №10; Съезд хлопководов // ТВ. – 1889. – – №16, 17, 18; Маев Н. Съезд хлопководов в Ташкенте // ТВ. –

1891. – №24, 26; Съезд хлопководов. //ТВ. – 1892. – №50; Хлопковое дело // ТВ. – 1893. – №1.
7. Ғўзанинг янги навлари // Туркистон вилоятининг газети. – 1885. – №3; Ғўза хусусида // Туркистон вилоятининг газети. – 1885. – №4; Ғўза экиладурғон ерни тайёр қилмоғи хусусида // Туркистон вилоятининг газети. – 1885. – №5; Ғўза тухумини тайёр қилмоқ ва экмоқ хусусида // Туркистон вилоятининг газети. – 1885. – №6; Ғўза кўкоргондин кейин не тариқа қараш керак, анинг хусусида // Туркистон вилоятининг газети. – 1885. – №8; Ғўзани термоқ хусусида // Туркистон вилоятининг газети. – 1885. – №9; Экмоқ учун ғўза тухумини сайлаб олмоқ хусусида// Туркистон вилоятининг газети. – 1885. – №10; Пахта одамизодга қандай зарур нарсадур, анинг хусусида // Туркистон вилоятининг газети. – 1885. – №18.
8. Гейер И.И. Роль правительства в деле развития Туркестанского хлопководства // Окраина. – 1891. – №107; Национальный архив Узбекистана, ф.И-7, оп.1, д.2874, л.9; ф.И-18, оп.1, д.14337, л.47; Ф.И-18, оп.1, д.14469, л.1; Туркестанское сельское хозяйство, 1907, ноябрь, с. 914-919.
9. Рауф Музаффарзода. Тупроқ надур // Садои Туркистон. – 1914. – №14.
10. Вилькинс А. Гренажная станция и опытная хлопковая плантация за 1885–1887 г. // ТВ. – 1887. – №42; 43; Вилькинс А. Несколько слов о гренажных станциях Туркестана // ТВ. – 1889. – №12.
11. Вилькинс А. Несколько слов о гренажных станциях Туркестана // ТВ. – 1889. – №12.
12. Г-н. Шелководство в Туркестанском крае // ТВ. – 1907. – №46, 48, 49.
13. Туркестанские ведомости. – 1894. – №1; Троицкий В.Н. К вопросу о шелководстве в Туркестанском крае // Окраина. – 1894. – №44.
14. Пересвет. Финансово-экономические проблемы. Экспорт и импорт // ТВ. – 1915. – №161; Пересвет. Роль Туркестана в борьбе с иностранным импортом // ТВ. – 1915. – №164
15. Шелководство в Туркестане // На рубеже. – 1910. – №278.
16. Туркистонда ипакчилик тўғрисида // Туркистон вилоятининг газети. – 1913. – №91.
17. Муҳаммад Одил. Пилла кам тутилмоғининг сабаби // Садои Фарғона. – 1914. – №12; Ашурали Зоҳирий. Пилла кам тутилмоғининг сабаблари // Садои Фарғона. – 1914. – №15, 16, 17.
18. Если шелк стоил 70-75 рублей, то чакса кокона должна была стоить

в пределах 7-7,5 рублей (1 чакса равна 12,5 фунтам, 1 фунт равен 344,4 грамма).

19. Танаб-мера площади, которая равна 600 кв.м., в разных местах составляет от 1/6 до ½ гектара.
20. Десятина – мера площади, которая равна 1,1 гектара.
21. Ростиславов М. Очерк видов земельной собственности в Туркестанском крае // ТВ. – 1878. – №5.
22. С.Б. Право поземельной собственности в Туркестанском крае // ТВ. – 1891. – №48.
23. К вопросу о землевладении в Туркестанском крае // ТВ. – 1885. – № 26, 27, 28.
24. Неблагоустройство нашей ирригации // ТВ. – 1906. – №35, 36; Несколько слов об ирригации // ТВ. – 1906. – №43; Петровский П. Как делить воду? // ТВ. – 1907. – №27; Елистратов Ф. К статье «Как делить воду?» // ТВ. – 1907. – №30; Съезд гидротехников в Ташкенте в 1907 г. // ТВ. – 1908. – №15; К. Обычаи у туземцев пользованием водой из арыков // ТВ. – 1909. – №105; К проектам орошения в Туркестане // ТВ. – 1910. – №120; К.Н. Организация Туркестанского водного правления // ТВ. – 1910. – №148; К.Н. О водном хозяйстве // ТВ. – 1910. – №153; Гинс Г. Каково должно быть основное начало будущего водного закона для Туркестана? // ТВ. – 1910. – №162; Гинс Г. Будущий водный закон и современное обычное право туземцев Туркестана // ТВ. – 1910. – №176; Гинс Г. Желательные изменения и дополнения к проекту водного закона для Туркестана // ТВ. – 1910. – №184; Проект положения о пользовании водами для орошения в Туркестанском генерал-губернаторстве // ТВ. – 1910. – №233, 234; И.Л. Водный закон для Туркестана // ТВ. – 1911. – №181, 182; Малахов Н. Водные богатства Туркестана // ТВ. – 1912. – №125; Б. Орошение Туркестана // ТВ. – 1914. – №160.
25. Подробнее см. О работах, проводившиеся в области искусственного орошения в конце XIX – начале XX вв.: Зиёев Ҳ. Ўзбекистон мустамлака ва зулм исканжасида. – Тошкент: Шарқ, 2006. – Б.52-71.
26. Общий взгляд на лесное богатство Туркестанского округа и на состояние лесоводство // ТВ. – 1874. – № 37; Наливкин В. Заметки по вопросу о лесном хозяйстве в Фергане // ТВ. – 1883. – № 16, 17, 18, 19, 20; К.Д. Заметки о лесоразведении // ТВ. – 1883. – № 51; Арандаренко Г. Зеравшанские заметки. Лесной вопрос // ТВ. 1886. – № 4,5,6, 7,8.

27. О табаководстве // ТВ. – 1893. – № 90, 91; Правила о применении устава о табачном сборе к Туркестанскому краю // ТВ. – 1889. – № 19; Табаководство в Туркестане // На рубеже. – 1909. – №273, 276.
28. Ёвушев Н. Туркистонда тижорат ва зироат // Садои Туркистон. – 1914. – №27.
29. Абдулҳамид Сулаймон. Ватанимиз Туркистонда зироат ва деҳқончилик // Садои Фарғона. – 1914. – №10.
30. Зиёбоев А. Тупроғимиз олтиндур // Садои Туркистон. – 1914. – №1.
31. Музаффарзода А. Тупроқ надур // Садои Туркистон. – 1914. – №18.
32. Виг. По вопросам туркестанского скотоводства // ТВ. – 1910. – №235; Виг. Бескормица и скототорговля // ТВ. – 1910. – №269; Бич туркестанского скотоводства // ТВ. – 1910. – №284; Виг. О поднятии живодноводства в Туркестане // ТВ. – 1911. – №33; Е-вич. О необходимости развития в Туркестане живодноводства // ТВ. – 1913. – №172; Е-вич. Благополучие нашего краевого живодноводства // ТВ. – 1914. – №209.
33. Арандаренко Г. Скотоводство в Заравшанской долине // ТВ. – 1880. – №34,38, 46; 1881. – №2, 3, 8, 9, 10, 12; Падение нашего овцеводства // ТВ. – 1911. – №166; Procerus. Забытая отрасль нашего живодноводства // ТВ. – 1912. – №166; Procerus. Разведение одного ценного животного // ТВ. – 1912. – №168; Скворцов А. Очерк овцеводства и козоводства в Туркестане // ТВ. – 1912. – №200, 201, 204; Е-вич. Туркестанские овцы на всероссийской выставке // ТВ. – 1912. – №262; Е-вич. Козоводство // ТВ. – 1913. – №48; Е-вич. К истории каракулеводства // ТВ. – 1914. – №232, 235.
34. Скворцов А. Очерк овцеводства и козоводства в Туркестане // ТВ. – 1912. – №200.
35. Скворцов А. Очерк овцеводства и козоводства в Туркестане // ТВ. – 1912. – №204.
36. Арандаренко Г. Скотоводство в Заравшанской долине // ТВ. – 1881. – №8.
37. В.К. О коневодстве в Туркестанском крае // ТВ. – 1898. – №92, 93; Старый коневод. О местном коневодстве // ТВ. – 1898. – №96; Колосовский В. О местном коневодстве // ТВ. – 1899. – №2; Бронников Н. Мысли о коневодстве в Туркестанском крае // ТВ. – 1901. – №78; А.К. К вопросу о коневодстве в Средней Азии // ТВ. – 1906. – №151; Маслов В.Д. Современное коневодстве в Туркестане // ТВ. – 1908. – №95, 96; В.Г. О поднятии коневодства в Туркестане // ТВ. – 1910. –

№72; Е-вич. Вопрос на съезде о верховой лошади в Туркестане // ТВ. – 1914. – №18, 21, 22; К вопросу об улучшении коневодства в Туркестанском крае // ТВ. – 1915. – №94.
38. Пяновский. Коневые силы Туркестана как резерв Государственного коннозаводства // ТВ. – 1914. – №84.
39. Фарғонада чорвачилик // Туркистон вилоятининг газети. – 1903. – №35.
40. Е-вич. О необходимости развития в Туркестане живодноводства // ТВ. – 1913. – №172; С.К-в. Задачи государственной финансово-экономической политики в Туркестанском крае // ТВ. – 1916. – №111.
41. Национальный архив Узбекистана, Ф.И-7, оп.1, д.2874, л.9.
42. Пчеловодство // ТВ. – 1895. – № 55.
43. Туркестанские ведомости. – 1902. – №71; Русский Туркестан. – 1903. – №114; Среднеазиатская жизнь. – 1906. – № 54, 60.
44. Мавзеи хабарлар // Тужжор. – 1907. – №1.
45. Морковин В. Дороговизна пищевых продуктов и их недоброкачественность // ТВ. – 1907. №56.
46. Туркестанский голос. – 1916. – № 98.
47. Туркестанский голос. – 1916. – № 103.
48. Национальный архив Узбекистана, Ф.И-7, оп.1, д.3274, л.269.
49. Большаков. Казенные сельскохозяйственные склады в Туркестане // ТВ. – 1913. – №78.Национальный архив Узбекистана, Ф.И-18, оп.1, д.12065, л.184.
50. Тимаев К.А. Агрономическая помощь туземному населению // Туркестанский курьер. – 1909. – № 200.
51. Национальный архив Узбекистана, Ф.И-7, оп.1, д.2812, л.193.
52. Большаков. Казенные сельскохозяйственные склады в Туркестане // ТВ. – 1913. -№78.
53. Конкурс на плуги // ТВ. – 1915. – №164.
54. Национальный архив Узбекистана, ф.И.7, оп.1, д.3273, л.28; ф.И.103, оп.1, д.221, л.25.
55. Голодная степь // ТВ. – 1907. – №1.
56. Вершок – мера длины, которая равна 4,4 см.
57. Гейер. Роль правительства в деле развития Туркестанского хлопка // Окраина. – 1891. – №109.
58. ТВ. – 1907. – №100.
59. Жертвы рекламы // ТВ. – 1914. – №141.
60. Национальный архив Узбекистана, Ф.И-18, оп.1, д.12065, л.150.

61. Е-вич. Пионеры машинного орошения земель в Туркестане // ТВ. – 1910. – № 72.
62. Е-вич. Гусеничный трактор // ТВ. – 1914. – №112.
63. Исҳоқхон тўра Ибрат. Тарихи трактур // Исҳоқхон тўра Ибрат. Танланган асарлар. – Тошкент: Маънавият, 2005. – Б.54-55.
64. К.Т.Испытание рисоочистительной машины // ТВ. – 1889. – №75.
65. Итоги нашей внешней торговли // ТВ. – 1910. – №11.
66. Окраина. – 1893. – №30.
67. Открытие в Ташкенте городской общественной плодосушильни // ТВ. – 1889. – №23.
68. Среднеазиатская жизнь. – 1907. – №215.
69. Туркестанский курьер. – 1913. – № 105.
70. Верховский Н.П. Плодоводство и виноградарство в Туркестане // Туркестанское сельское хозяйство. – 1910. – №3. – С. 165.
71. Бир савдогар. Талабгор борму // Садои Туркистон. – 1914. – №34.
72. Верховский Н.П. Плодоводство и виноградарство в Туркестане // Туркестанское сельское хозяйство. – 1910. – №3. – С. 172.
73. Верховский Н.П. Фруктовые вагоны Ташкентской дороги // Туркестанское сельское хозяйство. – 1909. – №8. – С. 625.
74. Гр.Головин. Холодильное дело в Туркестане // ТВ. – 1910. – №31.
75. Туркестанская паровая консервная фабрика // ТВ. – 1912. – №127.
76. Е-вич. Заводик общественного пользования для переработки плодов и овощей // ТВ. – 1914. – №149.
77. Бир савдогар. Талабгор борми? // Садои Туркистон. – 1914. – №34.
78. Туркестанские ведомости. – 1892. – №16.
79. Бир савдогар. Талабгор борму // Садои Туркистон. – 1914. – №34.
80. Чўлпон. Ватанимиз Туркистонда зироат ва деҳқончилик ишлари // Садои Фарғона. – 1914. – №13.
81. Идора // Садои Фарғона. – 1914. – №13.

К ИСТОРИИ ВНУТРЕННЕЙ ДЕПОРТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД ОБРАЗОВАНИЯ ТАДЖИКСКОЙ АССР В СОСТАВЕ УЗБЕКСКОЙ ССР (1924–1929 ГГ.)

Абдукаюм Абдукадиров,

к.и.н., доцент филиала НИТУ «МИСИС» в г. Алмалык.

Annotation.

The period from 1924 to 1929 was a turning point in the history of Tajikistan, when there was an internal forced resettlement of residents of mountainous regions throughout the territory of this autonomous state. This period is associated with changes in the political, social and economic spheres, as well as processes related to the formation of the Tajik Autonomous Republic within the Uzbek SSR and the subsequent formation of the Tajik SSR. Archival research shows that the geopolitical and military reasons for the Soviet resettlement, which were the most important political motives in the history of the formation of the Soviet republics, are poorly understood. Here, an attempt is made to analyze the causes, processes and results of internal migration processes in the territory of modern Tajikistan in the period from 1924 to 1929.

Keywords: *territory of the Tajik Soviet Socialist Republic, mountain population, internal forced migration, «living shield», infrastructure.*

Аннотация.

В 1924–1929 годах произошел переломный момент в истории Таджикистана. В этот период на территории автономного государства осуществлялся процесс принудительного переселения населения горных районов. Этот этап был отмечен изменениями в политической, социальной и экономической сферах, а также процессами, связанными с образованием Таджикской автономной республики в составе Узбекской ССР и последующим созданием Таджикской ССР. Архивные исследования показывают, что геополитические и военные факторы советского переселения, играющего важную роль в формировании советских республик, до сих пор недостаточно изучены. В данной статье предпринята попытка проанализировать причины, ход и результаты процессов внутренней миграции на территории современного Таджикистана в 1924–1929 годах.

Ключевые слова: *территория Таджикской ССР, горное население, принудительное переселение, «живой щит», инфраструктура.*

Период с 1924 по 1929 год стал переломным в истории Таджикистана, когда шло внутреннее добровольное и принудительное переселение жителей горных районов по всей территории этого автономного образования. Этот период связан с серьёзными изменениями в политической, социальной и экономической сферах, а также процессами, связанными с образованием Таджикской автономной республики в составе Узбекской ССР и последующим образованием Таджикской ССР. Архивные исследования показывают, что геополитические, экономические и военные причины советского переселения, которые были наиболее важными мотивами в истории образования советских республик, мало изучены. Здесь дана попытка анализа причин, процессов и результатов внутренних миграционных процессов на территории современного Таджикистана в период с 1924 по 1929 гг.

Известно, что в 1924 году в составе Узбекской ССР была создана Таджикская АССР, что изменило административные границы Узбекистана и создало новые социально-экономические условия. Политика советского режима, направленная на национальное самоопределение, способствовала перемещению населения, так как многие таджики искали лучшие условия жизни и труда в новом административном образовании. Развитие сельского хозяйства и индустриализации в таких городах, как Душанбе и Ходжент, привлекло дехкан из сельской местности. Советская власть активно проводила реформы, касающиеся земельно-

водной реформы и улучшения инфраструктуры, что способствовало увеличению миграции людей в поисках лучших экономических возможностей. Образовательные и медицинские услуги в городах стали более доступными, что также подталкивало жителей к внутренней миграции. Молодежь активно искала места с возможностями для учебы и получения медицинской помощи, что привело к росту миграции из сельских районов в относительно урбанизированные зоны.

При переселении таджикистанцев с гор на равнины, первые советские власти одновременно установили специфические социальные границы, которые имели политическую значимость. Изначально переселение осуществлялось на этнической основе: оно было нацелено на перемещение оседлых ираноязычных групп (именуемых как «таджики») в регионы, где доминировали тюркоязычные этнические группы (которые назывались «узбеками» и «локайцами»). Данное этническое решение было призвано устранить историческое недовольство, выступая как форма постколониального компенсирования[1].

В данном контексте пример Таджикистана представляет собой уникальный и слабоизученный случай перемещения целой этнической группы, использованной в качестве инструмента для создания советского государства. Руководство Советского Союза в основном полагалось на массовую миграцию населения и методы колонизации крупных территорий, оставшихся в наследство от Российской империи[2].

В рамках ключевой политики, направленной на исправление исторических ошибок, миллионы людей были добровольно и принудительно переселены в приграничные районы Советского Союза. По мнению советских историков, до распада практика имперской России служила средством русификации окружающих территорий, тогда как Советский Союз позиционировался как механизм экономического и культурного развития этих регионов. Из-за чрезмерного страха перед иностранным и внешним влиянием советское руководство не только изгнало из пограничных зон определенные этнические группы, которые считались ненадежными, но и привлекло своих этнических соотечественников и «разместило вдоль границ СССР некоторые этнические группы для влияния на иностранцев через приграничные этнические связи», что привело к формированию национальных

[1] ЦГА РТ, ф. 18, оп. 6, д. 10, л. 1.
[2] «How Bashkiriia Became Part of European Russia, 1773-1881» in Jane Burbank, Mark von Hagen, and Anatolii Remnev, eds., Russian Empire: Space, People Power, 1700-1930, (Bloomington: Indiana University Press, 2007)

территорий[3].

Масштабные переселения в советской Средней Азии в 1920-1930-х годах были не просто спонтанным процессом, а тщательно спланированной политикой, тесно связанной с идеологическими целями построения социалистического общества и укрепления национальной безопасности. Программа переселения, помимо заявленной цели улучшения сельскохозяйственного производства, служила инструментом советизации окраинных регионов. Новое советское село, создаваемое путем массового перемещения населения, должно было стать не только экономически самодостаточным, но и политически лояльным к советской власти, подавляя региональные националистические настроения.

Заявленная цель – развитие сельского хозяйства путем индустриализации и стимулирования экономической миграции – была неразрывно связана с обеспечением безопасности границ, особенно в регионах с недостаточно развитой военной инфраструктурой. Слабость Красной Армии в Средней Азии, как подчеркивал командующий войсками Средне-Азиатского военного округа (САВО) Павел Дыбенко на Втором съезде Советов в Таджикистане в 1929 году, делала экономическое развитие вопросом не только благосостояния населения, но и выживания государства. Вместо масштабного расширения армии предполагалось, что процветающее сельское хозяйство, поддерживаемое притоком трудовых ресурсов, снизит уязвимость приграничных районов. Развитие инфраструктуры, создание новых поселений и приток населения создавали фактор сдерживания потенциальных угроз извне.

Однако, реализация этой политики сопровождалась серьезными препятствиями и трагическими последствиями. Принудительный характер переселения, отсутствие должной инфраструктуры и поддержки переселенцев приводили к человеческим жертвам. Многие семьи сталкивались с голодом, болезнями, нехваткой жилья. Колонизационная политика часто приводила к конфликтам с коренным населением, лишенным части земель и ресурсов в пользу новоприбывших. Кроме того, план не всегда учитывал экологические особенности региона, что приводило к деградации природных ресурсов и ухудшению экологической ситуации.

Принудительная коллективизация и массовое переселение жителей окраин вместо эффективного укрепления безопасности территорий

[3] Martin, T., 1998. The origins of Soviet ethnic cleansing. The Journal of Modern History, 7 (4), 813–861.

и границ часто приводили к социальным волнениям и снижению продуктивности сельского хозяйства. Экономическое развитие отставало от плановых показателей, а военная безопасность оставалась вопросом, требующим большего внимания, чем просто экономическое расширение за счет принудительной миграции.

Идеализированная картина «нового советского села» радикально расходилась с реальностью, оставив после себя глубокие социальные и демографические изменения в Средней Азии и трагедии в судьбах миллионов людей. Анализ событий показывает, что приоритет идеологии над практическими аспектами экономического и военного строительства привел к негативным последствиям и не достиг заявленных целей. Нехватка материальных ресурсов для обеспечения безопасности границ Средней Азии в советский период привела к принятию центральными властями неоднозначных решений, которые коренным образом изменили жизнь кочевого населения региона.

Вместо инвестиций в инфраструктуру и технические средства контроля, советская власть обратилась к человеческому ресурсу, используя местное население в качестве живого «защитного щита» для охраны границ и обеспечения внутренней стабильности. Эта стратегия, замаскированная под экономические программы, на практике обернулась масштабным переселением кочевых народов, в основном, из горных районов Таджикистана.

Советская историография, стремясь представить происходящее в позитивном свете, описывала переселение как необходимую меру для реализации аграрной политики, в первую очередь – развития хлопководства. Кочевники, проживавшие в горных районах, якобы добровольно перемещались в долины с «низкой плотностью населения», где им предоставлялись земли для возделывания хлопка – стратегически важной культуры для советской экономики. Именно такая интерпретация, упрощенная и лишенная критического анализа, доминировала в советской историографии и продолжает влиять на некоторые аспекты современной таджикской исторической науки[4].

Однако, постсоветские исследователи вместо безобидного «добровольного переселения» говорят о принудительной депортации, лишенной элементарного выбора и сопровождаемой значительными лишениями для перемещенных лиц. Хотя термин «депортация» всё еще

[4] Botakoz Kassymbekova (2011): Humans as territory: forced resettlement and the making of Soviet Taj ikistan, 1920–38, Central Asian Survey, 30:3-4, 349-370

вызывает споры среди историков, факт наличия насилия и принуждения, примененных советскими властями, неоспорим. Кочевников насильно выселяли из их традиционных мест обитания, разрушая их устоявшийся образ жизни, разрывая социальные связи и лишая их доступа к пастбищам.

В действительности, «программа развития хлопководства» служила большевистским властям ширмой для решения именно геополитических задач. Размещение кочевого населения в долинах укрепляло контроль над границей, препятствуя проникновению нежелательных элементов и обеспечивая «национальную безопасность» в контексте геополитического противостояния с соседними странами. Земля, предоставленная переселенцам, зачастую была крайне малопригодна для земледелия, что приводило к ухудшению их социально-экономического положения. Распространено мнение, что обещание возвращения на «земли предков» после выполнения плана по хлопководству, часто оставалось невыполненным обещанием.

Кроме того, переселение носило не только экономический, но и политический характер. Советская власть стремилась сделать оседлым кочевое население, ослабляя традиционные структуры управления и укрепляя централизованную власть. Переселение разрушало традиционный уклад жизни, лишая кочевников возможности сохранять свою культуру, язык, обычаи, традиции, методы хозяйства.

Игнорирование масштабов и последствий этого вынужденного переселения препятствует правильному пониманию современной истории региона и его сложных социально-политических реалий. Эта политика, как правило, применяется в рамках идей построения современного национального государства или игнорируется как тема, вызывающая неудобные вопросы, существующие в прошлом и настоящем. Применение силы и, как следствие, гибель тысяч людей обычно объясняются ошибками и чрезвычайным злоупотреблением властью со стороны отдельных местных чиновников, осуществлявших переселение[5].

Горные регионы, которые занимают значительную часть южного и восточного Таджикистана, рассматривались советскими бюрократическими учреждениями как неэффективные и труднодоступные. Планировщики советского государства надеялись

[5] Абулҳаев Р., Таърихи муҳоҷират дар Тоҷикистон (солҳои 1924–2000). Душанбе, 2009.: Пажуҳишгоҳи таърихӣ, бостошиносӣ ва мардумшиносии Академияи фанҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон – Донишгоҳи тоҷикӣ – славянӣ.

не только привлечь трудовые ресурсы для реализации экономических программ и укрепления политических альянсов через переселение горных жителей в долины, но также достичь административных задач и повысить уровень безопасности.

В 1924 году, когда была создана Таджикская автономная советская социалистическая республика (ТАССР), наблюдалось отсутствие системного управления. Более 90% территории новой республики занимали горы, а значительная часть её населения проживала в высокогорных зонах. Например, в изолированном Гармском районе жила треть жителей республики.

Тем не менее, в 1924 году и еще на протяжении нескольких последующих лет транспортная и коммуникационная инфраструктура в Таджикистане отсутствовала. Горные тропы, которые соединяли перевалы, могли быть использованы лишь на протяжении считанных месяцев в году. Это ограничивало возможность регулярно получать сведения о жизни в республике.

Уже в 1925 году советское правительство начало активную работу по строительству дорог, и в период 1925–1926 годов на эти нужды было затрачено значительное количество средств из государственного бюджета. Были восстановлены планы, разработанные в Российской империи, и в 1926 году стартовало строительство железной дороги Термез - Душанбе. Этот проект был завершен в 1929 году.

Строительство дорожной инфраструктуры в горной местности всегда представляло собой непростую задачу. Эти области с крутыми склонами и изменчивыми погодными условиями создавали значительные трудности для обычных способов транспортировки. Это стало особенно актуально для нового правительства, которое должно было связать удаленные местности с остальной страной.

В условиях, когда прокладка наземных дорог требовала больших усилий, времени и ресурсов, начали набирать популярность альтернативные транспортные методы. Одним из наиболее эффективных решений данной проблемы стало развитие воздушного сообщения. В 1924 году было открыто авиасообщение между Душанбе и Ташкентом. Это событие было знаковым не только для столицы Таджикистана, но и для всей страны, так как стало толчком для экономического и социального прогресса.

К 1929 году Душанбе уже связывала воздушная линия с такими удаленными регионами, как Хорог и Гарм, что значительно облегчило

обмен товарами и услугами. Развитие авиации способствовало улучшению инфраструктуры и изменению социальной жизни, обеспечив людям возможность быстрее добираться до родных и участвовать в культурных событиях, что укрепило связи между регионами[6]. Тем не менее, в реальной жизни полеты осуществлялись ненадежно и редко; погодные условия ограничивали использование авиации. Так же серьезными препятствиями стали хронический дефицит горючего, частые сбои в технической части воздушных судов, что приводило к массовым отменам рейсов и фактическому параличу авиационной связи.

Проблемы состояния дорог и устаревшего автопарка угрожали экономической стабильности региона. В частности, по историческим данным, за вторую половину 1928 года требовалось перевезти около 962 тысяч тонн грузов; однако транспортная база ограничивалась всего лишь «двадцатью автомобилями, тремя сотнями колесных повозок, пятьюстами верблюдами и шестью сотнями ослов»[7].

Абдурахим Ходжибоев, председатель Совета народных комиссаров ТаджАССР, подчеркивая, что главным препятствием на пути развития Таджикистана является отсутствие дорог, заявлял: «Сегодня у нас 1500–2000 километров колесных дорог. У нас есть железная дорога на Сталинабад. Мы можем экспортировать хлеб, хлопчатобумажное сырье, шерсть, кожу, фисташки, но все это находится в отдаленных районах в количестве миллионов пудов. Мы не можем экспортировать эти и импортировать другие товары. Теперь мы заявляем, что если эта проблема не будет решена, перспективы развития будут ограничены»[8].

Недостаток современных транспортных маршрутов и дорог также создавал риски для политического управления. Любая попытка наладить управление в регионе требовала создания инфраструктуры, включая дороги, телеграфные линии и эффективную почтовую сеть. Почтовая система функционировала так неэффективно, что представители властей в сельских местностях испытывали трудности с получением необходимых указаний, что ограничивало возможности чиновников по управлению территориями.

В ответ на проблемы с регулярной почтовой связью, в 1926 году Революционный комитет возложил на все государственные учреждения обязанности почтальонов: «С этого момента государственные служащие,

[6] Назруллоев С. Дорожное сторительство и развитие транспорта в Таджикистане в 1917-1941 гг. Душанбе: Дониш, 1979

[7] ГАРФ, ф. 3316, оп. 23, д. 1273, л. 108. Обследование советского и культурно-хозяйственного строительства Таджикской ССР

[8] ГАРФ, ф. 3316, оп. 6, д. 35, л. 167. Стенограмма IV-го Заседания VI Съезда Советов. 1931.

прежде чем отправиться на работу или вернуться из регионов, обязаны посещать Ревком и забирать корреспонденцию для своих территорий. Их поездки должны быть заранее согласованы»[9]. К 1934 году доставка почты из Душанбе в Москву занимала от 10 до 20 дней, а почтовые отправления между разными регионами Таджикистана занимали от 15 до 25 дней.

Ресурсы для расширения влияния в гористых участках советского государства были крайне ограничены, если вообще имелись. В 1930 году, руководитель Оргбюро Исполнительного комитета Кордеков отмечал, что за прошедшее десятилетие число представителей советских организаций в административном районе, находящемся всего в 45 километрах от Кургантепа, было практически ничтожным: «В некоторые села за последние 10 лет не наведывался никто из представителей советской власти, кроме работников лесного хозяйства, так как в эту горную местность можно было добраться только пешком. Поэтому у крестьян сложилось лишь смутное представление о существовании советской власти».[10]

Неконтролируемые границы являлись источником страха, усиливая ощущение отсутствия контроля. В 1926 году было сообщено, что в результате захвата власти советскими войсками из Таджикистана в Афганистан бежали около 44 тысяч семей, или примерно 300 тысяч человек. Они были в основном из регионов Курган-Тюбе и Куляб (также известных как приграничные районы). Поскольку в то время население Таджикистана составляло менее 800 тысяч человек, это означало, что почти половина населения бежало в соседнее государство. Это послужило сигналом советским чиновникам о том, что граница с Афганистаном вышла из-под контроля. Неслучайно в 1928 году лицам, обвиненным в шпионаже, участвовавшим в боевых действиях, состоявшим в контрреволюционных организациях, нелегально пересекавшим границу или занимавшимся контрабандой товаров, был запрещен въезд в приграничные районы.

По материалам милиции, часть местного населения была не только недовольна существующим порядком, но также была готова поддержать движение басмаческого сопротивления. Это вызывало серьёзные опасения у властей, которые осознавали, что такие настроения могут перерасти в массовые протесты. Слухи о том, что басмачи получают

[9] ЦГА РТ, ф. 329, оп. 18, д. 13, л. 17. Верховный Суд ТССР. 1934
[10] ЦГА РТ, ф.11, оп. 14, д. 10, л. 127. 1930

поддержку из-за границы, в частности от Великобритании, ещё больше обостряли ситуацию в регионе.

Исторически Великобритания проявляла большой интерес к Центральной Азии, стремясь укрепить свои позиции в этом районе. Поддержка басмачей могла стать частью более широкой стратегии, направленной на ослабление влияния Советского Союза. По данным милиции, часть местного населения, уставшая от экономических трудностей и политических репрессий, начинала воспринимать басмачей как возможных освободителей. Многие жители деревень и малых городов выражали поддержку этому движению, надеясь, что оно сможет вернуть им утраченные права и свободы. В некоторых местах даже проходили неофициальные собрания, на которых обсуждались возможности сотрудничества с басмачами. Однако такая поддержка не являлась однозначной.[11]

После введения советских войск на территорию Таджикистана их главной миссией стало обеспечение внутренней безопасности, включая физическое присутствие в регионе. Рассмотрение эвакуационных мероприятий под этим углом обусловлено необходимостью стратегической стабилизации. Не только экономические факторы послужили основой для перемещения населения из горных зон в долины, прилегающие к границе; данная политика также являлась средством укрепления контроля над территорией.

В Ташкенте, под эгидой Среднеазиатского экономического бюро и Государственного планового комитета при Среднеазиатском совете по труду и обороне, был сформирован особый орган — Комиссия для координации действий в отношении Таджикистана. Данная Комиссия в марте 1926 года была направлена в Таджикистан для изучения процесса государственного строительства и выработки дальнейших стратегий государственного строительства.

Отчеты специальной комиссии, опубликованные под названием «Национальная экономика Таджикистана», стали первым исследованием страны для советского центрального правительства. В нем представлен сборник статей, помогающих понять, как чиновники представляли и классифицировали прошлое, настоящее и будущее социально-политического строя Советского Таджикистана. Особое значение имеют выводы трех авторов: И. Кампенуса, работавшего в

[11] РГАСПИ, ф. 62, оп. 2, д. 1813, ll. 149–150. Сводки ПП ОГПУ в Средней Азии об антисоветских выступлениях в кишлаке и настроениях населения Средней Азии в связи с захватом китайскими властями КВЖД. 1929

Ташкенте руководителем Среднеазиатского банка, П. Введенского, соучредителя и члена Общества по изучению народов Таджикистана и Ирана за пределами Таджикистана в Ташкенте, и А. Янишевского, профессора Института востоковедения в Ташкенте, специалиста по водному хозяйству. Комиссия выделила два важных вопроса для нового правительства: ресурсы и население.

Эти два аспекта рассматривались в тесной взаимосвязи: плодородные долины южных низменностей Таджикистана идеально подходили для интенсивного производства хлопка, призывая к специализации страны именно на этой культуре. Однако, эти же районы страдали от нехватки рабочей силы вследствие масштабных миграционных процессов. В связи с этим, предлагалось решить проблему за счет перемещения трудовых ресурсов из горных районов страны. Эксперты подчеркивали: данная мера стала ключевой для реализации крупномасштабного хлопкового проекта, ибо переселение не сводилось лишь к физической транспортировке рабочей силы; речь шла о привлечении людей с опытом ведения сельского хозяйства, накопленным во времена знаменитой большевистской кампании по увеличению производства хлопка.

При этом этническая классификация служила не просто инструментом разделения труда, но и способом формирования лояльных союзов с одновременной изоляцией потенциальных противников. Этническая миграция, которая влечет за собой переселение этнически родственных групп, была средством создания политически лояльных сообществ и территорий для защиты самого южного приграничного региона Советского Союза. Этническая классификация обеспечила союз, который сформировал основу для международного управления, которая послужила основой для установления основы для понимания и введения санкций.

Дифференциация по этнической принадлежности и языковому контексту привела к признанию этнической принадлежности «естественной» и «устойчивой», а не «навязанной» категорией. Этническая миграция стала инструментом усиления этничности и территориализации, а также механизмом натурализации государственного самоуправления. Этническая территориализация представляла собой стратегию, в которой использовались как экономические, так и политико-военные методы, включая этническую территориализацию.

В ходе этих изменений численности населения и передела территории значительные идеологические основы для переселения населения и экономической и политической перестройки республики обеспечили существенные различия между племенами и оседлыми группами. Переселение началось фактически в 1925 году. Как предполагали государственные планировщики, в качестве основного источника рабочей силы был определен горный район Гарм, где проживают только таджики. Известный член партии Нусратулло Махсум, родом из Гарма, должен был возглавить переселение и привести «свой» народ в долины. Понятие о том, что Таджикистан теперь является родиной таджиков, было принято чиновниками во всех государственных учреждениях. Переселение таджикских групп было направлено не только на их сближение с советскими институтами, но и на ослабление влияния племенных групп на южных равнинах. Со временем понятия «территория» и «государство» приобрели этническое значение, и претендовать на территории и права могли только те, кто принадлежал к определенной этнической группе. В условиях политической и экономической перестройки споры за землю, воду и государственные должности стали интерпретироваться как межнациональные конфликты и, таким образом, превращались в них.

Кроме того, для таджиков, на которых была направлена эта политика, переселение часто становилось трагическим и психологически травмирующим опытом. В большинстве случаев переселенцы были вынуждены покидать свои дома без продовольствия и транспорта. Многие из них умирали в пути и после прибытия на новое место жительства. На новых местах не хватало воды и продовольствия, а голод еще больше усилился из-за проведенных государством мероприятий по конфискации зерна и хлопка. Малярия и туберкулез унесли жизни тысяч людей.

В 1932 году сообщалось, что в южных долинах 300 000 человек заболели малярией. Учитывая, что в 1932 году общее население Таджикистана составляло около миллиона человек, это была чрезвычайно большая и трагическая цифра – 30 % населения. Неудивительно, что большинство кочевников пришлось переселять с применением жестких силовых методов. В 1929 году жители Гарма отказались переселяться на равнины, и многие, присоединившись к группам сопротивления, бежали в Афганистан, спасаясь от переселения.

Руководитель эвакуационной кампании Нусратулло Махсум позже

был обвинен в применении насильственных мер в отношении своего народа. В 1930 году на заседании ЦК Махсуму был объявлен выговор, поскольку было установлено, что 40% из 10 000 переселенных семей были переселены против их воли.

Ведущая местная газета «Коммунист Таджикистана» писала, что в Таджикистане переселение было принудительным, хотя многие боялись об этом говорить, и никаких стимулов для побуждения переселенцев к добровольному переселению не было[12]. Было очевидно, что «историческая справедливость» проявляется все сильнее. Что еще более важно, когда стало известно, что горцы сталкиваются с трудностями в физической адаптации к жизни на равнине, надежды, связанные с ними, рухнули. В 1927 году чиновник сообщал Совету Народных Комиссаров и Организационному бюро следующее: «особое положение крестьян заставляет нас обратить на это внимание и показывает, что им нельзя доверять (это всегда была ненадежная черта). Большая часть земли, которую они получили, до сих пор остается невспаханной... Я лично путешествовал по регионам и убедился, что вновь прибывшие крестьяне совершенно несамостоятельны. Я видел крестьян, еле волочащих ноги, только начинающих работать на своих земельных участках... Кроме того, меня поразило безразличие гармцев к домашнему хозяйству, своим обязанностям и полное отсутствие коллективной дисциплины. Гармцев нельзя назвать опытными крестьянами».[13]

Таким образом, в статье «О сложных аспектах процесса переселения», опубликованной в газете «Коммунист Таджикистана» в 1930 году, отмечается, что «между переселенцами и местным населением существует национальное противоречие. Местные узбеки (коренные узбеки) воспринимают переселенцев как захватчиков, не умеющих обрабатывать землю».

В отличие от прежних предположений, гармцев также обвиняли в нелояльности к советской власти. В 1927 году было сообщено, что число призывников в ряды Советской Армии из Гиссара и Куляба значительно превышало количество призывников из Гарма.

Как сообщали официальные представители, многие гармцы решили покинуть страну и уехать в Афганистан, не желая служить в Советской Армии. В 1929 году правительство стало еще более обеспокоенным тревожными сообщениями, поступавшими из самого Гарма. Таджик Фузайл Махсум инициировал движение вооруженного

[12] Каверин М. Об острых углах переселения. Коммунист Таджикистана. 30 января 1930 г., №22
[13] Там же

сопротивления против советской власти, что поставило под сомнение надежды советского руководства на нахождение среди этой этнической группы верных сторонников.[14]

Кроме того, в связи с проявлявшейся непокорностью таджиков, Эдельсон и другие специалисты, преодолевая этнические предвзятости, предложили привлечь квалифицированных хлопкоробов из исторических центров хлопководства в Узбекистане. Этническая идентичность, которая ранее считалась решающим фактором, теперь, словно проходя через разрушительные изменения, использовалась против группы, которая раньше обладала преимуществами.

Несмотря на то, что регион Гарм по-прежнему считался значимым для перемещения рабочей силы, начиная с середины 1930-х годов, существенно возросло внимание к группам населения, находящимся за пределами Таджикистана, которые могли стать потенциальными переселенцами. Действительно, в период с 1935 по 1938 год Национальный комитет по земельным вопросам планировал переселить 6000 семей из северного Таджикистана и 9000 семей из Ферганской долины на территорию Узбекистана, традиционно специализирующуюся на выращивании хлопка.[15]

Потребность в переселенцах, способных внести вклад в экономическое развитие региона, стала все больше превалировать над другими проблемами, поэтому начали привлекать переселенцев из различных этнических групп и территорий. Этническая принадлежность таджиков и их характеристика как лояльных, склонных к земледелию и гражданственности, по-видимому, стали результатом необходимости принять желаемое за действительное, а также найти союзников и обеспечить их поддержку.

По мнению руководителей, переселение представляло собой процесс непосредственного территориального (и политического) изменения, целью которого было формирование и укрепление определенной этнической группы путем обозначения и территориализации пространства. Укрепление населения и территории, в свою очередь, было направлено на осуществление и легитимизацию потенциально иного вида действий - присоединения иностранной территории под патронажем государства, а именно Афганистана.

Переход к оседлости и стремление к перемещению были возможны

[14] ЦГА РТ, ф. 22, оп. 5, д. 3, л. 5. Протоколы заседаний Исполкома Оргбюро ТАССР. 1926

[15] ЦГА РТ, ф. 282, оп. 2, д. 22, ll. 10 –12. Постпред в Москве. Постановления НКЗ СССР о переселении и освоении Вахшской долины. 1934–1935.

как теоретически, так и практически, поскольку люди рассматривались как неразрывно связанные с территорией. Таким образом, внутренняя миграция в Таджикистане превратилась в процесс непосредственной материализации этнической принадлежности и статуса, населения и территорий, политической власти и контроля[16].

Кто-то может утверждать, что существует разница между «прямыми депортациями и изгнаниями групп по политическим, национальным или классовым мотивам» и прибытием кочевников подтвержденной национальности из другой части того же государства для укрепления лояльности территории. Однако в случае Таджикистана эти два вида миграции были тесно взаимосвязаны. Принудительное переселение таджиков на приграничные территории означало для тысяч узбеков и таджиков вынужденное лишение своих домов и земель предков. Этот процесс в значительной степени сформировал географические и культурные представления о современном Таджикистане.

[16] Botakoz Kassymbekova (2011): Humans as territory: forced resettlement and the making of Soviet Taj ikistan, 1920–38, Central Asian Survey, 30:3-4, 349-370

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. ЦГАРТ, ф. 18, оп. 6, д. 10, л. 1.
2. «How Bashkiriia Became Part of European Russia, 1773-1881» in Jane Burbank, Mark von Hagen, and Anatolii Remnev, eds., Russian Empire: Space, People Power, 1700-1930, (Bloomington: Indiana University Press, 2007)
3. Martin, T., 1998. The origins of Soviet ethnic cleansing. The Journal of Modern History, 7 (4), 813–861.
4. Botakoz Kassymbekova (2011): Humans as territory: forced resettlement and the making of Soviet Taj ikistan, 1920–38, Central Asian Survey, 30:3-4, 349-370
5. Абулҳаев Р., Таърихи муҳоҷират дар Тоҷикистон (солҳои 1924–2000). Душанбе, 2009.: Пажуҳишгоҳи
6. Таърихӣ, бостошиносӣ ва мардумшиносии Академияи фанҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон – Донишгоҳи
7. тоҷикӣ – славянӣ.
8. Назруллоев С. Дорожное сторительство и развитие транспорта в Таджикистане в 1917-1941 гг. Душанбе: Дониш, 1979
9. ГАРФ, ф. 3316, оп. 23, д. 1273, л. 108. Обследование советского и культурно-хозяйственного строительства Таджикской ССР
10. ГАРФ, ф. 3316, оп. 6, д. 35, л. 167. Стенограмма IV-го Заседания VI Съезда Советов. 1931.
11. ЦГАРТ, ф. 329, оп. 18, д. 13, л. 17. Верховный Суд ТССР. 1934
12. ЦГАРТ, ф.11, оп. 14, д. 10, л. 127. 1930
13. РГАСПИ, ф. 62, оп. 2, д. 1813, ll. 149–150. Сводки ПП ОГПУ в Средней Азии об антисоветских выступлениях в кишлаке и настроениях населения Средней Азии в связи с захватом китайскими властями КВЖД. 1929
14. Каверин М. Об острых углах переселения. Коммунист Таджикистана. 30 января 1930 г., №22
15. там же
16. ЦГА РТ, ф. 22, оп. 5, д. 3, л. 5. Протоколы заседаний Исполкома Оргбюро ТАССР. 1926
17. ЦГА РТ, ф. 282, оп. 2, д. 22, ll. 10 –12. Постпред в Москве. Постановления НКЗ СССР о переселении и освоении Вахшской долины. 1934–1935.
18. Botakoz Kassymbekova (2011): Humans as territory: forced resettlement and the making of Soviet Taj ikistan, 1920–38, Central Asian Survey, 30:3-4, 349-370

Монокультура хлопка в сельском хозяйстве Узбекской ССР и ее социально-экономические последствия

Баходир Пасилов,

Кандидат исторических наук, доцент Ташкентского государственного педагогического университета имени Низами
bpasilov09@yahoo.com

Abstarct

The article analyses the development of agriculture in Uzbekistan during the Soviet period. The author points out that the development of cotton growing was forced by the Soviet government in the late 1920s and early 1930s and that this process had a stable trend in the future. The one-sided development of the agricultural sector, which focused on the development of cotton growing and the cotton industry, caused crisis phenomena in the socio-economic development of agriculture in the Uzbek SSR.

Keywords: *cotton growing, agriculture, Uzbek SSR, Soviet government, cotton industry, cotton monopoly, water resources, five-year plan, mineral fertilizers, degradation.*

Аннотация.

В статье анализировано развитие сельского хозяйства Узбекистана в советский период. Автором указано, что развитие хлопководства было насильственно насаждено советским правительством в конце 1920-х – начале 1930-х гг. и в дальнейшем данный процесс имел устойчивую тенденцию. Однобокое развитие

аграрного сектора, в котором был сделан упор на развитие хлопководства и хлопководческой промышленности, породили кризисные явления в социально-экономическом развитии сельского хозяйства Узбекской ССР.

Ключевые слова: *хлопководство, сельское хозяйство, Узбекская ССР, советское правительство, хлопковая промышленность, монополия хлопка, водные ресурсы, пятилетний план, минеральные удобрения, деградация.*

Советская власть стремилась к восстановлению хлопководства, который переживал упадок в результате гражданской войны и экономического хаоса, который стал результатом большевистской политики «военного коммунизма» и уменьшения ввоза пшеницы из России в Туркестанский край. После установления относительной политической стабильности, центральное большевистское правительство еще в начале 1920-х гг. приступило к резкому увеличению производства хлопка в Туркестане.

Так, в декабре 1920 г. правительство РСФСР приняло пятилетний план восстановления хлопководства.[1] Для развития хлопководства в Туркестане по инициативе большевистского руководства Москвы 12 сентября 1920 г. Высшим Советом Народного Хозяйства РСФСР (ВСНХ) было учреждено Главное хлопковое Управление под официальным названием «Главный хлопковый комитет» (Главхлопком).

Компартия Туркестана, характеризуя социально-экономическое положение края, в 1922 г. указывала, что в связи с тяжелым положением в текстильной промышленности и «надвигающейся угрозой сырьевого кризиса» признать, что задача восстановления хлопководства в Туркестане приобретает особое значение и должна быть признана главнейшей задачей дня.[2] В качестве основного условия восстановления хлопководства рассматривалось ввоз хлеба в Туркестан и направление средства на восстановление ирригации и т.д.[3]

В результате ряд мер, предпринятых со стороны советского правительства, к середине 1920-х гг. удалось значительно поднять развитие хлопководства: площадь под хлопковыми посевами, сократившиеся в период экономической разрухи (1918 г.- Б.П.) до 50 тыс. десятин, в 1924 г. была доведена в Средней Азии до 346 тыс., а в Узбекистане до 265 тыс. десятин.[4] А в 1925 г. посевы хлопчатника

[1] Очерки Истории Коммунистической партии Узбекистана. Ташкент. Узбекистан, 1974. С. 134.

[2] Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях съездов и конференций. Ташкент. Узбекистан, 1988. С. 253.

[3] Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях съездов и конференций … С. 253.

[4] Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Том I. 1925-

увеличилась уже до 365 тыс. десятин.[5] Таким образом, хлопчатник снова занял в Узбекистане место одной из главных хозяйственных культур.

После образования Узбекской ССР усилия Центра превратить ее в основной хлопковой регион СССР приобрели масштабный характер. На пленуме оргбюро ЦК КП (б) Узбекистана (январь, 1925 г.) политическим руководством республики было отмечено «о создании общих условий, благоприятствующих возврату дехканства к хлопководству, заложена твердая база, создающая «твердую уверенность» дехкан в «выгодности» хлопковой культуры и способствующая возрождению «успехов в развитии хлопководства и хлопковой промышленности в Средней Азии, в частности в Узбекистане».[6] На этом пленуме было принято ряд решений по развитию хлопководства в республике, которое по утверждению политического руководства республики «является главным фактором в поднятии сельского хозяйства и «благосостояния трудящихся дехканства» и в тоже время дает основное сырье для расширения текстильной промышленности Союза (выделено нами - Б.П.)».

Следует отметить, что развитие хлопководства рассматривалось также в комплексе созданием хлопковой промышленности в республике.

Так, среди мер советского правительства для развития хлопководства в Узбекистане были такие как: предложить налоговые льготы для дехкан, занятых в хлопководстве, одобрить проводимое хлопковым товариществом устранение частного посредника при организации посевов, дальнейшее расширение хлопковой площади – вовлечь в круговорот хлопководства земли, пришедшие за период упадка хлопководства в полное запущение и т.д. Также предусматривалось не допустить скупку хлопка-сырца частным капиталом не в пределах авансирования этим капиталом площади посева хлопчатника.[7]

Следует отметить, что интенсивное развитие хлопководства и резкое увеличение хлопковой площади все больше превращал Узбекистан в регион, который остро нуждался в привозном хлебе, несмотря на то, что республика имела огромный потенциал для полного обеспечения себя зерном. Однако еще в середине 1920-х гг. Москва решила, что «определяющим моментом экономики Узбекистана является

1937. Ташкент. Узбекистан, 1987. С. 11.

[5] Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Том I ... С.140.

[6] Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Том I ... С. 11

[7] Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Том I ... сс. 11-13.

хлопководство».[8] Такая однобокая тенденция развития экономики республики стала господствующей и в дальнейшем.

В июле 1929 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «О работе Главхлопкома» (для «усиления связи» между ним и основными хлопкосеющими районами он в 1929 г. был передан из Москвы в Ташкент, а в 1930 г. расформирован в республиканское хлопковое объединение). В этом Постановлении было указано, что «Развитие хлопководства в текущем пятилетии (первая пятилетка 1927/28-1932/33 гг. - Б.П.) в Союзе должно идти по линии максимального форсирования (выделено нами – Б.П.) всех наших возможностей для расширения хлопковой плантации и поднятия урожайности хлопка с тем, чтобы к концу пятилетия не только освободить текстильную промышленность Союза от ввозимого заграничного хлопка, но и иметь необходимый резерв для дальнейшего расширения текстильной промышленности».[9]

Если в середине 1920-х гг. в процессе развития хлопководства участие частного сектора рассматривалась большевиками еще как естественное явление, то в конце 1920-х, т.е. после осуществления земельной реформы и перед проведением коллективизации, его дальнейшее развитие строго увязывалось с «ростом социалистических элементов» сельского хозяйства, которое стало бы возможным в результате коренной (насильственной) ломки традиционных земельных отношений. Следовательно, как утверждало советское правительство, существующая система землепользования является «огромным тормозом в деле социалистической реконструкции» сельского хозяйства.[10]

Поэтому в решениях руководства Узбекистана было особо подчеркнуто, что «для партийных организаций республики «генеральной задачей должно стать такое развитие социалистических элементов в сельском хозяйстве, чтобы к концу пятилетки (1933 г.- Б.П.), социалистический сектор дал не мене 60% товарной продукции хлопка-сырца».[11] Таким образом, большевистское руководство стремилось к установлению монополии в хлопководстве через утверждение «социалистических элементов» в сельском хозяйстве Узбекистана.

---

[8] Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Том I ... С. 140.

[9] Цитируется по: Вахабов М.Г. Формирование хлопково-промышленного комплекса в Узбекистане. Ташкент. «Узбекистан». 1981. С. 57.

[10] Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК ... Том I. С. 465.

[11] Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК ... Том I. сс.465-466.

Несмотря на интенсивное развитие хлопководства и увеличения посевной площади под хлопчатник, однако, для того «чтобы завоевать хлопковую независимость Советского Союза и удовлетворить потребность текстильной промышленности в сырье, предстояло решать «новые, более грандиозные задачи». Следуя по этому курсу, руководство СССР при составлении плана по развитию хлопководства в Узбекистане учитывало следующие экономические, природные и социальные факторы, а также трудовые ресурсы, которые будут способствовать для осуществления этой цели, как-то:

Во-первых, советское правительство предусматривало привлечь значительную часть населения Узбекистана к хлопководству и хлопковой промышленности. Так, в 1928 г. из общего населения Узбекистана – 4 343 200 человек, 2 590 600 или 59,6% составляли взрослое население (т.е. люди обоего пола с 16 до 59 лет); из них 2 023 100 были сельскими жителями и «только» 26,6% сельского населения занималось хлопководством. Таким образом, в республике имелись «огромные трудовые резервы» для развития хлопководства.[12]

Во-вторых, в качестве одного из главных факторов развития хлопководства, как было указано выше, предусматривалось, прежде всего, увеличение посевной площади под хлопок, которое должно было осуществиться за счет освоения новых земель, а также за счет вытеснения других сельскохозяйственных культур.

В 1928 г. вся посевная площадь Узбекистана составляла 1 748 тыс. га; из них 1 353 тыс. га были поливными, а 395 тыс. – богарными. Из поливной земли 530 тыс. га или 39,2% было занято под хлопчатником, остальные 612 тыс. га – под зерновыми, 221 тыс. га под бахчевыми культурами.[13]

Поэтому, руководство СССР, учитывая такое соотношение посевной площади сельскохозяйственных культур, полагал, что Узбекистан имеет «огромную возможность» расширить посевы хлопчатника за счет вытеснения других, и в первую очередь зерновых культур. А также республика имела большие земельные ресурсы для нового орошения, которые «открывали широкую перспективу» для развития хлопководства в будущем.

В-третьих, Узбекистан располагал значительными водными ресурсами для орошения. В тот период в бассейнах Сырдарьи и Амударьи на территории Узбекистана за счет имеющихся водных ресурсов можно

[12] Вахабов М.Г. Формирование хлопково-промышленного комплекса … сс. 58-59.
[13] Ирригация Узбекистана. Т. 1. Ташкент. Узбекистан, 1975. С. 82.

было оросить еще 2 120 тыс. га и довести площадь орошаемых земель за счет существующих ресурсов до 4 870 тыс. га.[14]

Таким образом, фундамент для ускоренного развития хлопководства был заложен в конце 1920-х – начале 1930-х гг. В период первой пятилетки были «достигнуты первые успехи по всем направлениям комплексного развития хлопководства». Рост производства хлопка осуществлялся также за счет вытеснения хлопчатником других сельскохозяйственных культур из поливных земель. Компартия Узбекистана в своей политике по развитию хлопководства руководствовалась указаниями Постановления ЦК ВКП (б) «О работе Главхлопкома». Так, согласно этому постановлению «важнейшей задачей сельскохозяйственной политики в хлопковых районах является максимальное использование поливных земель под хлопок». Также была разработана система мер по созданию благоприятных условий для хлопкоробов: сохранение налоговых льгот, преимущественное водоснабжение хлопковых посевов, усиление снабжения хлебом, промтоварами и кормами для скота.[15]

В процессе вытеснения хлопчатником зерновых культур определенную роль играла налоговая политика. Для того чтобы укрепить хлопкосеющие хозяйства, было снижено налоговое обложение посевов хлопка, по сравнению с площадями зерновых культур.[16]

Резкое увеличение поливной хлопковой площади произошло именно в начале 1930-х годов. Так, за 1929–1932 годы посевные хлопковые площади в Узбекистане выросли с 530 тыс. до 928 тыс. га. В результате за этот период производство хлопка – сырца увеличилась – с 520 тыс. до 753 тыс. тонн. Удельный вес социалистического сектора и хлопковой продукции в 1932 г. достиг 86%.[17]

Несмотря на то, что развитие хлопководства в эти годы только начиналось, однако и в тот период на примере некоторых колхозов, которые допустили «перегибы», мы можем обнаружить тенденцию установления тотальной монополии хлопка. Так, Компартия Узбекистана была вынуждена признать, что «… в некоторых районах в ряде колхозов были допущены перегибы в сторону монокультуры хлопка (она составляла в колхозах 90 и выше процентов, а в районах – 85 и выше процентов), а также чрезмерная нагрузка (4-5га) на колхозное

[14] Ирригация Узбекистана. Т. 1… С. 217.
[15] Вахабов М.Г. Формирование хлопково-промышленного комплекса … С. 64.
[16] Вахабов М.Г. Формирование хлопково-промышленного комплекса … С. 64.
[17] Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК ... Том I. С. 589.

хозяйство в отдельных районах, это вело к подрыву хозяйств колхозов».[18]

Тенденция уменьшения площади зерновых культур, а увеличение площади хлопчатника имела устойчивый характер и в дальнейшем. Например, если посевная площадь зерновых культур в 1940 г. составляла 1 479,9 тыс. га, а хлопчатника – 923,5 тыс. га, а в 1960 г. площадь зерновых культур значительно уменьшилась и составила 894,8 тыс. га, а посевная площадь хлопка увеличилась – до 1 386,6 тыс. га.[19]

Таким образом, развитие хлопководства в Узбекистане «на социалистической основе сыграло решающую роль в завоевании хлопковой независимости СССР». Советское правительство стало все больше и жестче требовать от руководства Узбекистана повысить производство хлопка, постоянно напоминая об «интернациональном долге» республики перед страной.

Советское правительство руководствуясь методом “штурма и давления”, забирало весь урожай хлопка, выращенный в республике. В 1940 г. доля Узбекистана в выращивании хлопка в СССР достигла 63%. Благодаря этому советское государство покончило с хлопковой зависимостью от иностранных государств и вышло на второе место в мире по выращиванию хлопка.[20]

Центр и КП (б) Узбекистана стали широко и повсеместно применять практику жесткого наказания за невыполнения зачастую непомерного плана заготовки хлопка-сырца. Например, Пленум ЦК КП (б) Узбекистана одобрил решение Бюро ЦК о привлечении к ответственности руководства районов, «позорно проваливших» в 1932 г. «борьбу за хлопок» и обязал Бюро ЦК и Президиум ЦКК «особо тщательно контролировать работу парторганизаций и руководства прорывных районов, беспощадно расправляться с оппортунистами, срывающими «борьбу за хлопок» (выделено нами – Б.П.).[21]

Разумеется, нельзя утверждать, что руководство республики всегда соглашалось с необоснованными плановыми заданиями советского руководства по производству хлопка. Например, несмотря на жестокость советского тоталитарного режима, политическое руководство республики просило уменьшения планового задания.

---

[18] Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК ... Том I. С. 593.

[19] Народное хозяйство Узбекской ССР за 70 лет Советской власти. Ташкент. 1987. С. 99.

[20] Мустабид тузумнинг Ўзбекистон миллий бойликларини талаш сиёсати: тарих шоҳидлиги ва сабоқлари. Тошкент. Шарқ, 2000. 272 Б.

[21] Коммунистическая партия Узбекистана Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК … Том I. С. 591.

Так, в 1935 году советским правительством для Узбекистана был спущен план по заготовке хлопка-сырца в размере 910 тыс. тонн. Однако тогдашнее политическое руководство республики, в лице Ф. Ходжаева, А. Икрамова и др., смогло открыто высказать свою позицию по отношению необоснованно завышенного плана, который не учитывал экономические и людские возможности Узбекистана. В результате план был снижен на 15 тыс. тонн.[22]

Развитие хлопководства в Узбекистане для советского руководства было не только экономической задачей, но оно также имело политическое и идеологическое значение. Например, ход его выполнения увязывалось с … антирелигиозной пропагандой. Как было подчеркнуто на VI Пленуме ЦК КП (б) Узбекистана (январь, 1940 г.) «… организация всенародного движения за выполнение «исторического» постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР о дальнейшем развитии хлопководства в Узбекистане[23] будет в значительной мере зависеть от того, насколько парторганизация Узбекистана сумеет организовать и возглавить борьбу с пережитками капитализма в сознании людей, религиозными пережитками и остатками феодально-байского отношения к женщине».[24]

Негативные последствия монополии хлопка и опыт губительного “ведения социалистического хозяйства” проявились и в мелиорации и ирригации. Они нашли свое отражение в в засолении почвы, в резком снижении урожайности посевных площадей, а также сделанные финансовые и трудовые затраты не оправдывали полученные конечные результаты. Так, только в 1975-1983 годы из-за ухудшения мелиоративного состояния земельных площадей, пахотные земли, которые вышли из пользования, увеличились от 4 тыс. га до 67 тыс. га. А засоленные земельные площади в целом составили 2 млн. га.[25]

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 февраля 1954 г. «О дальнейшем развитии хлопководства в Узбекской ССР в 1954–1958 гг.» предусматривалось расширить площадь поливных земель на 600 тыс. га, в том числе на 300 тыс. под хлопчатник; улучшить ирригационно-мелиоративное строительство, начиная с 1954 г. ежегодно осваивать под посевы 150 тыс. га переложных и целинных земель.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 августа

[22] Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Состав. О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2001. С. 553.
[23] Имеется в виду постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 22 декабря 1939 г. «О мерах по дальнейшему подъему хлопководства в Узбекистане»// КПСС и Советское правительство об Узбекистане. С. 438–449.
[24] Коммунистическая партия Узбекистана Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Том II. 1938–1959. Ташкент. Узбекистан. 1988. С. 87.
[25] Мустабид тузумнинг Ўзбекистон миллий бойликларини.... 296 Б.

1956 г. «Об орошении и освоении целинных земель Голодной степи в Узбекской ССР и Казахской ССР для увеличения производства хлопка» было намечено в 1956–1962 гг. орошение и освоение земель Голодной степи на площади 300 тыс. га, в том числе в Узбекистане – 200 тыс. га и Казахстане – 100 тыс. га, для производства на этих землях за 1956–1960 гг. не менее 220 тыс. т. хлопка-сырца, в том числе в Узбекистане – 135 тыс. т. и в Казахстане – 85 тыс. т и начиная с 1964 г. – не менее 320–340 тыс. т. хлопка-сырца ежегодно.

Особенно крупные ирригационно-мелиоративные работы были развернуты в зоне Голодной степи. В 1956–1959 гг. здесь было орошено 35,5 тыс. га земли, проложено 460 км оросительной сети, 630 км открытых коллекторов и т.д.

Были допущены ряд серьезнейших ошибок и просчетов в практике сельскохозяйственного строительства. В частности, подчеркивается, что освоение целинных земель явилось ярким выражением экстенсивной модели развития отрасли. Оно не было глубоко и всесторонне проработано в науке, оценки во многом несли печать субъективизма. Положение углублялась полным игнорированием высшим политическим руководством бывшего Союза ССР возможных или даже неизбежных экологических последствий безудержного расширения посевных площадей хлопчатника, массового строительства на реках водохранилищ для обеспечения нужд орошения. Эти тяжелые для региона экологические последствия проявились не сразу, а постепенно накапливались. Но именно в результате пренебрежительного отношения к проблемам экологии были посеяны семена современной трагедии Арала.

Также были допущены серьезные ошибки в начале освоения Голодной степи. Прощалось и низкое качество работ. В итоге не работали дренажи, коллекторы. В результате резко упала урожайность хлопка-сырца. Так из 880 тыс. га земель, освоенных Главсредазсовхозстроем до 1986 г., пришли в негодность 595 тыс. га. В 1971–1985 гг. из-за допущенных ошибок ухудшилось состояние на 2,3 млн. га земель, у 670 тыс. га земли были вновь отремонтированы дренажи.

В масштабах программы химизации все отчетливее проявлялись ее негативные стороны. Минеральные удобрения вносились в почву с серьезными нарушениями научно обоснованных норм, ширилось применение опасных ядохимикатов. Особенно вредоносным являлся ДДТ. На Западе он был запрещен к применению еще в 1970 г., а в СССР, в

том числе и в нашей республике его продолжали широко использовать. Причем, если в других государствах его применялось примерно по 300 гр. на душу населения, то у нас –7–8 кг. Причем, ДДТ, как и другие ядохимикаты, интенсивно распылялся не только наземными средствами, но и авиацией. Распыление ядохимикатов средствами авиации, что вело к концентрации токсичных веществ в воздухе, на поверхности водоемов, над жилыми постройками на селе.

Погоня за планом и практика рапортомании в хлопководстве породили такие негативные явления в социально-политической жизни как приписки и обман государства. Если рассматривать уточненные данные о фактических объемах производства хлопка в так называемые годы «рекордного сбора» урожая, в 1980, 1985, и 1988 годы, когда соответственно было произведено 5 млн. 579 тыс. т, 5 млн. 381 тыс. т, 5 млн. 385 тыс. т хлопка, а не более 6 млн. т[26], как это было установлено в отчетах партийных и правительственных органов республики.

Неэффективно использовались орошаемые земли, а в вопросах освоения новых земель зачастую принимались субъективные решения, не обеспечивалась должная сохранность земельного фонда. Несмотря на острый недостаток оросительной воды, продолжалось бесхозяйственное отношение к ее использованию[27].

В заключении следует отметить, что в годы независимости общественностью республики была дана объективная оценка развитию сельского хозяйства Узбекской ССР в советский период и были раскрыты последствия монополии хлопка. Так, долго утверждалось, что Узбекистан в корыстных целях раздувало производство хлопка-сырца. На самом деле хлопковая монополия насаждалась сверху, силовым давлением, вопреки коренным интересам сельского хозяйства Узбекистана.

Уже начиная с 1930-х годов перед Узбекской ССР была поставлена задача – любой ценой обеспечить хлопковую независимость страны и эту задачу решить, чего бы это ни стоило. Такая специализация Узбекистана на производстве хлопка неизбежно привела к снижению возможностей производства мяса и молока в республике. Однако эквивалентной компенсации республика не получила.

Одновременно произошло ущемление многих жизненно важных интересов республики. Губительным тормозом в сельском хозяйстве

[26] Коммунистическая партия Узбекистана Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК ...Том IV. С. 7.
[27] Коммунистическая партия Узбекистана Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК ...Том IV. С. 390.

стали монокультура хлопчатника, нарушение научно обоснованного севооборота, истощение земель, нарастающий дефицит водных ресурсов. Следствием этого явились ограничение производства продовольствия и обострение проблемы обеспечения им населения. Подлинным экологическим бедствием для Каракалпакии, всего Узбекистана, всей Средней Азии и юга Казахстана стала катастрофа Арала, для спасения которого требуются неотложные и чрезвычайные меры.[28]

Развитие хлопководства в Узбекистане в советский период, в какой-то мере дало толчок развитию сельского хозяйства Узбекистана, однако, в целом установление монополии хлопка породило негативные явления в социально-экономическом развитии республики, и однобокость развития экономики и определило ее сырьевую направленность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вахабов М.Г. Формирование хлопково-промышленного комплекса в Узбекистане. Ташкент. Узбекистан, 1981.
2. Ирригация Узбекистана. Т. 1. Ташкент. Фан, 1975.
3. Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях съездов и конференций. Ташкент. Узбекистан, 1988.
4. Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Том I. 1925-1937. Ташкент. Узбекистан, 1987.
5. Коммунистическая партия Узбекистана Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Том II. 1938-1959. Ташкент. Узбекистан. 1988.
6. Коммунистическая партия Узбекистана Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Том IV. Ташкент. Узбекистан. 1988.
7. Мустабид тузумнинг Ўзбекистон миллий бойликларини талаш сиёсати: тарих шоҳидлиги ва сабоқлари. Тошкент. Шарқ, 2000.
8. Народное хозяйство Узбекской ССР за 70 лет Советской власти. Ташкент. 1987.
9. Очерки Истории Коммунистической партии Узбекистана. Ташкент. Узбекистан, 1974.
10. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Состав. О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2001.

[28] И. Каримов. Узбекистан на пороге достижения независимости. Ташкент. Узбекистан. С. 140.

Геополитическое значение СУАР в развитии КНР (статья подготовлена на основе материалов, опубликованных в журналах «Китай» и «Контимост»)

Abstarct

The article focuses on the study of the Xinjiang Uyghur Autonomous Region and its strategy of development and assimilation by the Center in the late 20th and early 21st centuries, the natural resources of the region, its access to neighboring countries, socio-economic cooperation and its characteristics, given its geographical location. The methods of analysis and synthesis, induction and deduction, synchronicity, historicism, and structural analysis were used in writing the article.

Keywords: *PRC, reform, western, region, SUAR, Central Asia, white paper, investment, region, autonomous region, airport, agriculture, Tarim, gas fields*

Аннотация.

В статье рассматриваются вопросы изучения Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) и стратегии его развития Центром в конце XX — начале XXI вв., его природных ресурсов, выхода на соседние страны, социально-экономического сотрудничества, а также особенностей, обусловленных его

Ш. И. Шазаманов,

доктор политических наук профессор университета Ренессанс таълим

географическим положением. При написании статьи использовались методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, синкретизма, историзма, структурного анализа.

Ключевые слова: *КНР, реформа, Запад, регион, СУАР, Центральная Азия, белая книга, инвестиции, автономной район, аэропорт, сельское хозяйство, Тарим, газовые месторождения.*

Наблюдаемый в последние годы заметный рост экономической мощи и геополитического влияния Китая справедливо привлекает все более пристальное внимание специалистов и мировой общественности. ВВП Китая по итогам 2024 года увеличился на 5%, достигнув 134,9 трлн юаней ($18,4 трлн). Об этом свидетельствуют данные, которые Национальное статистическое управление КНР обнародовало в середине января 2025 года.[1] По этому показателю КНР занимает второе место в мире, отставая от США.

В 2024 году внешнеторговый оборот Китая достиг рекордных показателей, несмотря на глобальные экономические вызовы и торговые напряжения. Общий объем торговли товарами составил 43,85 трлн юаней (около 6,7 трлн долларов США), что представляет собой значительный рост по сравнению с предыдущими годами.[2] Китай сохраняет за собой статус один из двух ведущих торговых держав мира вместе с США. На протяжении последних лет Китай удерживает мировое первенство по золотовалютным запасам, которые на 1 января 2025 г. составили 3, 22 трлн. доллара. Это почти в твое превосходит показатель идущей второй Японии.[3] Китай выступает как один из главных факторов стабильности мирового валютно-финансового рынка.

Создание в Китае благоприятного инвестиционного климата обеспечивается, прежде всего, стабильностью политической обстановки и курсом на государственное регулирование и гарантии, а также различными преференциями по доступу к дешевым ресурсам, гибкой налоговой политикой. В 2025 году Китай продолжает прилагать усилия для привлечения и эффективного использования иностранных инвестиций. В январе 2025 года объем фактически использованных прямых иностранных инвестиций составил около 13,4 млрд долларов США.[4] Основная причина притока в Китай иностранных инвестиций

[1] https://tvbrics.com/news/vvp-kitaya-vyros-na-5-v-2024-godu/
[2] https://apnews.com/article/china-trade-december-exports-imports-2d3e72e833b-82de057237d7d01d98378
[3] https://tradingeconomics.com/china/foreign-exchange-reserves
[4] https://www.reuters.com/world/china/foreign-direct-investment-into-china-falls-134-yy-january-2025-02-19/?utm_source=chatgpt.com

заключается в политической стабильности, поступательном и быстром экономическом росте, непрерывном улучшении инвестиционного климата и дальнейшем расширении сфер инвестирования.

Достижения Китая на пути преодоления бедности неоспоримы. За годы проведения социальных реформ Китай достиг впечатляющих результатов по снижению уровня бедности в стране, 850 млн чел. переступили черту бедности, из числа бедных были выведены 832 уезда и 128 тыс. деревень.[5] Существенно повысились доходы сельского населения, вырос общий уровень благосостояния граждан. В результате китайского подхода к искоренению бедности страна содействует сокращению бедного населения на 70% во всем мире, или 850 млн чел. Китай ликвидирует хронический голод и становится признанным ООН государством с наибольшим количеством людей в мире, вырвавшихся из бедности

Экономические реформы в Китае ведутся стабильным и последовательным путем. Важный опыт состоит в следующем: во-первых, с точки зрения истории, китайские руководители выбрали верный путь развития страны, разработали правильный стратегический курс и политику реформ и открытости, вели реформы постепенным путем; во-вторых, китайские руководители заимствовали все полезное из опыта экономического строительства у других стран мира (теории управления, концепции различных экономических школ); в-третьих, Китай уважает знания и талант (поощряется привлечение в страну иностранных интеллектуалов и проведение в отношении обучающихся за границей студентов политики «поощряем учебу за рубежом, выезд и возвращение свободны»[6]).

Создание в Китае специальных экономических районов (СЭР) – впоследствии стало стабилизирующей ролью не только в экономике, но также и в политической жизни Китая. Во-первых, в этих районах в комплексе развиваются промышленность, торговля, сельское хозяйство, животноводство, индустрия недвижимости и туризм, а не только торговый бизнес и переработка на экспорт. Во-вторых, в китайских СЭР применяются более либеральные и гибкие методы ради привлечения иностранного капитала. Китай сам в рамках «политики открытых дверей» размещает за рубежом десятки млрд. долл. США.

[5] Бояркина А. В. Борьба с бедностью в Китае в контексте идеи «Сообщества единой судьбы человечества» с 2013–2020 годы // Мировая политика. 2021. № 3. С. 63–82.

[6] Ху Дэпин. Размышления о теории и практике реформы в Китае // Проблемы Дальнего Востока. – 2003. – №3. – С.85.

Создан Инвестиционный фонд с уставным капиталом 200 млрд. долл. США.

Особенности экономического развития западных регионов КНР Вышеуказанные факторы сегодня дали возможность китайскому правительству обратить своё внимание на экономически бедные районы в западных регионах Китая.

Западные районы Китая включают 12 провинций, автономных районов и городов центрального подчинения и занимают общую площадь в 6,85 млн. квадратных километров, составляющую 71,4 % всей территории страны. Численность населения этих районов – 367 млн. человек. Вследствие географических, исторических и социальных причин западные районы пока малоразвиты. Подавляющая часть нуждающегося населения Китая проживает именно в западных районах.

С конца 70-х годов XX века китайское правительство приступило к организации партнерской поддержки западных районов со стороны развитых приморских районов востока страны в целях содействия экономическому и социальному развитию районов нацменьшинств. В 1996 г. были определены партнерские пары: Пекин поддерживает Внутреннюю Монголию, Шаньдун – Синьцзян, Фуцзянь – Нинся, Гуандун – Гуанси, вся страна – Тибет. За 1994–2001 гг. 15 восточных районов, а также министерств и комитетов Госсовета безвозмездно построили для западных районов 716 объектов с капиталовложениями на общую сумму в 3,16 млрд. юаней (здесь и ниже без учета капиталовложений Центрального правительства). За годы десятой пятилетки все регионы страны построят для Тибета 71 объект, общая сумма безвозмездных вложений в которые составит 1, 062 млрд. юаней[7].

В целях гармоничного социально-экономического развития страны китайское правительство уверенно развивает стратегию масштабного освоения западных районов. Последнее время китайская экономика развивается с востока на запад, а наилучшим путем для этого служит международная торговля между Синьцзяном[8] и Центральной Азией. Одним из десяти важнейших проектов в стратегии «Масштабного

[7] Национальная районная автономия в Китае. – Пекин, 2005. – С.34.

[8] В целях дальнейшего внешнего раскрытия, в 1992 г. Госсовет КНР принял решение о предоставлении льгот Синьцзяну в восьми пунктах. Данные меры, в основном, включают в себя открытие Синьцзяна для соседских стран, чтобы Синьцзян стал узлом связи запада и востока, а также активным регионом на современном Шелковом пути, соединяющим Восточною Азию с Центральной Азией и Европой. Одновременно, тесно соединяя денежные средства, технологии, человеческие ресурсы, информацию, способы управления и деятельности и другие преимущества географического положения и природных ресурсов Синьцзяна совместно осваивать рынки Центральной Азии, Западной Азии, вплоть до рынков Восточной и Западной Европы. См.: **Конт мост.** – № 10. – 2007. – **С.10-11.**

освоения западных частей» является «Переброс газа с запада на восток», а его исходная точка находится в Синьцзяне. Общая протяженность газопроводной магистрали на синьцзянском участке составляет 995 км и берет свое начало с нефтяного промысла Луньнань в Таримской равнине, протягиваясь с запада на восток, проходит мимо г. Хами, потом выходит из Синьцзяна. Ежегодно перебрасывает из Таримской равнины в дельту Янцзы природный газ объемом 12 млрд. куб. м.[9]

Стратегия масштабного освоения западных частей Китая идеологически освобождает синьцзянцев и заставляет их осознавать, что только в том случае, когда они повернутся лицом к рынку, то смогут получить шансы на развитие. Если сказать точнее, после распада Советского Союза Центральная Азия оказалась между двумя великими державами. Центральная Азия имеет стратегическое значение для Китая в экономическом, энергетическом, геополитическом и безопасности контексте. Этот регион является важнейшим транспортным узлом. В этом процессе китайское правительство стало осваивать западные регионы Китая. В целом, борьба вокруг «транспортно-коридорных проектов» носит весьма острый характер и ее исход способен сыграть существенную роль в судьбе региона, расположенного к югу от центральноазиатских границ СНГ. Безопасность региона критически важна для Китая из-за соседства с Синьцзяном: Пекин заинтересован в стабильности, чтобы предотвратить распространение экстремизма и поддерживать контроль над западными территориями. Освоение Синьцзяна имеет далеко идущее стратегическое значение не только для судьбы Китая, но и будущего Центральной Азии. С геополитической точки зрения Синьцзян считается крупным промежуточным звеном между Россией и провинциями центральных и южных регионов Китая. Обретя право быть хозяевами своей судьбы, разные народы Синьцзяна смело продвигаются вперед по пути всеобщего развития и сплочения.[10]

С 2000 году 7 уездов (городов) Синьцзяна было внесено в список первых опытно-показательных районов, на чьих пахотных угодьях площадью в 8145 га (и в 10 уездах (городах) площадью в 14000 га), проводится восстановление лесов и лугов. Теперь этот опыт распространяется по всему Синьцзяну, а площадь таких земель составляет 174445 га. Развивается и промышленность автономного

[9] Огромные изменения в Синьцзяне // Конт мост. – № 12. – 2002. – С.15.

[10] В 2002 г. сумма вложений в гидростроительство составляла 2656 млн. юаней и возросла на 1326 млн юаней из средств госбюджета и составляла 1843 млн. юаней. С 2001 г. Госсовет КНР решил ассигновать 10,7 млрд. юаней на комплексное возрождение реки Тарим. Запланировано вложение инвестиций в размере 2 и более млрд. юаней.

района. В Баиньголэн-Монголоском автономном округе и округе Аксу развита отрасль переработки фруктов; используя свои географические преимущества, Или-Казахский автономный округ, Кашгар, Кызылсу-Кыргызский автономный округ и Бортала- Монгольский автономный округ осваивают рынки соседних стран и создают перерабатывающие базы по выпуску экспортных товаров; привлекая мощные предприятия, Алтай и Хами ведут разработку недр, добывают полезные ископаемые. Заместитель председателя Комитета по делам управления пограничным переходом Лю Цзяньлинь сказал: «Этот район сыграет важную роль в содействии торгово-экономическому сотрудничеству между Китаем и странами Средней Азии».[11]

В решении национальной проблемы национальная районная автономия стала в Китае основной моделью и политической установкой, выработанной китайским правительством, которая обеспечивает поддержание стабильности и единства в стране.[12]

Политика развития и освоения запада позволила Синьцзяну стать авангардом развития западных регионов Китая. В этих целях государство стало готовить национальные кадры из СУАР.[13]

Сегодня национальные кадры служат основной силой в деле реализации реформ и открытости и в модернизации всей страны. Они играют важную, незаменимую роль в развитии экономики и общества, в обеспечении политической и социальной стабильности Синьцзяна. Китайские политики хорошо понимают, что внутренняя и внешняя политическая стабильность для КНР – абсолютно необходимые условия успешного развития. Стремление к такой стабильности и определяло до последнего времени усилия по формированию образа Китая и его изучению. Поэтому поводу мы поддерживаем мнение российского ученого Ю. Горянина: «Китай остается одной из самых малоизученных стран мира. Проблема заключается, скорее, в недостаточной информированности мировой общественности и особенно представителей различных элит в мире о том, что происходит в КНР».[14]

Учитывая это, в Китае «для координирования работы над образом страны в 1990 г. при ЦК КПК был сформирован департамент зарубежный пропаганды, а в 1991 г. при Госсовете КНР был образован Информационный центр. В рамках программы формирования имиджа

[11] Чэнь Цзянь. Прекрасен наш Синьцзян // Китай. – №7 (45). – 2009. – С.45.
[12] См. Там же. – С. 43.
[13] См. Там же.
[14] Горянин Ю. Специфика «внутреннего» и «внешнего» образа Китая в начале XXI в. // Проблемы Дальнего востока. – №2. – 2009. – С.25-37.

страны правительство КНР, начиная с 1990-х гг., регулярно выпускало «Белые книги» – официальные правительственные документы на различные темы (права человека, ситуация в Тибете, национальная оборона КНР, экология и окружающая среда)…».[15]

Сегодня для Китая очень важно «продолжать всемерно обретать социальную стабильность, усилить мощь страны за счет кадров, и подготовка, привлечение и правильное использование которых рассматривались как одна из важных задач»[16] . Подбор лучших кадров из молодых актуален для совершенствования кадровой структуры, сообщил в интервью Ли Кан, заместитель заведующего Орготделом Комитета КПК Куньмина. Ли Кан считает, «что молодые кадры имеют очевидные преимущества в том числе высшее образование, широкий кругозор, хорошее идеи и предложения, они обладают духом творчества, новаторства и стремлением идти вперед, легко принимают все новое».[17] «Китаю необходим гармоничный мир, чтобы тот создал благоприятную внешнюю среду для развития, а также принес пользу народам всего мира».[18]

Синьцзян для Китая имеет не только экономическое, но и политическое значение. Важно не упускать из виду политическую логику китайского руководства. Главная задача КПК – сохранить власть. Поэтому КПК видит основную гарантию сохранения своей власти в обеспечении социальной стабильности для обеспечения быстрого экономического роста. В условиях глобализации, и это тоже понимают в Пекине, экономический рост невозможен без интеграции в мировую экономику. Именно поэтому в последние два-три года Китай перешел от политики «открытости» мировому рынку к политике интеграции в мировую экономику.[19]

Возможно, эти процессы западного характера экономического развития Синьцзяна в будущем дадут Китаю свои плоды. Если региональная экономическая интеграция не может эффективно развиваться без соответствующей политической системы регулирования и наднациональной власти,[20] то мы можем предположить, что политическая система КНР в последнее время тоже претерпела много

[15] См. Там же. – С. 31–32.
[16] Контимост. – № 4. – 2003. – С. 6.
[17] Контимост. – № 8 (46). – 2009. – С. 44.
[18] http: // WWW.joshuaramo.com/pdf/Brand-China. Pdf.
[19] Михеев В. Треугольник Россия – США-Китай после 11сентября // Проблемы Дальнего Востока. – №1. 2002. – С. 25–26.
[20] Тухарев Л.И. Политические компоненты развития Евросоюза // Мировая экономика и международные отношения. – №3. – 2003. – С. 23.

изменений. Когда речь идет о геополитике, здесь должна учитываться специфика экономического развития Китая. С этой точки зрения изучение отрасли авиаперевозок Синьцзяна для государств региона Центральное Азии представляет большой интерес.

По своему географическому расположению Урумчинский находится на Дивопу – северо-западной окраине г. Урумчи, на расстоянии 16 км от городского центра. В июле 1970 г. Госсовет утвердил расширение аэропорта. В 1973 г. он был построен и открыт во внешний мир. После открытия во внешний мир он стал запасным аэропортом международных авиалиний, связывающих Китай со странами Европы. Открыта туристическая чартерная авиалиния Урумчи – Чунцин – Гонконг. В 1994 г. еще раз была начата работа по реконструкции и расширению урумчинского международного аэропорта, в которую государство вложило инвестиции в сумме 19530 млн. юаней. Взлетно-посадочная полоса – в 3600 + 40м. Западная стоянка – в 56715 кв. м, на ней можно расположить 8 самолетов крупного и среднего класса. Восточная стоянка – в 51675 кв. м, на ней можно уместить 9 самолетов крупного и среднего класса. Здание управления воздушным движением занимает площадь в 5653 кв. м, его башня имеет высоту в 47 м., аэровокзал занимает площадь в 47800 м. вступил в эксплуатацию в октябре 2001.[21]

Отрасль авиаперевозок играет все большую роль в стимулировании развития экономика Китая, стран Центральной Азии и других стран. Синьцзяне работают 44 авиакомпании на 144 международных и внутренних рейсах. Отрасли гражданской авиации Синьцзяна инвестировано 3,17 млрд. юаней. Урумчи за исключением столицы Пекина и города центрального подчинения Шанхая это единственный город на территории Китая, между которым и Москвой имеется регулярный беспересадочный рейс самолета. Хотя синьцзяно-российская граница составляет только 54,7 км., но Синьцзян все же хочет с Россией создать удобные пути – сухой и воздушный. Москва обладает огромной сетью воздушных линий, которая охватывает Восточную Европу, Западную Европу и Северную Африку. Воздушный путь из Европы в Восточную Азию, Юго-Восточную Азию с пересадками в Москве и Урумчи – это оптимальный путь сообщения. Этот рейс соединяет города западного региона Китая с Россией и Европой.

Международный аэропорт Урумчи является одним из пяти авиационных ворот Китая (первоначально в Китае существовало три

[21] Ван Чзуцин. Воздушно-транспортный переход Урумчинский международный аэропорт // Контимост – №12. – 2002. – С. 40–42.

крупных международных авиационных узла – Пекин, Шанхай, Гуанчжоу. Государство, исходя из структуры развития авиационной отрасли, добавило еще два международных авиационных узла, это Юннань – Кунминь и Синьцзян – Урумчи) и является единственным авиационным КПП Синьцзяна. Аэропорт Урумчи имеет 7–8 прямых международных рейсов, но в будущем планируется все больше международных рейсов. Из него выполняются рейсы в Бишкек, Алматы, Ташкент, Исламабад, Новосибирск и др. зарубежные и китайские города. В настоящее время Синьцзян имеет 14 построенных аэропортов, и является регионом с самым большим количеством аэропортов в Китае. Синьцзянские авиарейсы могут напрямую связать с любым регионом Китая. При поддержке и льготной политики Госсовета, Синьцзян предложил себя в качестве «опорного пункта» развития запада Китая.

В 1999 г. Центральное правительство приняло важное решение об осуществлении политики освоения запада, что предоставило редкую историческую возможность для развития Синьцзяна. С развитием местной экономики Синьцзяна проявляется важное положение импортно-экспортной торговли Синьцзяна в развитии Китая на запад. С этой точки зрения изучение современного положения Синьцзяна для Центральной Азии имеет научное значение. Так как, Синьцзян одним из первых начал развивать экономику Китая в западном направлении. Синьцзян – надежный форпост экономического развития и обмена на Евразийском континенте. Эти факторы стимулируют Синьцзян развивать свое преимущество, существовавшее еще с древних времен[22]. С точки зрения грузопотока Синьцзян также является удобным узлом. Пересекая северное полушарие можно транспортировать груз и в Канаду, и в Америку, также в крупные города Северной Америки.[23]

В последние годы как китайские, так и зарубежные предприятия, ускорили шаги в развитии виноградарства и виноделия в северо-западных районах Китая. Например, Цзюцюаньское металлургическое объединение создало в провинции Ганьсу винодельный завод, который в 2007 г. выпустил 10 тыс. т. вина, в то же время таиландские бизнесмены единовременно заказали в Нинся 50 тыс.кг. винограда.

[22] В настоящее время, экономика Китая в целом, уже развита, объем ВВП неуклонно растет. В структуре центральноазиатского региона произошли большие изменения: страны этого региона на сегодняшний день разрабатывают каждая свою модель развития. В результате этих основных факторов, а также благодаря тому, что политический барьер стран центрально-азиатского региона был разрушен, появилась возможность в ускоренном темпе развивать экономику стран этого региона. Первым шагом является установление взаимосвязей между регионами и странами. Более 70 % объема торговли и Китая со странами Центральной Азии сосредоточено в Синьцзяне. Торговля Китая и Казахстана также на 80% сосредоточена здесь.

[23] **Контимост**. – № 10. – 2007. – **С.10 -11.**

Западные районы Китая, где имеются обширные территории и сухой климат, стали важными базами по производству свежего винограда, вина и изюма. По данным на конец 2004 г. общая площадь виноградников в 10 западных провинциях и автономных районах страны достигла 15, 77 млн. га, совокупный сбор винограда составил 1,81 млн. тн, выпуск вина – 550 тыс.тн. Кроме того, в западных районах также производится большой объем изюма. Турфанский [24] изюм славится как в Синьцзяне, так и во всей стране, и за рубежом.[25] Из 1000 сортов винограда, которые известны в мире, более 600 выращиваются в Турфане. Ежегодно с 26 августа и до середины октября в Турфане проходит Фестиваль винограда. В Синьцзяне общая площадь виноградных плантаций составляет более 70 тыс. га. В Турфане виноградники занимают площадь более 40 тыс. га. Знаменитые синьцзянские дыни, арбузы и груши также славятся не только в Китае, но и далеко за его пределами.[26]

В 2008 году объем экспорта фруктовой продукции Синьцзяна достиг 44,335 млн. долл. США и увеличился на 30,1 % по сравнению с 2007 г. В том числе экспорт свежих фруктов составил 36,566% млн.долл. США, что на 27,7% больше, чем в 2007 г., а экспорт переработанных фруктов составил 8,041 млн. долл. США, что на 42,3%, больше, чем в 2007 г. В основном продукция экспортируется в Казахстан, Кыргызстан и Россию.[27]

Еще в 2006 году Объединенная Группа «Хуадянь» стало осуществлять программу по ветросиловой выработке электроэнергии мощностью в 2 млн. кВт/час в городе Турфан. Общее капиталовложение составило 1,5 млрд. юаней для выпуска тока в 40 тысяч киловатт в год. Объединенная группа «Хуадянь», являясь одним из 5 крупнейших в Китае объединений электроэнергии, работает в Синьцзяне. Ветровой район Сяоцаоху находится в пустыне, площадь этого района занимает тысячу кв. км. Ветровые ресурсы составляет 10 млрд. кВт/час в год. Здесь можно создать ветровые электроблоки общей мощностью в 2 миллиона

[24] Турфан, который находится в 180 км от административного центра Синьцзян, известен как родина сладкого винограда. Турфан имеет 4 особенности. Первое, это самое жаркое место в стране. Максимальная температура воздуха летом достигает +47,7 градуса по Цельсию. Земля накаляется до +75,8 градуса. Второе, Турфан – самое сухое место в стране. Годовая норма осадков не превышает 16 мм. Здесь очень редко идут дожди. У многих местных жителей дома вообще нет зонта от дождя, и лишь немногие женщины ходят с зонтами от солнца. Третье, способствует особое географическое положение и климат (солнце и отсутствие дождей). В Турфане более 200 дней в году светит яркое солнце. Четвертое, это самый низкий город Китая, он расположен в Турфанской впадине глубиной 154 м ниже уровня моря. Это второе (после котлованы Мертвого моря в Израиле) самое низкое место в мире.

[25] Развитие виноградарства и виноделия в северо-западном Китае // Контимост. – № 1. – 2007. – С. 17.

[26] См. Там же.

[27] Контимост. – № 9. – 2008. – С. 6.

киловатт электричества.[28]

Реализация стратегия масштабного освоения Западного Китая началась в 2000 г[29]. Согласно «Государственной программе по упорядочению земельных ресурсов страны» оазисный район подножия горы южной и северной части Синьцзяна определен одним из шести главных под освоение долины реки Или. Это одна из семи государственных программ по освоению и упорядочению земельных ресурсов.

Долина реки Или[30] осваивается с целью увеличения потенциала посевных полей, которые охватывают семь уездов в долине и несколько колхозов 4-й дивизии Производственно-строительного корпуса Синьцзяна, общим масштабом в 73100 гектаров с ассигнованием Министерства земельных ресурсов в 12,926 млрд. юаней. Общее ассигнование в 5,68 млрд. юаней будет направлено на реализацию 14 показных объектов по упорядочению земель в уезде Гунлю (Яньшар) и Чабучар-Сибойском автономном уезде. Во второй половине 2006 года начинались 9 показных объектов, они закончились к концу следующего года, а остальные 5 объектов, по сообщению Министерства земельных ресурсов, были ратифицированы до 30 января 2007 г.[31]

На ближайшие 5 лет в Синьцзяне намечено создать три крупные базы стройматериалов: крупнейшая на Северо-Западе Китая торговая база по производству каменных стройматериалов; база по производству санитарной керамики для вывоза в Центральную Азию и крупнейшая на Северо-Западе Китая база по производству химических стройматериалов.

Для переработки каменных материалов и торговли созданы 6 производственных баз в городах Шаньшань, Хами, Хошо (Хошуд), Урумчи, Алтай и Толи, в которых к 2010 году изготовлено каменных плит на 25 млрд. юаней. А в городах Вэньсу, Эминь (Дурбульджин)[32], Или (Кульджа), а также в новом районе Мидун построены базы по производству санитарной керамики. В 2010 году выпущены керамические плиты в

[28] Контимост. – № 6. – 2006. – С. 22.

[29] Китай будет уверенно развивать стратегию масштабного освоения западных районов страны // Контимост. – № 6. – 2004. – С. 38.

[30] Кульджа (по кит. Инин) – центр Или-Казахского автономного округа Синьцзяна. В Или-Казахском автономном округе Синьцзяна проживает 4 млн. 408 тыс. человек, представители тринадцати национальностей. В этом округе функционируют двуязычные садики и школы. У жителей Синьцзяна прекрасные способности к изучению языков. Почти все они говорят на китайском, уйгурском, казахском языках и на своем родном языке. Кроме того, в школе учат английский язык. // Дыхание Китая. № 3 (7)2009. Стр.6.

[31] Контимост. – № 6. – 2006. – С. 18.

[32] По статическим данным в районе Эминэ (СУАР) проживает 26 тыс. казахов, что составляет более 60% населения всего уезда. См.: Контимост. – 2006. – № 6. – С. 47.

объеме 100 млн. кв. метров и 1200 тысяч штук санитарной керамики, стоимостью в 1,5 млрд. юаней. В городе Душаньцзы построен нефтеперерабатывающий завод, ежегодно выпускающий миллион тонн этилена и другое сырье для изготовления эпоксидной смолы и синтетического каучука. В 2010 году выпустили годовой продукции объемом 400 тысяч тонн и стоимостью в 5 млрд. юаней.[33]

Синьцзян станет одним из самых крупных производителей коконов на экспорт. За годы одиннадцатой пятилетки в Китае будет создано 200 экологических баз шелковичных коконов с передовой технологий разведения, с сетью рыночного обслуживания, и площадью каждой свыше в 10 тысяч му (667 гектаров), образуя 9 больших регионов по экспорту коконов, в том числе, провинция Гуанси, провинции Юньнань – Гуйчжоу, Шэньси – Ганьсу – Нинся, Цзянси – Аньхой, Хунань – Хубэй, Хэнань – Шаньси, Сычуань – Чунцин, Синьцзян и Ляонин – Цзилинь – Хэйлунцзян. Министерство коммерции выдвинуло установку «переброса шелководства с востока на запад» и поддерживает развитие шелководства в центральных и западных районах, чтобы повысить доход у крестьян, проживающих в этих районах.[34]

СУАР расположен на северо-западе Китая, занимает 1/6 площади всей страны, а его столица – Урумчи занесена в Книгу рекордов Гиннеса, как самый удаленный от моря крупный город в мире (ближайшее побережье мирового океана в 2500 км от Урумчи). Синьцзян – самая большая по площади административная единица Китая. Кроме того, имеет самую протяженную сухопутную границу, длина которой составляет 5699 км. Граничит с 8 странами: Монголия, Россия, Кыргызстан, Таджикистан, Афганистан, Пакистан, Индия. В Синьцзяне проживают представители 47 национальностей.[35] По сути, это район большой стыковки между рынками внутреннего Китая и соседних стран. Второй на континенте азиатско-европейский мост пересекает СУАР. Кроме того, строятся китайско-кыргызская, китайско-казахстанская железные дороги.[36]

Синьцзян-Уйгурский автономный район Китайской Народной Республики является одной из основных сырьевых зон КНР. Синьцзян – это важная база по выращиванию хлопка. На плантациях Синьцзяна собирают треть всего хлопка страны. Кроме того, здесь выращивают

[33] Контимост. – 2006. – № 6. – Ср. 18.
[34] См. Там же. – С. 22.
[35] Синьцзян – лучше один раз увидеть //Дыхание Китая. – №3 (7). – 2009. – С. 4.
[36] Общая площадь будущего Китайско–казахстанского международного центра пограничного сотрудничества составляет 5,28 кв. км. Из них китайская часть занимает 3,43 кв.км, казахстанская – 1,85 кв. км. См.: Китай. – № 11(37). – Ноябрь 2008. – С.9.

хмель, пшеницу и лаванду[37]. Достаточно сказать, что на его территории находятся 40% запасов всего угля страны, освоено месторождение на 2,5 млрд. тонн нефти, добыча которой к 2010 году составила порядка 45 млн. тонн в год. По представленной программе в 2005 году в Синьцзяне было добыто 11млрд. кубов природного газа, что превратило его в крупнейшую в стране базу по его выпуску. По предположению специалистов, объем газа составил более 10 триллионов кубов, или одну четверть от общего объема в стране. К настоящему моменту обнаружены запасы природного газа объемом в один триллион кубов, таким образом, Синьцзян в списке четырех богатейших в Китае месторождений природного газа – Эрдос (Внутренняя Монголия), Сычуань, Чунцин и Цинхай[38].

Было сдано в эксплуатацию крупнейшее в Джунгарской долине газовое месторождение Мохэ. В настоящее время здесь ежедневно добывают 1,5 млн. кубометров природного газа. С разработкой газового месторождения Хутуби, газовой скважины №5 и Мохэ, Джунгарская долина становится важным объектом энергоснабжения Китая, где добываются и нефть, и природный газ.[39]

С 11 апреля 2005 г. на территории впадины Тарим[40] в южной части Синьцзяна началось строительство трех газовых месторождений, разведанные запасы газа и нефти которых составляют 22,7 млрд. кубометров и 9,82 млн. тонн. Согласно плану здесь оборудованы 23 скважины, с объемом добычи в 1,1 млрд. кубометров газа и 280 тыс. тонн сырой нефти в год. Разведанные запасы в Таримский впадине[41] в общей сложности составляют 657,9 млрд. кубометров, что может обеспечить поставки газа на восток страны в течение предстоящих 30 лет.[42] Кроме того, идет интенсивное строительство главного газового месторождения в Синьцзяне – «Кэла-2» с разведанными запасами 284

[37] Синьцзян – лучше один раз увидеть //Дыхание Китая. – №3 (7). – 2009. – С. 4.

[38] Синьцзян станет богатейшим в стране районом по выпуску природного газа // Контимост. – № 3. – 2005. – С. 21.

[39] Китай. – №1 (27). – 2008. – С.5.

[40] См. Ань Сыго. Неутомимый изыскатель по таримской впадине // Контимост. – №5. – 2006. – С. 21–27.

[41] В эксплуатацию введено современное шоссе от уезда Жоцян (Чарклык) до Миньфэн (Ния), образовалось дорожное кольцо, которое окружает огромную впадину Тарим площадью в 560 тысяч кв. километров. Общее ассигнование составило один миллиард юаней. Испокон веков люди называли Такламакан как «вход без выхода». В 1995 году было построено пустынное шоссе от Луньтай (Бугур) до Миньфэн, а через десять лет начали строить второе шоссе, которое пересекает Такламакан от города Арал до Хотан, образуя огромную дорожную сеть на этой многовековой пустыне. Совместная экспедиция из НИИ экологии и географии Всекитайской Академии наук, НИИ археологии Синьцзяна, Французского НИИ Средней Азии (из Французского исследовательского Центра UVR 7041) провела исследование на нижнем течении реки Керия и вокруг древнего городища Юаньгу, где были обнаружены останки более 98 видов диких животных, в том числе, и останки синьцзянского тигра, который исчез в Синьцзяне давным-давно. // См.: Контимост. – № 1. – 2005. – С.19.

[42] Там же.

млрд. кубометров.[43] Район переживает период бурного экономического роста, привлекающий сюда много переселенцев из других регионов Китая, особенно ханьцев. Сегодня численность населения СУАР превысила 19 млн человек.[44]

В последнее время Китайская национальная нефтегазовая корпорация (КННК) активно помогает государству проводить нефте- и газо- трубопроводов в бедных регионах Китая. Например, в 2006 г. корпорация КННК[45] посадила вдоль автомагистрали, проложенной в пустыне зыбучих песков Такла-Макан в Таримской впадине, лесополосу длиной в 436 км и шириной 72-78 м. Залежи природного газа в пустыне Такла-Макан стали достоянием народа, а шоссе в пустыне превратилось в важную транспортную магистраль в южной части Синьцзяна. Уже 15 лет, как КННК оказывает помощь бедным уездам Нилки, Цзимунай и Цинхэ, а также Сибоскому автономному уезду Чапчал и казахскому автономному уезду Баликунь. В 2008 г. КННК выделила 1,290 млн. юаней на благотворительность и общественные нужды. Это позволило переселить большое число семей из района строительства гидроузла Санься и решить экономические проблемы Синьцзяна, Тибета и провинции Хэнань. Всего КННК выделила на нужды бедных районов Синьцзяна и Шунаху (Тибетский автономный район) 38 млн. 830 тыс. юаней[46].

Собственные богатые ресурсы полезных ископаемых и запасы недр мирового уровня в соседних странах представляют экономический интерес для Китая. Например, за прошедший 2004 год ассигнования для прокладки шоссе в сельских районах Синьцзяна составили 2,57 млрд. юаней, что в 4 раза больше, чем в 2003. Сведения Департамента транспорта СУАР показывают, что в 2004 году построены новые шоссе протяженностью 6500 км, которые улучшили транспортные условия для 87 деревень и ведут в 257 деревень. Прибавилось 596 деревень, куда ведет асфальтовое шоссе, что приносит пользу и удобство более чем 2,5 млн. человек. Но до сих пор остается еще 680 административных сел и 3 уездных поселков, куда шоссе еще не проложено.[47]

---

[43] Там же.

[44] Контимост. – № 1. – 2005. – С.12.

[45] Крупнейшая нефтегазовая компания Китая с долевым участием государства, составлявшим 100%. В настоящее время в ней работает 1,58 млн. сотрудников. В 2008 г. КННК заняла 25-е место в рейтинге 500 крупнейших предприятий мира и 5-е место среди мировых производителей нефти.

[46] См. Там же.

[47] Контимост. – № 3. – 2005. – С. 20.

СУАР имеет важное значение в качестве транспортного узла на пути на Запад, в Среднюю, Западную, Южную Азию и Европу. В 2007 году товарооборот между СУАР и Казахстаном,[48] Кыргызстаном, Россией, Пакистаном и Таджикистаном составил 11,61 млрд. долларов (84,7 % внешнеторгового оборота района)[49].

Несомненно, китайско-казахстанский международный центр приграничного сотрудничества станет катализатором для процесса продвижения СУАР на запад. Он поможет Китаю освоить центральноазиатский рынок с населением 60 млн. человек и постепенно закрепиться на западно-азиатском и европейском рынках[50]. Для развития транспортного сообщения с центральным Китаем железная дорога Пекин – Цзинхэ соединится с городом Инин, а потом с Хоргосом[51]. «Локомотив» Синьцзян соединяет более 800 ведущих предприятий базы в дельте рек Янцзыцзян и Чжуцзян и может выйти на рынки Центральной и Западной Азии.[52] Это тоже одно из преимуществ СУАР.

Общая площадь китайско-казахстанского международного центра приграничного сотрудничества Хоргос составляет 5,28 кв. км. из которых китайская часть занимает 3,43 кв.км, а казахстанская 1,85 кв.км. В 2006 г. Китай инвестировал в проект 1,46 млрд. юаней. КПП Хоргос расположен в уезде Хочэн Или-Казахского автономного округа. Он соединяет западный Китай со странами Центральной Азии. Для увеличения масштабов торговли в 2007 году было принято решение вложить 600 млн. юаней в создание Международного центра приграничного сотрудничества – Хоргос. На его строительство ушло два года.

В настоящее время в Хоргосе создается крупнейший в Центральной

[48] Протяженность общей границы между Казахстаном и КНР составляет 1700 километров и все они приходятся на СУАР. В Казахстане работают более 100 совместных компанией и предприятий, а объем импорта углеводородов в Китай вырос на 13 процентов.

[49] Китай. – № 11(37). – Ноябрь 2008. – С.11.

[50] Там же.

[51] КПП Хоргос является крупнейшим транспортным узлом в северо-западном регионе Китая. Хоргос еще во времена династий Суй (581-618 гг.) и Тан (618–907 гг.). Хоргос был крупной почтовой станцией на Великом шелковом пути. После заключения Договора об Илийском крае между Китаем и Российской империей в 1881 году в Санкт-Петербурге, Хоргос стал официальным торговым портом между Китаем и Россией. После образования КНР он вступил в новую эпоху. С 2003 года грузооборот КПП Хоргос увеличивался на 20 % в год. В настоящее время его пропускная способность достигла 2 млн. тонн. товаров и 3 млн. человек. Он находится в 670 км от Урумчи, административного центра СУАР и в 378 км от Алма-Аты, экономического центра Центральной Азии. Через Хоргос товары отправляются в Россию, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Узбекистан и Таджикистан. К настоящему времени, в основном, завершилась прокладка одной из дорог – 4395-километровой дороги, связывающей г. Лянюньган с КПП Хоргос на китайско-казахстанской границе. Магистраль проходит через 10 провинций и автономных районов Китая с населением почти 400 млн человек. Вторая магистраль берет начало в Шанхае и через города Хэфэй (пров. Аньхой и Сиань (пров. Шэньси) проходит к КПП Хоргос. В частности, на участки Сиань – Хэфэй строится 18 километровый тоннель // Контимост. – № 6. – 2004. – С. 39.

[52] Контимост. – № 6. – 2006. – С. 19.

Азии Международный торговый центр. На территории Международного центра приграничного сотрудничества работает большой рынок. Здесь открыты бизнес-центр, комфортабельные гостиницы и рестораны. В отношении предприятий, работающих на территории Международного центра приграничного сотрудничества, действует льготная политика. Хоргос – это не только КПП на китайско-казахстанской границе, но и красивый городок. Ежегодно сюда приезжает более 300 тыс. туристов из Казахстана.[53]

В 2008 году завершена железная дорога «Цзинхэ – Инин - Хоргоз». Она была начата еще в 2004 году и проходит от железнодорожной станции Цзинхэ по железной дороге «Синьцзян – Ланьчжоу», через территорию Или- Казахского АО до пограничного пункта Хоргос. Она стала первой в Синьцзяне электрической железной дорогой.[54]

На территории Казахстана в десяти километрах от центра строится международный аэропорт.[55]

Кроме того, Китай принимает активное участие в строительстве за пределами страны, например дороги, ведущей из г. Кашгар[56] на западе Синьцзяна в Ташкент через Кыргызстан. Протяженность этой дороги на территории Китая составляет 234 км, кыргызский участок – 280 км и узбекский – 445 км. Китай через Кашгар разрабатывает многолинейный туристический маршрут. Опираясь на преимущество «5 выходов в 8 стран и дорогой, объединяющей Азию и Европу» Кашгар планирует открыть многолинейный туристический маршрут для развития и расширения туристической отрасли Кашгара. Разрабатываются следующие маршрутные линии: Кашгар – Хунчжа – Гиргит, Исламабад (Пакистан), Кашгар – Хорог – Душанбе (Таджикистан), Кашгар – Иссыкуль – Ош – Бишкек (Кырыгзстан).[57]

В Синьцзяне начато строительство независимого КПП Карасу. Планируемый объем ежегодного товаро-потока данного КПП 300 тыс.

[53] Синьцзян – лучше один раз увидеть//Дыхание Китая. – №3 (7). – 2009. – С. 6.
[54] Контимост. – № 6. – 2006. – С. 23.
[55] Контимост. – № 8. – 2008. – С.6.
[56] Кашгар – древний город на самом крайнем западе Китая. В описании путешествия Марко Поло (1298 г.) было так описано: «Это восточный Каир, где горы товаров, а людей как пчел». Теперь на фоне глобализации экономики и масштабного освоения западных районов страны заметно наблюдается платформенная роль Кашгара, который расположен по середине центрально- и южноазиатской экономических зон. «Кашгар играет незаменимую» роль моста в структуре открытости Китая в Центральной, Южной и Западной Азии. Граница протяженностью 888 км, соседство, как Кыргызстан, Таджикистан, Афганистан, Пакистан и Индия. Наличие таких пяти открытых внешнему миру КПП, как Хунцирап, Тургат, Еркештан, Карасу и международный аэропорт Кашгар – все это создают Кашгару оригинальные географические преимущества, открывая путь в евразийские страны. См.: **Контимост**. – № 6. – 2005. – С. 5.
[57] Контимост. – № 9. – 2008. – С.6.

тонн, ежегодный человеко-поток – 45 тыс. человек. Завершение этого строительства стимулирует китайско-таджикские торговые контакты и сократит транспортировочное расстояние из Китая до Афганистана. Путь из Китая до Афганистана через Таджикистан будет короче на 600–700 км, чем расстояние из Китая до Пакистана.[58] Сегодня в Афганистане проживает 5 млн. таджиков. Это второй по численности афганский этнос (20% населения). Таджики – мусульмане-сунниты – традиционно в Афганистане составляют интеллектуальную элиту, поэтому их влияние в стране велико. Живут, в основном, в провинциях Бадашхан, Тахор, Герат, Джуазджан, Саманган, Балх, Кундуз, а также в Панджшерском ущелье и в долине Шамоли. Основной язык, на котором говорят афганские таджики – дари. Язык близок к иранскому фарси, а в северо-восточных регионах – к таджикскому языку.[59] На Памире и в долинах рек Пяндж и Кунар проживают шугнанцы, ишкашимцы, ваханцы и мунджанцы. Их общая численность – несколько десятков тысяч человек.[60] На юго-западе КНР (в СУАР) находится таджикский автономной округ – Ташкурган, который являлся с древних времен родиной таджиков. Таджики веруют в ислам, они (китайские таджики) принадлежат к группе исмаилитов – приверженцев мусульманской шиитской секты.[61] Это тоже поможет Китаю в будущем в рамках ШОС наладить свои стратегические отношения с Таджикистаном и Афганистаном, а также сблизиться с Ираном. В последнее время идет «восстановление экономики Афганистана, разрушенной в результате десятилетий вооруженных конфликтов на территории страны. Необходимы внешние инвестиции в экономику, прежде всего, для восстановления инфраструктуры, и в решении этих проблем большую роль могут сыграть Россия, Индия и Китай, в том числе, осуществляя совместные трехсторонние проекты с целью экономического возрождения Афганистана».[62] По мнению российского ученого В.Г. Коргуна (ИВ РАН) помощь КНР в восстановлении афганской экономики пока невелика по объему, но имеет тенденцию к росту. Центрально-азиатские государства крайне заинтересованы в развитии связей с Афганистаном, но сделать это без участия третьих сил они не в состоянии из-за ограниченности финансовых и капитальных

[58] Контимост. – № 8. – 2008. – С. 6.

[59] Ливен Анатоль. Правительство в Кабуле будет подпирать лишь американская военная мощь // Известия. – 28 ноября 2001. – С. 122–123.

[60] См. Там же.

[61] Контимост. – № 12. – 2005. – С.52.

[62] Титаренко М., Бергер Я., Портяков В., Уянаев С., Шаумян Т. 8-я встреча ученых России, Индии и Китая // Проблемы Дальнего Востока. – №2. – 2009. – С. 23.

ресурсов.[63] Но такой грандиозный план реализовать на практике нет возможности. Здесь надо учитывать интересы стран Центральной Азии, России и ведущих стран Запада, которые всё больше проявляет интерес по Афганистану.

«Богатые нефтересурсы в Центральной Азии привлекают энергетические гиганты Китая. Например, если годовая добыча нефти в Каспийском море будет составлять 200 млн. тонн, то нефть запасы будут использоваться 150 лет…. Страны Центральной Азии богаты природными ресурсами, которые еще не освоены. А Китай страдает недостатком ресурсов. Поэтому есть все основания для развития Алашанькоу, как западного начала китайского участка трансконтинентальной железнодорожной магистрали»[64]. 30 июня 2008 года в узбекском южном городе Бухара началось строительство центрально-азиатского газопровода. Это первый транснациональный канал Китая по прокачке природного газа по суше. Этот трубопровод, проходящий по территории Туркменистана, Узбекистана, Казахстана соединится с двумя внутри-китайскими линиями (из КПП Хоргос до Гуанчжоу на юге и до Шанхая на востоке) и станет самым длинным в мире высоко стандартным трубопроводом природного газа. По центральноазиатскому трубопроводу, в основном, будет проходить туркменский газ. Предполагается односторонняя прокачка. После завершения всех работ, каждый год в течение 30 лет из Центральной Азии в Китай будет транспортироваться около 40 млрд. кубометров природного газа, что равняется половине объема природного газа, производимого в Китае.[65] Т.е. каждый год будет поставляется приблизительно около 1,3 млрд. кубов. «…компания AREVA заключила Соглашение о международном сотрудничестве в области строительства объектов атомной электроэнергетики в Казахстане, Узбекистане и других странах мира. Китайская гуандунская ядерно-энергетическая корпорация (КГЯЭК) по использованию урана в атомной технике получила лицензию на импорт и экспорт ядерного топлива».[66]

Китайско-казахстанский международный центр приграничного сотрудничества является примером многостороннего сотрудничества в рамках ШОС, который показывает, как политика ШОС реализуется в развитии региональной экономики и упрочении обменов и

[63] Белокреницкий В.Я., Жигалина О.И., Мамедова Н.М., Ульченко Н.Ю. Исламский фактор в истории и современности // Восток. – № 2. – 2009. – С. 137.
[64] Алашанькоу–Центральноазиатский энергетический проход // Контимост. – № 1. – 2007. – С. 16.
[65] Контимост. – № 8. – 2008. – С. 6.
[66] Тан Тао, Се Чжихуа. Новый виток развития КГЯЭК // Китай. – № 11. – 2009. – С.41.

сотрудничества в торговле. Китайские золотодобывающие компании осваивают кыргызстанское золото. Комитет по развитию и реформам КНР утвердил золотодобывающую акционерную компанию «Линбао» для инвестирования работ по освоению кыргызстанского месторождения золота «Истанберди». Площадь освоения составляет 1,82 кв. км, запасы и ресурсы золота – примерно 23,48 тонн, а разведывательная площадь 8 кв. км.[67]

Сотрудничество Китая со странами-членами Шанхайской организации сотрудничества в области автодорожного транспорта ведется с начала 90 – х годов. В настоящий момент в Синьцзян-Уйгурском автономном районе действуют более 10 КПП для трансграничного автодорожного транспорта и 50 с лишним маршрутов пассажирских и грузовых перевозок. Кроме того, Китай подписал с центрально-азиатскими странами ряд соглашений о транспортных перевозках. Китай и Казахстан учредили механизм сотрудничества в рамках Подкомиссии по сотрудничеству в области транспортных коммуникаций. Как сообщается, транснациональный нефтепровод общей протяженностью в 962,2 км. соединит Атасу (Казахстан) с китайским пограничным пунктам Алашанькоу в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Проектная пропускная способность нефтепровода составила 20 млн. тонн нефти в год, на первом этапе ежегодно по нему будет поставляться в Китай 10 млн. тонн нефти. К настоящему времени на территории Китая завершена прокладка нефтепровода Алашанькоу – Душаньцзы, протяженностью 252 км [68].

В рамках ШОС также сформирован механизм регулярных встреч министров коммуникаций. Дальнейшее сотрудничество за счет развития транспорта очень актуально для Китая и центрально-азиатских стран. С одной стороны, Китай предоставит внутриконтинентальным странам выход к морю, с другой стороны, через территорию этих стран получит выход в Европу. Китай еще 4 года тому назад построил газопровод в Казахстане. Данный газопровод, соединивший нефтегазовое месторождение Жанжал (Актюбинская область, запад Казахстана) с международным магистральным газопроводом «Бахара-Урал», позволит транспортировать через территорию России попутно добываемый газ из месторождения на международный рынок. В строительство газопровода протяженностью 150 с лишним км и проектной пропускной способностью 5,2 млрд. кубометров газа в год китайская сторона

[67] Контимост. – № 9. – 2008. – С. 4.
[68] Китай. – № 6. – 2006. – С. 43.

инвестировала 120 млн. долларов США.[69] Китай, начиная с 2003 года, стал вторым в мире крупным потребителем нефти, сегодня он догоняет Японию и является крупнейшим в мире импортером нефтесырья.[70]

Еще в 2004 г. на «III Международном Форуме об экономическом сотрудничестве и научно-техническом развитии между алтайскими районами Китая, России, Казахстана и Монголии» было выдвинуто совместное заявление о том, что страны будут учреждать официальную палату по координации и сотрудничеству в областях науки и техники, экономики и торговли и туризма[71].

В эти годы Китай и Россия заключили договоры по 156 проектам высоких технологий. В 2007 году общая сумма торговый оборот между двумя сторонами достигла 48 млрд. долл. США, увеличившись на 40–48%. В настоящее время Китай – 3-й торговый партнер России, а Россия для Китая – 7-й партнер, особенно в области науки и техники.[72]

Раньше экономика Синьцзяна была закрытой, для развития которого необходимо было построить отношения с восточными регионами страны, продавая ресурсы. Так как население Синьцзяна немногочисленно, то рыночный спрос и возможность продаж был ограничен. Сейчас на западе Китая через Синьцзян проложена дорога, ведущая в Евразию.

На сегодняшний день Синьцзян установил торгово-экономические отношения со 140 странами. В Синьцзяне уже открыто более 17 КПП. Центральной Азии открыто 14 КПП.

С 25 апреля 2008 года открылось железнодорожное и морское сообщение между Урумчи и Гамбургом. За 16 лет создания нового евразийского сообщества китайские экспортные товары впервые переправились в страны Евросоюза морским и железнодорожным путем, сначала из Китая через Россию до латвийской заставы, затем через латвийский порт Вентспилс дальше в Европу.

В заключение отметим, что феномен геополитики Синьцзяна для Центральной Азии заключается в том, что Синьцзян помогает Китаю осваивать большой рынок Евразии и в ближайшем будущем выйдет на рынок Европы через Центральную Азию.

---

[69] Китай построил первый газопровод в Казахстане // Контимост. – № 11. – 2005. – С.26.

[70] Контимост. – №8. – 2008. – С. 6.

[71] Термин «Алтайский регион» обозначает территорию, охватывающую Синьцзянский алтайский район (КНР), Алтайскую республику и Алтайский край (РФ), Восточно-Казахстанскую область (РК), Монгольский Баян-Улэгейский аймак и провинцию Кобдо (МНР). В этом замкнутом регионе население небольшое, а природные ресурсы богатые и неразвитая экономика // Контимост. – № 12. – 2004. – С. 19.

[72] Китай. – № 4. – 2008. – С. 4.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чжунго тунцзи чжайяо (Краткая статистика Китая). – Пекин, 2009. – С.19,23.
2. http: // WWW/cia/ gov / library / publications / the – world – factbook / rank order/ 2188 rank/ html.
3. Шицзе чжиши (Знания о мире). – Пекин, 2009. – №9. – С.46.
4. Чжунго тунцзи чжайяо (Краткая статистика Китая). – Пекин, 2009. – С.179.
5. Фу Минсинь. Партнерские отношения дружбы и сотрудничества // Китай. – 2008. – №12 (38). – С.39.
6. Ху Дэпин. Размышления о теории и практике реформы в Китае // Проблемы Дальнего Востока. – 2003. – №3. – С.85.
7. Национальная районная автономия в Китае. – Пекин, 2005. – С.34.
8. В целях дальнейшего внешнего раскрытия, в 1992 г. Госсовет КНР принял решение о предоставлении льгот Синьцзяну в восьми пунктах. Данные меры, в основном, включают в себя открытие Синьцзяна для соседских стран, чтобы Синьцзян стал узлом связи запада и востока, а также активным регионом на современном Шелковом пути, соединяющим Восточною Азию с Центральной Азией и Европой. Одновременно, тесно соединяя денежные средства, технологии, человеческие ресурсы, информацию, способы управления и деятельности и другие преимущества географического положения и природных ресурсов Синьцзяна совместно осваивать рынки Центральной Азии, Западной Азии, вплоть до рынков Восточной и Западной Европы. См.: Конт мост. – № 10. – 2007. – С.10-11.
9. Огромные изменения в Синьцзяне // Конт мост. – № 12. – 2002. – С.15.
10. Чернявский С. Россия и мусульманский мир. – № 1 (125). – 2002. – С. 59–75.
11. В 2002 г. сумма вложений в гидростроительство составляла 2656 млн. юаней и возросла на 1326 млн юаней из средств госбюджета и составляла 1843 млн. юаней. С 2001 г. Госсовет КНР решил ассигновать 10,7 млрд. юаней на комплексное возрождение реки Торим. Запланировано вложение инвестиций в размере 2 и более млрд. юаней.
12. Чэнь Цзянь. Прекрасен наш Синьцзян // Китай. – №7 (45). – 2009. – С.45.

13. Горянин Ю. Специфика «внутреннего» и «внешнего» образа Китая в начале XXI в. // Проблемы Дальнего востока. – №2. – 2009. – С.25-37.
14. Контимост. – № 4. – 2003.
15. Контимост. – № 8 (46). – 2009.
16. http: // WWW.joshuaramo.com/pdf/Brand-China. Pdf.
17. Михеев В. Треугольник Россия – США-Китай после 11сентября // Проблемы Дальнего Востока. – №1. 2002. – С. 25–26.
18. Тухарев Л.И. Политические компоненты развития Евросоюза // Мировая экономика и международные отношения. – №3. – 2003. – С. 23.
19. Ван Чзуцин. Воздушно-транспортный переход Урумчинский международный аэропорт // Контимост – №12. – 2002. – С. 40-42.
20. В настоящее время, экономика Китая в целом, уже развита, объем ВВП неуклонно растет. В структуре центрально-азиатского региона произошли большие изменения: страны этого региона на сегодняшний день разрабатывают каждая свою модель развития. В результате этих основных факторов, а также, благодаря тому что политический барьер стран центрально-азиатского региона был разрушен, появилась возможность в ускоренном темпе развивать экономику стран этого региона. Первым шагом является установление взаимосвязей между регионами и странами. Более 70 % объема торговли и Китая со странами Центральной Азии сосредоточено в Синьцзяне. Торговля Китая и Казахстана также на 80% сосредоточена здесь.
21. Турфан, который находится в 180 км от административного центра Синьцзян, известен как родина сладкого винограда. Турфан имеет 4 особенности. Первое, это самое жаркое место в стране. Максимальная температура воздуха летом достигает +47,7 градуса по Цельсию. Земля накаляется до +75,8 градуса. Второе, Турфан – самое сухое место в стране. Годовая норма осадков не превышает 16 мм. Здесь очень редко идут дожди. У многих местных жителей дома вообще нет зонта от дождя, и лишь немногие женщины ходят с зонтами от солнца. Третье, способствует особое географическое положение и климат (солнце и отсутствие дождей). В Турфане более 200 дней в году светит яркое солнце. Четвертое, это самый низкий город Китая, он расположен в Турфанской впадине глубиной 154 м ниже уровня моря. Это второе (после котлованы Мертвого моря в Израиле) самое низкое место в мире.
22. Развитие виноградарства и виноделия в северо-западном Китае // Контимост. – № 1. – 2007. – С. 17.

23. В СУАР начали сеять сладкий гаолян на больших площадях // Контимост. – № 1. – 2007. – С. 20.
24. Китай будет уверенно развивать стратегию масштабного освоения западных районов страны // Контимост. – № 6. – 2004. – С. 38.
25. Кульджа (по кит. Инин) – центр Или-Казахского автономного округа Синьцзяна. В Или-Казахском автономном округе Синьцзяна проживает 4 млн. 408 тыс. человек, представители тринадцати национальностей. В этом округе функционируют двуязычные садики и школы. У жителей Синьцзяна прекрасные способности к изучению языков. Почти все они говорят на китайском, уйгурском, казахском языках и на своем родном языке. Кроме того, в школе учат английский язык. // Дыхание Китая. № 3 (7)2009. Стр.6.
26. По статическим данным в районе Эминэ (СУАР) проживает 26 тыс. казахов, что составляет более 60% населения всего уезда. См.: Контимост. – 2006.
27. Синьцзян – лучше один раз увидеть //Дыхание Китая. – №3 (7). – 2009.
28. Общая площадь будущего Китайско–казахстанского международного центра пограничного сотрудничества составляет 5,28 кв. км. Из них китайская часть занимает 3,43 кв.км, казахстанская – 1,85 кв. км. См.: Китай. – № 11(37). – Ноябрь 2008.
29. Синьцзян – лучше один раз увидеть //Дыхание Китая. – №3 (7). – 2009. – С. 4.
30. Синьцзян станет богатейшим в стране районом по выпуску природного газа // Контимост. – № 3. – 2005.
31. Китай. – №1 (27). – 2008. – С.5.
32. Ань Сыго. Неутомимый изыскатель по таримской впадине // Контимост. – №5. – 2006.
33. В эксплуатацию введено современное шоссе от уезда Жоцян (Чарклык) до Миньфэн (Ния), образовалось дорожное кольцо, которое окружает огромную впадину Тарим площадью в 560 тысяч кв. километров. Общее ассигнование составило один миллиард юаней. Испокон веков люди называли Такламакан как «вход без выхода». В 1995 году было построено пустынное шоссе от Луньтай (Бугур) до Миньфэн, а через десять лет начали строить второе шоссе, которое пересекает Такламакан от города Арал до Хотан, образуя огромную дорожную сеть на этой многовековой пустыне. Совместная экспедиция из НИИ экологии и географии Всекитайской Академии наук, НИИ археологии Синьцзяна, Французского НИИ Средней Азии (из

Французского исследовательского Центра UVR 7041) провела исследование на нижнем течении реки Керия и вокруг древнего городища Юаньгу, где были обнаружены останки более 98 видов диких животных, в том числе, и останки синьцзянского тигра, который исчез в Синьцзяне давным-давно. // См.: Контимост. – № 1. – 2005. – С.19.

34. Крупнейшая нефтегазовая компания Китая с долевым участием государства, составлявшим 100%. В настоящее время в ней работает 1,58 млн. сотрудников. В 2008 г. КННК заняла 25-е место в рейтинге 500 крупнейших предприятий мира и 5-е место среди мировых производителей нефти.
35. Протяженность общей границы между Казахстаном и КНР составляет 1700 километров и все они приходятся на СУАР. В Казахстане работают более 100 совместных компанией и предприятий, а объем импорта углеводородов в Китай вырос на 13 процентов.
36. Китай. – № 11(37). – Ноябрь 2008. – С.11.
37. КПП Хоргос является крупнейшим транспортным узлом в северо-западном регионе Китая. Хоргос еще во времена династий Суй (581-618 гг.) и Тан (618–907 гг.). Хоргос был крупной почтовой станцией на Великом шелковом пути. После заключения Договора об Илийском крае между Китаем и Российской империей в 1881 году в Санкт-Петербурге, Хоргос стал официальным торговым портом между Китаем и Россией. После образования КНР он вступил в новую эпоху. С 2003 года грузооборот КПП Хоргос увеличивался на 20 % в год. В настоящее время его пропускная способность достигла 2 млн. тонн. товаров и 3 млн. человек. Он находится в 670 км от Урумчи, административного центра СУАР и в 378 км от Алма-Аты, экономического центра Центральной Азии. Через Хоргос товары отправляются в Россию, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Узбекистан и Таджикистан. К настоящему времени, в основном, завершилась прокладка одной из дорог – 4395-километровой дороги, связывающей г. Лян юньган с КПП Хоргос на китайско-казахстанской границе. Магистраль проходит через 10 провинций и автономных районов Китая с населением почти 400 млн человек. Вторая магистраль берет начало в Шанхае и через города Хэфэй (пров. Аньхой и Сиань (пров. Шэньси) проходит к КПП Хоргос. В частности, на участки Сиань – Хэфэй строится 18 километровый тоннель // Контимост. – № 6. – 2004.
38. Синьцзян – лучше один раз увидеть//Дыхание Китая. – №3 (7). – 2009. – С. 6.

39. Кашгар – древний город на самом крайнем западе Китая. В описании путешествия Марко Поло (1298 г.) было так описано: «Это восточный Каир, где горы товаров, а людей как пчел». Теперь на фоне глобализации экономики и масштабного освоения западных районов страны заметно наблюдается платформенная роль Кашгара, который расположен по середине центрально- и южноазиатской экономических зон. «Кашгар играет незаменимую» роль моста в структуре открытости Китая в Центральной, Южной и Западной Азии. Граница протяженностью 888 км, соседство, как Кыргызстан, Таджикистан, Афганистан, Пакистан и Индия. Наличие таких пяти открытых внешнему миру КПП, как Хунцирап, Тургат, Еркештан, Карасу и международный аэропорт Кашгар – все это создают Кашгару оригинальные географические преимущества, открывая путь в евразийские страны. См.: Контимост. – № 6. – 2005. – С. 5.
40. Ливен Анатоль. Правительство в Кабуле будет подпирать лишь американская военная мощь // Известия. – 28 ноября 2001. – С. 122–123.
41. Титаренко М., Бергер Я., Портяков В., Уянаев С., Шаумян Т. 8-я встреча ученых России, Индии и Китая // Проблемы Дальнего Востока. – №2. – 2009. – С. 23.
42. Белокреницкий В.Я., Жигалина О.И., Мамедова Н.М., Ульченко Н.Ю. Исламский фактор в истории и современности // Восток. – № 2. – 2009. – С. 137.
43. Алашанькоу–Центральноазиатский энергетический проход // Контимост. – № 1. – 2007. – С. 16.
44. Тан Тао, Се Чжихуа. Новый виток развития КГЯЭК // Китай. – № 11. – 2009. – С.41.
45. Китай построил первый газопровод в Казахстане // Контимост. – № 11. – 2005. – С.26.
46. Термин «Алтайский регион» обозначает территорию, охватывающую Синьцзянский алтайский район (КНР), Алтайскую республику и Алтайский край (РФ), Восточно-Казахстанскую область (РК), Монгольский Баян-Улэгейский аймак и провинцию Кобдо (МНР). В этом замкнутом регионе население небольшое, а природные ресурсы богатые и неразвитая экономика // Контимост. – № 12. – 2004. – С. 19.
47. Китай. – № 4. – 2008. – С. 4.

CHANGES IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM OF THE UZBEK SSR ON THE EVE OF PERESTROIKA TO TRAIN SCIENTIFICALLY QUALIFIED PERSONNEL

Utkirjon Kushmirzaevich Khoshimov,

Tashkent State Pedagogical University, Doctor of Philosophy (PhD) in Historical Sciences, Associate Professor
Email:utkirjon.khoshimov@mail.ru
Ренессанс таълим

Abstarct

This article discusses the situation in higher education institutions under the Ministry of Higher and Secondary Specialized Education of the Uzbek SSR in the development of science, which was one of the priority areas of the reconstruction policy in the mid-1980s, the widespread involvement of young people in science in the higher education system, and the training of scientifically-potential personnel at the postgraduate and doctoral levels, the changes made, the positive achievements achieved, and the existing problems.

Keywords: *Higher education institutions, scientific potential, science, post-graduate studies, doctoral studies, candidate of science, Doctor of Science.*

Аннотация.

В статье анализируется состояние высших учебных заведений Министерство высшего и среднего специального образования Узбекской ССР в контексте развития науки – одного из приоритетных направлений политики перестройки середины 1980-х годов. Также были рассмотрены меры правительства республики

по привлечению молодежи к научной деятельности в системе высшего образования, подготовка научных кадров в аспирантуре и докторантуре, а также произошедшие изменения, достигнутые результаты и существующие проблемы.

Ключевые слова: *Высшие учебные заведения, научный потенциал, наука, аспирантура, докторантура, кандидат наук, доктор наук.*

Science plays an important role in the development of society. The role of scientists working in this field in the development of science, its transmission from generation to generation, and the further refinement and achievement of new knowledge is, of course, incomparable. From this point of view, in the advanced countries of the world, attention is paid to the training of specialists as the main factor in the development of science, that is, to achieving new achievements by directing young people to science, and to ensuring the cohesion of science by establishing the traditions of teacher-student. Based on this, on the eve of Uzbekistan's independence, it is relevant to study the problems, changes and achievements in the field of science in a historical perspective.

The post-higher education system in Uzbekistan was developed in the form of a two-stage system consisting of postgraduate and doctoral studies during the Soviet period before independence. In it, talented students who have completed higher education and are interested in science are first admitted to postgraduate studies on a competitive basis. At this stage, they conduct scientific research on the subjects and topics of their choice, defend their dissertations and receive the scientific degree of candidate of sciences. In the second stage - doctoral studies, specialists with the scientific degree of candidate of sciences are admitted and scientific research is conducted to defend their doctoral dissertations. Both of these stages are carried out separately from production. Independent researchers conduct research work directly at the institution where they work. The effective and correct implementation of this area, that is, the defense of theses by postgraduate and doctoral students on their chosen topics within the established period, contributes to the high scientific potential of professors and teachers working in the field of higher education and the improvement of the quality of education in higher education[1].

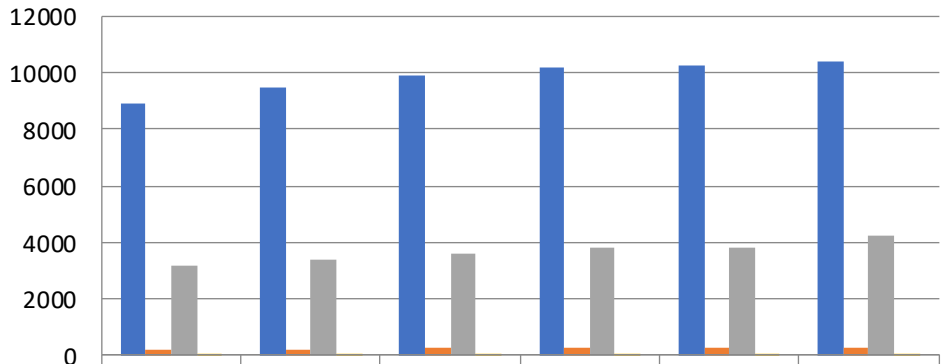
After World War II, science developed in Uzbekistan, as it did in the Soviet Union. In the 1960s and 1970s, all the activities of scientific institutions operating in the natural and social sciences were fully directed towards the

[1] Хошимов Ў.Қ. Мустақиллик йилларида Фарғона водийси вилоятларида таълим соҳасидаги ўзгаришлар. Тарих фанлари бўйича фалсафа доктори... дис. – Тошкент, 2020. – Б. 127.

priority areas of the country's economic and cultural development. Particular attention was paid to the development of complex research in cotton cultivation, irrigation, electricity generation, ferrous metallurgy and other areas[2]. In this regard, the tasks of directing young people to science and training scientifically capable personnel became a priority in the republic.

The Resolution of the Central Committee of the Communist Party of Uzbekistan and the Cabinet of Ministers of the Uzbek SSR № 300 "On increasing the effectiveness of scientific research work in higher educational institutions" of May 24, 1978 was adopted[3]. This resolution also set out the tasks for conducting scientific research work in higher educational institutions and training scientifically capable personnel. In order to ensure the implementation of the resolution, special attention was paid to the development of specific plans for training scientifically capable personnel in higher educational institutions of Uzbekistan and their effective implementation. Detailed information on this is provided in the table below.

The total number of professors, doctors of science and candidates of science in higher educational institutions

	1980	1981	1982	1983	1984	1985
Number of professors	8903	9457	9935	10169	10257	10385
Doctors of Science	194	208	238	241	261	275
Candidates of Science	3171	3372	3615	3828	3839	4231
Scientific competence	37,7	37,8	38,7	40	39,9	43,3

Source: Uz MA. Compiled by the author based on data from fund R-2653, list 1, volume 5586, folio 62.

From the table above, it can be seen that while in 1980 there were 194 doctors of science working in higher education institutions of the republic, by

[2] Ўзбекистон Республикасида тақиқотлар ва инновацияларни тахлил қилиш ва режалаштириш. Бирлашган Миллатлар Ташкилотининг Таълим, Фан ва Маданият масалари бўйича Ташкилоти томонидан нашр этилган 10-жилд. – Париж: Франция, 2020. – Б. 20. (электрон манзил: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000374649)

[3] O'z MA. R-2653-fond, 1-ro'yxat, 4268-yig'ma jild, 25-bet.

1985 their number had reached 275. In line with the above years, the number of candidates of science increased from 3171 to 4231[4]. During these years, it can be seen that the number of professors and teachers in higher education institutions under the Ministry of Higher and Secondary Specialized Education increased by 16.6%, doctors of science by 41.7%, and candidates of science by 33.4%. As a result of the attention paid to training scientifically capable personnel, the growth in the number of scientifically capable specialists was higher than the growth in the total number of professors and teachers in higher education institutions.

In the republic, attention was paid to the training of scientific and pedagogical personnel mainly in leading higher educational institutions in central cities. For example, Tashkent State University (TSU) was considered a leading higher educational institution in terms of training scientific and pedagogical personnel not only in the republic, but also in the union. In 1985, 12 specialized councils operated at the university. Of these, 5 were formed to defend 5 doctors of sciences in 7 specialties, and 7 candidates of sciences in 14 specialties. In 1985, a total of 6 doctoral and 80 candidate theses were defended in 12 specialized councils of Tashkent State University. Among the professors and teachers of the university, 1 doctoral and 20 candidate theses were defended in these councils[5]. In short, as a result of the conditions created for carrying out scientific research work at Tashkent State University, positive achievements were achieved. For example, the five-year plan from 1981 to 1985 envisaged the defense of 20 doctoral and 110 candidate theses by university teachers. In practice, 24 doctoral and 237 candidate theses were defended, exceeding the established plan[6].

We must approach the tasks of science from the perspective of the requirements of the times - its strict alignment with the needs of social production, and production with science[7]. The effectiveness of scientific research carried out in higher educational institutions largely depends on its integration with production. In this regard, the organization of educational, scientific and production associations, regional scientific and research laboratories and branches of departments in production is considered an advanced form. Despite the fact that in 1985 the Ministry of Higher and Secondary Specialized Education of the Uzbek SSR established 12 educational, scientific and production associations and 44 industrial laboratories, work on

[4] O‘z MA. R-2653-fond, 1-ro‘yxat, 5586-yig‘ma jild, 62-bet.
[5] O‘z MA. R-2653-fond, 1-ro‘yxat, 5604-yig‘ma jild, 98-bet.
[6] O‘z MA. R-2653-fond, 1-ro‘yxat, 5604-yig‘ma jild, 101-bet.
[7] Фан-техника тараққиётини жадаллаштириш-ҳаёт талаби // Совет Ўзбекистони. – 1985. – 12 июн.

the implementation of the results of scientific research into production has not been well established. For example, out of 2140 research projects planned for 1980-1985, only 1100 developments were implemented in practice, and the fate of the remaining 1040 projects remains unknown[8]. In some higher educational institutions of the republic, work in this regard was not well organized. In particular, educational-scientific-production associations were not organized at Tashkent State University, Tashkent Institute of National Economy (TINE), Samarkand State Institute of Architecture and Construction (SSIA), and Nukus State University (NSU). The main reason for this was that the heads of higher educational institutions did not fully use the existing opportunities for the implementation of scientific results in practice[9].

At that time, the training of scientifically capable personnel through postgraduate studies in the system of the Ministry of Higher and Secondary Specialized Education of the republic was carried out in 8 higher educational institutions in 225 specialties in 15 disciplines. A total of about 1,500 postgraduate students studied in higher educational institutions of the republic, of which 538 were women and 810 were men[10]. The problems of widely attracting young people to science and training pedagogical personnel with scientific degrees also became urgent. For example, in 1985, 297 researchers graduated from postgraduate studies in higher educational institutions under the Ministry of Higher and Secondary Specialized Education of the Uzbek SSR, of whom 16 completed and defended their scientific research on time. This is 5.3 percent of the total number of graduates[11]. By 1986, only 22 (7.7 percent) of the 285 graduates who completed postgraduate studies defended their dissertations[12]. If we look at this situation in some higher educational institutions of the republic, we can see that the situation is quite serious. For example, out of 138 postgraduate students who graduated from Samarkand State University in 1981-1985, only 5 people (3 percent) defended their candidate dissertations on time[13]. A similar situation can be observed in other higher educational institutions of the republic. In particular, Tashkent State University (TSU), Tashkent Pedagogical Institute (TashPI), Tashkent Highway Institute (THI), Tashkent Institute of National Economy, Tashkent State Pedagogical Institute of Foreign Languages (TSPIFL), Nukus State University, Samarkand State University (SamSU) had a large number of researchers

[8] O‘z MA. R-2653-fond, 1-ro‘yxat, 5693-yig‘ma jild, 32-bet.
[9] O‘z MA. R-2653-fond, 1-ro‘yxat, 5693-yig‘ma jild, 32-bet.
[10] O‘z MA. R-2653-fond, 1-ro‘yxat, 5941-yig‘ma jild, 34-bet.
[11] O‘z MA. R-2653-fond, 1-ro‘yxat, 5693-yig‘ma jild, 33-bet.
[12] O‘z MA. R-2653-fond, 1-ro‘yxat, 5941-yig‘ma jild, 34-bet.
[13] O‘z MA. R-2653-fond, 1-ro‘yxat, 5693-yig‘ma jild, 52-bet.

who graduated from postgraduate studies in 1986 without defending their dissertations[14].

The reasons for the failure of republican higher education institutions to timely protect young people studying at the postgraduate level and engaged in scientific research include the lack of a competitive environment among researchers, the lack of measures to attract talented young people from Karakalpakstan and the regions to central higher education institutions in Tashkent with great scientific potential, and the lack of supervision by scientific leaders over the conducted scientific research[15]. In addition, the lack of widespread involvement of young people with the ability to conduct research in scientific fields in postgraduate studies, and the relatively low level of financial support for researchers studying in postgraduate studies were also factors[16].

Tashkent State University was the leader in the republic in terms of training scientific and pedagogical personnel at the postgraduate level. In particular, 117 places were allocated for the postgraduate level for 1985 by order of the Ministry of Higher Education of the Uzbek SSR № 622 dated December 26, 1984[17]. This is one third of the places allocated for postgraduate studies in higher educational institutions at that time. Despite this, 111 applicants were admitted to study for 117 places allocated for postgraduate studies this year[18]. The university did not fulfill the 1985 admission plan. In addition, 54 places were allocated for targeted postgraduate studies at Tashkent State University, and only 17 applicants were admitted to study for the allocated places. The main reason for the failure to implement the targeted postgraduate program was that regional higher educational institutions did not send their candidates for targeted postgraduate studies[19]. This, in turn, indicates that in higher education institutions in the regions, insufficient attention is paid to the training of personnel with scientific potential.

This situation can be observed in subsequent years. For example, in 1986, the plan to send young people to study at targeted postgraduate studies in a number of higher educational institutions of the republic was not implemented. In particular, 4 candidates from NDU, 4 from Bukhara Institute of Food and Light Industry Technology, 4 from TashPI, 3 from Samarkand State Institute of Architecture and Construction, and 2 from Fergana Polytechnic Institute

[14] O‘z MA. R-2653-fond, 1-ro‘yxat, 5941-yig‘ma jild, 34-bet.
[15] O‘z MA. R-2653-fond, 1-ro‘yxat, 5693-yig‘ma jild, 33-bet.
[16] O‘z MA. R-2653-fond, 1-ro‘yxat, 5693-yig‘ma jild, 52-bet.
[17] O‘z MA. R-2653-fond, 1-ro‘yxat, 5604-yig‘ma jild, 94-bet.
[18] O‘z MA. R-2653-fond, 1-ro‘yxat, 5604-yig‘ma jild, 94-bet.
[19] O‘z MA. R-2653-fond, 1-ro‘yxat, 5604-yig‘ma jild, 94-bet.

(FPI) were not sent to study at targeted postgraduate studies at TSU, which is considered the leading higher educational institution in the country[20]. There are two main reasons for this. The first is that the management of higher educational institutions did not take comprehensive, targeted measures to identify talented young people during their studies and direct them to scientific research work, and the second is due to the decrease in the desire of young people to study at postgraduate studies. Because, as noted above, it has become increasingly difficult to defend dissertations on time. This, in turn, has a number of reasons. In particular, the lack of specialized councils in a number of specialties, difficulties in publishing and applying the results of scientific research into practice, and the involvement of researchers in various public works not directly related to their duties have had a negative impact on the timely defense of dissertations[21].

In particular, the low level of the experimental base in physics[22], mathematics and engineering, the weak material and technical base of the laboratories of higher educational institutions hindered the achievement of the desired results in scientific research[23]. For example, the provision of training and laboratory facilities at Nukus State University was 66.7 percent, and at the Tashkent Institute of National Economy was 80.2 percent[24]. As a result, by 1987, scientists with scientific potential from NSU, FPI, Bukhara Institute of Food and Light Industry Technology, and Samarkand State Institute of Architecture and Construction could not participate in the implementation of all-Union target state programs, scientific research work related to reconstruction and modernization[25].

In addition, despite the fact that the material and technical condition of laboratories in the exact and technical sciences does not meet modern requirements, priority was given to training scientifically capable personnel in these areas and allocating quotas in postgraduate studies by subject. In particular, in 1985, 21.3 percent of postgraduate places at Tashkent State University were allocated to mathematics and physics, while the remaining places were distributed among 13 other disciplines[26]. This negatively affected the activities of young researchers conducting scientific research in these disciplines, limiting their opportunities to defend their dissertations on time.

[20] O‘z MA. R-2653-fond, 1-ro‘yxat, 5941-yig‘ma jild, 35-bet.
[21] O‘z MA. R-2653-fond, 1-ro‘yxat, 5941-yig‘ma jild, 35-bet.
[22] O‘z MA. R-2653-fond, 1-ro‘yxat, 5941-yig‘ma jild, 34-bet.
[23] O‘z MA. R-2653-fond, 1-ro‘yxat, 5693-yig‘ma jild, 52-bet
[24] O‘z MA. R-2653-fond, 1-ro‘yxat, 5450-yig‘ma jild, 52-bet
[25] O‘z MA. R-2653-fond, 1-ro‘yxat, 6220-yig‘ma jild, 12-bet
[26] O‘z MA. R-2653-fond, 1-ro‘yxat, 5604-yig‘ma jild, 94-bet

Uzbekistan ranked third in the Union in terms of the number of scientists with scientific potential, after the RSFSR and the Ukrainian SSR[27]. In 1988, the number of doctors of science and candidates of science in the Union was 49.7 thousand, while the total number of doctors of science and candidates of science working in Uzbekistan was 1.4 thousand and 16.7 thousand[28]. At first glance, these figures seem like a good indicator. However, if we calculate them as a percentage of the total number of scientists with scientific potential, the situation becomes even clearer. In particular, 2.8 percent of doctors of science and 3.4 percent of candidates of science in the entire Union belong to Uzbekistan. According to these indicators, 67.2 percent of doctors of science and 64.0 percent of candidates of science in the Union belong to the RSFSR, 13.6 percent and 14.3 percent, respectively, to the Ukrainian SSR[29]. From the above figures, it can be understood that at that time 80.8% of doctors of science and 78.3% of candidates of science were concentrated in the central cities of Russia and Ukraine. Almost the remaining 20% of scientists with scientific potential conducted scientific research in the 13 republics of the USSR. It can also be understood that the attention paid to the development of science in the republics of the former Soviet Union was not uniform.

Science in higher education institutions is an important reserve, the potential of which is not yet fully utilized. However, according to available data, the volume of scientific research work in higher education institutions can be increased by 2-2.5 times[30]. In general, the main part of Soviet scientific activity was carried out in scientific research institutes affiliated with the USSR or republican academies of sciences or sectoral ministries. Higher education institutions played a minor role in scientific research work, accounting for only a third of the scientific research staff[31].

In conclusion, it should be noted that as a result of the reforms implemented in the higher education system of Uzbekistan in the field of training personnel in scientific fields, positive changes have occurred. Despite the fact that the higher education system was mainly aimed at training personnel for economic sectors during this period, science also developed in the higher education

[27] Қаранг. Народное хозяйство СССР в 1988 г. Статистический ежегодник. – Москва: Финансы и статистика, 1989. – 278 с.

[28] Народное хозяйство СССР в 1988 г. Статистический ежегодник. – Москва: Финансы и статистика, 1989. – 278 с.

[29] Народное хозяйство СССР в 1988 г. Статистический ежегодник. – Москва: Финансы и статистика, 1989. – 278 с.

[30] Фан-техника тараққиётини жадаллаштириш-ҳаёт талаби // Совет Ўзбекистони. – 1985. – 12 июн.

[31] Chankseliani Maia, Lovakov Andrey, Pislyakov Vladimir. A big picture: bibliometric study of academic publications from post-soviet countries. Scientometrics (2021) 126: 8701-8730, https://doi.org/10.1007/s11192-021-04124-5, https://link.springer.com/article/10.1007/s11192-021-04124-5 (10.02.2025)

system. It is worth noting that, as was the case in all sectors during the former Soviet Union, the republics were not given the same opportunities to develop scientific fields. As a result, scientific research conducted in higher education institutions was mainly of local importance, limiting the opportunity to engage in advanced modern science and benefit from the scientific achievements of the world. Due to these and many other reasons, during the years of perestroika, the training of personnel with scientific degrees in the higher education system of Uzbekistan was mediocre from the point of view of that time and lagged behind the development at the level of modern requirements.

LIST OF REFERENCES

1. Хошимов Ў.Қ. Мустақиллик йилларида Фарғона водийси вилоятларида таълим соҳасидаги ўзгаришлар. арих фанлари бўйича фалсафа доктори... дис. – Тошкент, 2020. – Б. 127.
2. Ўзбекистон Республикасида тақиқотлар ва инновацияларни тахлил қилиш ва режалаштириш. Бирлашган Миллатлар Ташкилотининг Таълим, Фан ва Маданият масалари бўйича Ташкилоти томонидан нашр этилган 10-жилд. – Париж: Франция, 2020. – Б. 20. (электрон манзил: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000374649)
3. O‘z MA. R-2653-fond, 1-ro‘yxat, 4268-yig‘ma jild, 25-bet.
4. O‘z MA. R-2653-fond, 1-ro‘yxat, 5586-yig‘ma jild, 62-bet.
5. O‘z MA. R-2653-fond, 1-ro‘yxat, 5604-yig‘ma jild, 98, 94, 101-betlar.
6. Фан-техника тараққиётини жадаллаштириш-ҳаёт талаби // Совет Ўзбекистони. – 1985. – 12 июн.
7. O‘z MA. R-2653-fond, 1-ro‘yxat, 5693-yig‘ma jild, 32, 33, 52- betlar.
8. O‘z MA. R-2653-fond, 1-ro‘yxat, 5941-yig‘ma jild, 34-35 betlar.
9. O‘z MA. R-2653-fond, 1-ro‘yxat, 5450-yig‘ma jild, 52-bet.
10. O‘z MA. R-2653-fond, 1-ro‘yxat, 6220-yig‘ma jild, 12-bet.
11. Народное хозяйство СССР в 1988 г. Статистический ежегодник. – Москва: Финансы и статистика, 1989. – 278 с.
12. Chankseliani Maia, Lovakov Andrey, Pislyakov Vladimir. A big picture: bibliometric study of academic publications from post-soviet countries. Scientometrics (2021) 126: 8701-8730, https://doi.org/10.1007/s11192-021-04124-5, https://link.springer.com/article/10.1007/s11192-021-04124-5 (10.02.2025)

Янги китоблар / New books / Новые книги

О биографической книге академика Ахмадали Аскарова «Мгновения жизни, закалённые в труде и борьбе»

Каримова Дилафруз Обиджоновна, доктор философии по историческим наукам (PhD), старший научный сотрудник Государственного музея истории Узбекистана АН Узбекистана.

Выдающийся учёный-историк и археолог нашей страны Ахмадали Аскарович Аскаров посвятил свою жизнь науке, сделав честность, прямоту и искренность смыслом своего существования. Благодаря своему труду он достиг всех степеней и званий, о которых может мечтать учёный. Его научная деятельность позволила ему занять достойное место в исторической науке Узбекистана.

Научная, педагогическая и общественная деятельность Ахмадали Аскарова была высоко оценена государством. Он был удостоен Государственной премии Узбекистана имени Абу Райхана Беруни (1985 год), почётного звания «Заслуженный деятель науки Узбекистана» (1995 год), ордена «Эл-юрт хурмати» (2018 год), награды I степени «Почётный ветеран труда» (2021 год), а также почётного звания «Заслуженный наставник молодёжи Узбекистана» (2023 год).

Он - справедливый руководитель и мудрый наставник, человек, который с гордостью и энтузиазмом ведёт археологические раскопки под палящим солнцем, воскрешая прошлое своей Родины и возвращая миру историю нашего народа. Его имя неразрывно связано с древними поселениями предков - Жаркутаном и Сапалли, чьи тайны он бережно раскрывает миру.

Эта книга стала летописью жизненного пути учёного. На её страницах оживают его научные устремления, испытания судьбы, а также

столкновения с противоречиями и несправедливостью, через которые он прошёл, сохраняя честность и прямоту. В борьбе за истину его главным оружием всегда были знания - и автор мастерски передаёт эту мысль ясным, доступным языком. В книге есть факты не только преградах и тяготах, вызванные бескомпромиссной принципиальностью ученого, но и встречи с добрыми людьми, чья поддержка освещала его путь. Каждая история здесь - отражение реальных событий, пронизанное.

Эта книга служит своеобразной школой воспитания для молодёжи, идущей по пути науки. Из переживаний учёного ясно видно, что в любой ситуации человек должен сохранять самообладание, преданность своему любимому делу и, независимо от выбранной профессии, не сгибаться перед жизненными испытаниями и не впадать в уныние.

Книга включает в себя 50 рассказов, в которых собраны воспоминания из жизни и научной деятельности выдающегося узбекского академика Ахмадали Аскаровича Аскарова - от его детских лет до настоящего времени.

Учёный представлен не только как выдающийся деятель науки, но и как талантливый руководитель, а также политический деятель, внёсший значительный вклад в развитие нашего государства. Следуя наставлениям своих учителей, учёный на протяжении всей жизни достигал поставленных целей. Сама книга, по сути, посвящена светлой памяти его родителей, а также его главных научных наставников - академика Я. Г. Гулямова и доктора исторических наук, профессора М. П. Грязнова.

Учёный, вышедший из простой дехканской семьи, с искренностью описывает в книге своё детство, наполненное тяжёлым трудом, и годы студенчества, когда под влиянием содержательных лекций выдающихся историков в нём впервые пробудился интерес к древней истории родной земли. Его путь в науку-аспирантура в Санкт-Петербурге, первые археологические экспедиции, защита кандидатской и докторской диссертаций - изложен с хронологической точностью и философской глубиной, раскрывающей внутреннюю эволюцию исследователя.

Через призму воспоминаний читатель ясно видит, как усилия учёного в создании первого в Средней Азии Института археологии и его уникальный дар выстраивать доверительные отношения с коллегами стали основой для научной школы узбекской археологии. Формирование этого центра, заложившего методологические традиции в регионе, неразрывно связано с именем Ахмадали Аскарова.

Особое внимание в книге уделено его работе по сохранению

культурного наследия: реставрации памятника Афросиёб, изучению ансамбля Регистан, научной деятельности в качестве руководителя института. Новаторство Аскарова проявилось в создании при институте специализированной реставрационной группы, внедрившей передовые методы консервации объектов, что позволило передать уникальные артефакты будущим поколениям в их подлинном виде.

Можно сказать, что Ахмадали Аскаров проявил исключительное мужество в деле сохранения культурного наследия, поскольку с конца 70-х годов прошлого века он выступил с идеей создания научного учреждения реставраторов, обладающего собственной производственной базой. Для этого он справедливо отметил необходимость создания специализированных научных центров реставрации и подготовки квалифицированных специалистов. Поскольку и в настоящее время вопросы сохранения археологических объектов, превращения их наиболее значимых памятников в музеи под открытым небом, а также создания научного центра реставраторов остаются актуальными. Эти две крайне важные проблемы, связанные с сохранением исторического наследия, которые учёный поднял почти полвека назад, до сих пор остаются нерешёнными и продолжают откладываться в реализации. Высококачественная реставрация и консервация памятников требует постоянного совершенствования научных методов соответствующими специалистами, а также изучения и практического применения международного опыта.

Учёный, наряду со своей любимой областью - археологией, уделял серьёзное внимание вопросам происхождения узбекского народа и проводил исследования в этом направлении. Им были изданы крупные монографические исследования – учебное пособие «Этногенез и этническая история узбекского народа» (2007 год), а также монография «История происхождения узбекского народа», выпущенные многотысячным тиражом. В настоящее время ведётся работа по их переводу на другие языки. Эти труды не только предоставляют ценные сведения о происхождении узбекского народа на основе первоисточников и их научного анализа, но и помогают глубже осмыслить нашу духовную жизнь с научной точки зрения. В произведении чётко обозначены проблемные вопросы, а их научное решение изложено простыми и точными выражениями, что делает книгу увлекательной для читателя. Внимательно изучив это произведение, читатель сможет представить в целостном виде исторические процессы, связанные с происхождением узбекского народа, охватывающие 3,5–4 тысячи лет, а также историю нашего края.

Однако препятствия, возникшие во время научных обсуждений этих монографических исследований до их публикации, не заставили учёного отказаться от поставленной цели, а, наоборот, побудили его к ещё более решительным действиям. Трудности, встреченные на этом пути, отражены в 36–39 частях подготовленных учёным жизненных рассказов.

Ученый и сегодня считает актуальными вопросы изучения и музеефикации археологических объектов и подробно описывает трудности и лишения, связанные с восстановлением археологического памятника Учтепа-Булакмозор в Наманганской области до его нынешнего состояния под его руководством.

Как педагог, ученый работает на историческом факультете Ташкентского государственного педагогического университета имени Низами с 2001 года. Он работает над подготовкой кадров с ученой степенью и неустанно поддерживает молодых исследователей на этом пути. Для студентов, магистрантов и молодых специалистов при факультете был создан музей «Учебная археология» при поддержке спонсоров. Организовывая археологические экспедиции с участием студентов, магистрантов и своих учеников, учёный пополнил данный музей находками, сделанными в ходе раскопок. В результате музей превратился в научную лабораторию, охватывающую артефакты от древнейших времён до позднего Средневековья. Препятствия, возникшие при его создании, а также помощь добрых людей нашли своё отражение в 44-м рассказе данной книги.

На протяжении десятилетий ученый передавал в музейные фонды уникальные археологические находки, ставшие ценными источниками для изучения древней истории нашей родины. Более того, по его инициативе легоа в основу создания ряда специализированных музеев, призванных сохранить культурное наследие для будущих поколений. Первым из них стал «Шерободский музей», созданный на основе находок, сделанных учёным при изучении памятников Сополлитепа и Джаркутан в Шерабадском районе Сурхандарьинской области. Все работы, начиная от строительства здания музея, его оформления, благоустройства двора и превращения его в полноценный музейный комплекс, были возложены на учёного. Музей был открыт 9 мая 1983 года под руководством Шарофа Рашидова, и этот процесс подробно и доступным языком изложен в 23-й части рассказов.

Учёный, имеющий собственное научное направление, на сегодняшний день подготовил более 30 молодых исследователей, ставших канди-

датами и докторами наук. В настоящее время свыше 10 молодых специалистов проводят свои научные исследования под его руководством. Для молодых учёных, только что окончивших высшее учебное заведение и находящихся в поиске знаний, советы такого наставника имеют огромное значение. У него следует учиться не только секретам науки, но и урокам человечности, а также считать своим нравственным долгом проявление уважения и признательности.

В конце книги раскрыты научные направления учёного, которые продолжают развивать его ученики. Истинный энтузиаст правдивой истории, преданный науке человек, наш заботливый наставник в этом году отмечает своё 90-летие.

В свою очередь хотелось бы пожелать нашему учителю - уникальному ученому, наставнику ряда ученых-историков, создателю уникальной научной школы, государственному деятелю, ведущему исследователю истории формирования и государственности узбекского народа, академику Ахмадали Аскарову крепкого здоровья и желаем оставаться еще много лет гордостью нашего народа.

Muharrir: R. Nazarov
Musahhih: J. Saitmurodov
Dizayner: A. Ergashov

Nashriyot tasdiqnomasi № _____
Bosishga _____ da ruxsat etildi. Bichimi 60×84 1/8.
«Cambria» garniturasi. Ofset usulida bosildi.
Shartli b.t. 14. Nashr taboq ____. Adadi _____ nusxa.
____-raqamli buyurtma.

Markaziy Osiyo Tarixi

История Центральной Азии

History of Central Asia